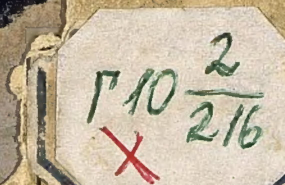
[illegible] Некрасову
от [illegible]

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

СЕКУЛЯРИЗАЦІИ ЦЕРКОВНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ ВЪ РОССІИ.

ЧАСТЬ I.

ПОПЫТКИ КЪ ОБРАЩЕНІЮ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННУЮ СОБСТВЕННОСТЬ ПОЗЕМЕЛЬНЫХЪ ВЛАДѢНІЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI ВѢКѢ
(1503—1580 г.)

Сочиненіе

А. Павлова.

ОДЕССА.
Тип. Ульриха и Шульце.
1871.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

СЕКУЛЯРИЗАЦІИ ЦЕРКОВНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ ВЪ РОССІИ.

ЧАСТЬ I.

ПОПЫТКИ КЪ ОБРАЩЕНІЮ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННУЮ СОБСТВЕННОСТЬ ПОЗЕМЕЛЬНЫХЪ ВЛАДѢНІЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ XVI ВѢКѢ (1503 — 1580 г.).

Сочиненіе

А. Павлова.

ОДЕССА.
Въ типографіи Ульриха и Шульце.
1871

Попытки къ обращенію въ государственную собственность церковныхъ земель въ Россіи въ XVI вѣкѣ.

По опредѣленіямъ каноническаго права, принятымъ у насъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, въ греческомъ номоканонѣ, недвижимыя церковныя имущества имѣютъ характеръ неподвижности не въ физическомъ только, но и въ юридическомъ смыслѣ: какъ посвященныя Богу (res sacrae), они не могутъ быть ни отъемлемы, ни отчуждаемы [1]. Въ силу этихъ опредѣленій, уже первые христіанскіе князья Руси, а за ними и частныя лица, жертвуя на содержаніе церквей и духовенства тотъ или другой постоянный источникъ доходовъ, обыкновенно заканчивали свои дарственныя грамоты торжественными проклятіями на тѣхъ, кто дерзнулъ бы „обидѣть" Церковь во владѣніи даруемою ей собственностію [2]. Съ

---

[1]) См. наприм. апост. прав. 38; анкир. соб. 15; антіох. 24; карѳаг. 35. 42. VII вселен. 12 и толкованія на всѣ эти правила.

[2]) Такія проклятія содержатся уже въ извѣстныхъ церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава и повторяются почти во всѣхъ, ближайшихъ къ нимъ, церковно-юридическихъ памятникахъ того же рода, напримѣръ: въ жалованной грамотѣ Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода Юрьеву монастырю, 1128—1132 г. (Доп. къ А. И. I, № 2); въ уставной грамотѣ Всеволода Мстиславича, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, 1134—1135 г. (ib № 3); въ уставной грамотѣ Святослава Олеговича, данной новогородской епископіи въ 1137 г. (Русс. Достоп, ч. 1, стр. 84); въ жалованной грамотѣ Изяслава Мстиславича новогородскому Пантелеимонову монастырю, 1146—1154 г. (Ист. Росс. Іерар. ч. V, стр. 554); въ уставной грамотѣ смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данной въ 1150 г. новоучрежденной смоленской епископіи (Доп. къ А. И. I, № 4); во вкладной грамотѣ Варлаама Хутынскаго (ib. № 5) и др.

своей стороны, духовная іерархія обязана была — тѣми же самыми каноническими опредѣленіями и дарственными грамотами — блюсти неприкосновенность земныхъ стяжаній Церкви во имя ихъ общаго и неизмѣннаго назначенія: служить благодѣтельнымъ цѣлямъ христіанской религіи. Какъ ревностно древніе наши пастыри исполняли эту обязанность, видно изъ безчисленнаго множества литературныхъ и юридическихъ памятниковъ XIII — XV вѣка, имѣющихъ цѣлію оградить Церковь отъ всякихъ постороннихъ вторженій въ сферу ея имущественнаго права [1]).

Понятно, однакожъ, что каноническій принципъ неотъемлемости и неотчуждаемости церковныхъ имуществъ ни въ Греціи ни у насъ не могъ получить того безусловнаго значенія, какое стремилась придать ему духовная іерархія. Онъ обусловленъ, прежде всего, дѣйствительнымъ состояніемъ права у того или другаго народа, среди котораго является Церковь въ качествѣ обладательницы извѣстныхъ матеріальныхъ благъ. Гдѣ не прочно всякое частное право, тамъ церковная собственность не прочна по преимуществу: ибо Церковь, какъ *царство не отъ міра сего*, не имѣетъ въ самой себѣ никакихъ матеріальныхъ средствъ обороны

---

[1]) Укажемъ, напримѣръ, 1) на поученіе неизвѣстнаго владимірскаго епископа XIII вѣка къ великому князю, сыну Александра Невскаго (Опис. Рум. Муз. стр. 281); 2) на составленное у насъ (подложное) правило V вселенскаго собора «на обидящихъ святыя божія церкви», которое такъ часто встрѣчается въ Кормчихъ софійской редакціи и на которое уже въ XV вѣкѣ ссылался митрополитъ Филиппъ въ посланіи къ новогородцамъ (А. И I, № 82, стр. 133); 3) на ханскіе ярлыки, въ которыхъ (очевидно, со словъ нашихъ митрополитовъ) мысль о неприкосновенности церковныхъ имуществъ выражается даже съ большею силою и торжественностью, чѣмъ въ русскихъ княжескихъ грамотахъ такого же содержанія. — 4) на сказанія, внесенныя въ житія русскихъ святыхъ, о чудесныхъ казняхъ, какимъ подвергались похитители церковной собственности (См. на прим. чудо о бояринѣ Захаріи, помѣщенное въ житіи Леонтія ростовскаго *Буслаевъ*, Ист. Христ., стр. 735). — О другихъ памятникахъ въ этомъ родѣ будетъ рѣчь ниже.

противъ насильственнаго захвата ея имуществъ. Эту мысль прекрасно выразилъ, относительно своего времени, преподобный Кириллъ бѣлозерскій, который въ своей духовной грамотѣ (1427 г.), между прочимъ, писалъ мѣстному удѣльному князю: «а что еси, господине, подавалъ свое жалованье — грамоты свои дому Пречистыя Богородицы и моей нищетѣ, чтобы то, господине, твое жалованье и грамотки неподвижны были: какъ и доселѣ, господине, при моемъ животѣ, такъ бы, господине, и по моемъ животѣ было; занеже, господине князь великый, *намъ твоимъ нищимъ не чимъ боронитися противу обидящихъ насъ, но токмо, господине, Богомъ и Пречистою Богородицею и твоимъ, господине, жалованіемъ нашего господина и господаря»* [1]). Далѣе, имущества Церкви, какъ юридической личности, воплощающей въ себѣ опредѣленную цѣль, подчинены требованіямъ цѣлесообразности. «Церковь, по мѣткому выраженію Шульте, существуетъ не для того, чтобы пріобрѣтать имущества, но имѣетъ имущества для того только, чтобы достигать общихъ или конкретныхъ цѣлей» [2]). Что перестаетъ служить этимъ цѣлямъ, то необходимо теряетъ внутренній характеръ *церковнаго* имущества. Оно можетъ сдѣлаться не церковнымъ и въ юридическомъ смыслѣ — уже потому, что частныя жизненныя цѣли, служащія основаніемъ права церковной собственности на тѣ или другія имущества, не имѣютъ характера необходимости и неизмѣняемости. Многое, чѣмъ прежде завѣдывала Церковь, и на что она получала отъ государства и общества богатыя матеріальныя пожертвованія, съ теченіемъ времени естественно переходитъ въ сферу чисто государственныхъ и общественныхъ отношеній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣковое зданіе имущественныхъ правъ Церкви лишается самаго прочнаго —

[1]) А. И. I, № 52.

[2]) Lehrbuch des Katolischen Kirchenrechtes, 2-te Auflage. 1868 s. 488. 489.

жизненнаго основанія. Наконецъ (и это самое главное) религіозное воодушевленіе, когда-то безъ мѣры обогащавшее Церковь, мало по малу слабѣетъ, охлаждается, какъ и всякое другое воодушевленіе: настаютъ времена реакціи, которая не только не благопріятствуетъ дальнѣйшему обогащенію Церкви, но и заставляетъ видѣть въ ея наличномъ достояніи, особенно въ поземельныхъ богатствахъ, нѣчто ненормальное, отжившее свою пору, мѣшающее общему экономическому прогрессу.

Дѣйствіе этихъ условій проходитъ чрезъ всю исторію недвижимыхъ церковныхъ имуществъ въ любомъ изъ христіанскихъ государствъ [1]). У насъ на Руси примѣры захвата церковныхъ земель князьями встрѣчаются уже въ XII вѣкѣ [2]). Въ слѣдующія столѣтія жалобы духовной іерархій на «обидящихъ святыя божія церкви» и поученія о неприкосновенности «недвижимыхъ вещей, посвященныхъ Богу», повторяются чаще и чаще — конечно, не безъ поводовъ со стороны сильныхъ міра сего [3]). Но всѣ эти примѣры

---

[1]) Такъ въ византійской имперіи церковныя имущества значительными массами подвергались секуляризаціи при Юліанѣ Отступникѣ, въ бурный періодъ иконоборства, при Никифорѣ Фокѣ (X вѣка) и при Исаакѣ Ангелѣ (XII в.). О двухъ послѣднихъ см. у *Леунклавія* въ «Jus graeco—romanum», t. 1. p. 112—117. 124—126. Древнѣйшіе примѣры изъ исторіи западныхъ христіанскихъ государствъ обстоятельно изложены въ сочиненіи *Рота* (Roth): Gesch. des Beneficialwesens von d. ältesten Zeiten bis ins 10 Jahrh. 1850, s. 313 — 366. 466 — 470.

[2]) Такъ въ 1175 году владимірскіе князья Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи отняли у тамошней епископской церкви села и слободы, данныя ей Андреемъ Боголюбскимъ (Пол. Собр. Лѣтоп. Т. II, стр. 159. 160.)

[3]) Напримѣръ, въ 1224 году смоленскій епископъ Лазарь оставилъ каѳедру «за много обидѣніе святыхъ церквей, иже обидятъ властели, отнимающе имѣнія и злая безъ правды творяще и обидяще вдовицы и сироты» (*Филаретъ*, житія русскихъ святыхъ, Августъ, стр. 82, примѣч 131). Черезъ четыре года константинопольскій патріархъ Германъ писалъ кіевскому митрополиту Кириллу I:» «приказываетъ же смиреніе наше о Дусѣ Святѣмъ, съ неразрушимымъ отлученіемъ. и всѣмъ благочестивымъ княземъ и прочимъ

были не болѣе, какъ мѣстными и случайными нарушеніями имущественныхъ правъ того или другаго церковнаго учрежденія, и при томъ носили характеръ грубаго физическаго насилія, неправды, „обиды", противъ которыхъ духовная іерархія, говоря вообще, успѣшно дѣйствовала силою своихъ увѣщаній или страхомъ анаѳемы [1]). Не то мы видимъ въ XV и особенно въ XVI вѣкѣ. Теперь опасность начинаетъ уже грозить всей Церкви, и тѣмъ сильнѣе, что правительство и общество дошло до сознанія нравственныхъ, народно-экономическихъ и государственныхъ невыгодъ, происходящихъ отъ излишняго обогащенія церквей и монастырей вотчинами. Правда, духовная іерархія и теперь еще имѣла довольно силы, чтобы отстоять неприкосновенность поземельной церковной собственности слишкомъ на два столѣтія.

старѣйшинствующимъ тамо, *да огребаются отъ монастырскихъ и церковныхъ стяжаній»* (Ркп. Кормчая Солов. библіотеки № 477, л. 428 об. 427. Срав. Ист. Русс. Церкви *Макарія*, т. III, стр. 338 (изд. 1). Во второй половинѣ XIII вѣка неизвѣстный владимірскій епископъ жаловался великому князю на разореніе мѣстной церкви и опустошеніе ея домовъ («церкви та ограблена и домы ея пусты». См. предыд. примѣч.). Въ концѣ XIV вѣка митрополитъ Кипріанъ боролся за вотчинныя права своей митрополіи и новогородской архіепископіи (Православн. Собесѣд. 1860. II, стр. 97. А. И. I, № 7 и 9). Пріемникъ его Фотій, прибывшій въ Москву спустя четыре года послѣ его смерти (именно — въ 1410 году), нашелъ митрополичій домъ и казну въ совершенномъ запустѣніи, а волости своей каѳедры расхищенными отъ князей, бояръ и другихъ людей (*Макарій*, Ист. Русс. Церкви, т. V, стр. 94). Бо́льшая часть изъ нихъ взята была самимъ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, къ которому митрополитъ два раза обращался съ посланіями или поученіями о неотъемлемости церковныхъ имуществъ. Выписки изъ этихъ (неизданныхъ) посланій находятся въ статьѣ о Фотіи, помѣщенной въ Прибавл. къ твор. св. отецъ, ч. XI, стр. 223.

[1]) Это отчасти видно изъ тѣхъ же самыхъ свидѣтельствъ, которыя говорятъ о захватахъ церковныхъ имуществъ князьями. Такъ владимірскіе князья Ростиславичи, отнявшіе у мѣстной епископіи села и слободы, были за то изгнаны гражданами, вѣроятно — по настоянію духовенства. Призванный на ихъ мѣсто новый князь Михаилъ Юрьевичь опять возвратилъ Церкви отнятое у ней достояніе. (См. предыдущее примѣчаніе). — М-тъ Фотій успѣлъ, хотя и съ большими непріятностями и огорченіями для себя, возвратить всѣ вотчины своей митрополіи (тамъ же).

Тѣмъ не менѣе идея секуляризаціи уже въ XVI вѣкѣ окончательно отлилась въ форму государственнаго вопроса, который потомъ, можно сказать, не сходилъ съ очереди. Первый періодъ историческаго развитія этой идеи (1503 — 1580 г.), безспорно, имѣетъ особенную знаменательность. Онъ представляетъ намъ ожесточенную борьбу партій, заинтересованныхъ въ вопросѣ и ведущихъ между собою открытую литературную полемику: явленіе, исключительно свойственное только XVI вѣку. Борьба эта, въ существѣ дѣла, была борьбою противоположныхъ жизненныхъ началъ и условій, дѣйствіе которыхъ въ одинаковой мѣрѣ проявлялось и въ Церкви и въ государствѣ. Церковь боролась за неприкосновенность своихъ имуществъ, прежде всего, не съ государствомъ, а съ представителями ея же собственнаго нравственнаго духа и сознанія—съ новымъ направленіемъ въ средѣ самого духовенства (именно, монашества). Государство, стремясь къ обращенію церковныхъ земель въ свою собственность, встрѣчало неодолимыя препятствія не столько во внѣшней силѣ и общественномъ значеніи духовной іерархіи, сколько въ силѣ вѣковыхъ обычаевъ и преданій, которые продолжали господствовать и надъ нимъ самимъ. Отсюда поразительное, на первый взглядъ, противорѣчіе въ дѣятельности всѣхъ московскихъ государей XVI вѣка: они съ одной стороны отнимаютъ у церквей и монастырей ихъ вотчины или, по крайней мѣрѣ, способы къ пріобрѣтенію новыхъ вотчинъ, съ другой—не перестаютъ раздавать имъ свои жалованныя грамоты на земли и угодья.

Такимъ образомъ историческій обзоръ XVI столѣтія, какъ эпохи возникновенія у насъ вопроса о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ, долженъ обнимать а) обстоятельства, вызвавшія этотъ вопросъ, б) попытки и в) препятствія къ его разрѣшенію.

I.

Жизненная постановка вопроса о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ въ XV и XVI вѣкѣ.—Юридическая природа этихъ вотчинъ.—Отношеніе къ нимъ свѣтскаго правительства.

Какъ въ литературѣ, такъ и въ законодательствѣ московской Руси XVI вѣка вопросъ о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ является прежде всего *нравственно-религіознымъ* вопросомъ. Первоначальная постановка его принадлежитъ представителямъ строгаго взгляда на монашество, которые уже давно замѣтили соблазнительное противорѣчіе между иноческими обѣтами, состоящими въ отреченіи отъ міра и всякой собственности, и дѣйствительною жизнію монаховъ, владѣющихъ землями, угодьями, селами, цѣлыми волостями. Такъ еще митрополитъ Кипріанъ (въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка) писалъ одному игумену: «святые отцы не предали инокамъ владѣть людьми и селами. Какъ можно однажды отрекшемуся міра и всего мірскаго снова связывать себя мірскими дѣлами, снова созидать то, что самъ же разрушилъ, и такимъ образомъ быть преступникомъ своихъ обѣтовъ? И древніе отцы, какъ-то: св. Пахомій, св. Ѳеодосій, начальникъ общежитія, св. Германъ и многіе другіе святые отцы въ Палестинѣ, на Синайской горѣ, въ Раифѣ и на Святой горѣ (Аѳонѣ), которую я самъ видѣлъ, не пріобрѣтали себѣ ни селъ, ни стяжаній. Только послѣ, когда мало по малу ослабѣла прежняя строгость, монастыри и скиты стали владѣть селами и другими имуществами. Это дѣло требуетъ большаго вниманія и осторожности: ты спрашиваешь меня

о селѣ, которое князь далъ тебѣ въ монастырь, что̀ дѣлать съ нимъ? Выслушай отъ меня отвѣтъ и пріими совѣтъ мой: если ты съ своею братіей уповаешь на Бога, и если Богъ доселѣ пропитывалъ васъ безъ села и впредь пропитаетъ: то зачѣмъ связывать себя мірскими попеченіями и, вмѣсто того, чтобы помнить о Богѣ и служить ему одному, помышлять о селахъ и развлекаться мірскими попеченіями? Обрати вниманіе и на то: пока чернецъ живетъ безъ всякаго мірскаго попеченія, онъ въ мирѣ со всѣми мірянами, всѣ его любятъ, всѣ отдаютъ ему честь; а когда обяжется селами и мірскими попеченіями, тогда настанетъ нужда ходить къ князьямъ и волостелямъ, искать судилищъ, стоять за своихъ, ссориться съ чужими и невольно унижаться предъ всякимъ, чтобы только не дать своихъ въ обиду,—словомъ: брать на себя великіе труды и оставлять свое правило. А что всего важнѣе: когда чернецы начнутъ владѣть селами, судить мущинъ и женщинъ, часто ходить къ нимъ и печаловаться объ нихъ, тогда чѣмъ они отличны будутъ отъ мірянъ? Вѣдь чернецамъ опасно обращаться и разговаривать съ женщинами. Но, если можно, хорошо было-бы устроить такъ: пусть село будетъ за монастыремъ, но чернецу никогда въ немъ не бывать, а приказать село какому нибудь богобоязненному мірянину и ему заботиться о всѣхъ дѣлахъ, такъ чтобы онъ привозилъ въ монастырь все готовое житомъ и другими вещами, потому что пагуба чернецамъ владѣть селами и дѣлать туда частые выходы» [1]). По тѣмъ же соображеніямъ, препод. Кириллъ бѣлозерскій (ум. 1427 г.) не одинъ разъ отказывался отъ селъ, которыя предлагали его монастырю сосѣдніе землевладѣльцы, и только ропотъ братіи, недовольной нестяжательностію своего игумена, а можетъ быть, и опа-

[1]) А. И. Т. I. № 253, стр. 480.

сеніе за будущую судьбу своей обители, побудили его последовать общему монастырскому примѣру [1]). Нравственныя невыгоды землевладѣльческаго быта монастырей становились тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ болѣе увеличивались источники монастырскихъ доходовъ. Приволье и покой жизни въ монастыряхъ, богатыхъ вотчинами, привлекали сюда не мало такихъ людей, которые, надѣвая монашескую рясу, вовсе не думали объ иноческихъ подвигахъ. Такихъ именно монаховъ нашелъ въ Троицкой Лаврѣ строгій бѣлозерскій пустынножитель Паисій Ярославовъ, поставленный сюда въ игумены по волѣ великаго князя Ивана III. Попытки

[1]) Въ житіи препод. Кирилла проводится даже та мысль, что онъ, до
конца своей жизни, остался вѣренъ взгляду о неприличіи монахамъ вла-
дѣть селами. Здѣсь разсказаны слѣдующіе два случая. Какой-то бояринъ
Романъ Ивановичъ, желая отдать монастырю свое село, послалъ препо-
добному данную грамоту на него. Получивъ эту грамоту, старецъ Ки-
риллъ сталъ размышлять съ собою: «если мы захотимъ владѣть селами, то у
насъ начнутся хлопоты, могущія нарушить безмолвіе братіи; нужно будетъ
посылать туда посельниковъ и рядниковъ; нѣтъ, лучше намъ жить безъ
селъ: ибо душа одного брата дороже всякаго имѣнія». Итакъ преподобный
отослалъ назадъ боярину его данную грамоту и написалъ къ нему: «если
тебѣ угодно было, человѣкъ божій, дать село къ монастырю Пречистой Бо-
городицы, то давай намъ лучше въ годъ по 100 мѣръ жита, а селомъ вла-
дѣй самъ, потому что села намъ не нужны и братіи не полезны». Бояринъ
исполнилъ желаніе преподобнаго, и только послѣ его смерти село придано
было монастырю (Ркп. бывшей Солов. библіот. № 219, л. 71—72). Другой
бояринъ Данило Андреевичъ хотѣлъ отказать монастырю село по своей ду-
шѣ. Но когда одинъ изъ братій принесъ извѣстіе объ этомъ преподобному
Кириллу, то онъ сказалъ: «я не нуждаюсь въ селахъ при моемъ животѣ, а
когда отойду отъ васъ, тогда дѣлайте, какъ хотите». Сильно поскорбѣлъ братъ
на игумена за то, что онъ его не послушалъ и села не взялъ (Тамъ же,
л. 88 об. 89). Но этимъ извѣстіямъ противорѣчатъ юридическіе акты преп.
Кирилла, именно: а) духовная грамота, въ которой упоминаются уже жало-
ванныя грамоты бѣлозерскому монастырю князя Андрея Дмитріевича (А. И.
1, № 32), б) купчая на деревню (А. Ю. № 72) и в) другіе крѣпостные акты
на землю, исчисленные въ тарханной грамотѣ 1556 г. (А. И. I, № 163). Ос-
тается, значитъ, представлять себѣ дѣло такъ, какъ оно представлено нами
въ текстѣ.

Паисія «обратить братію на путь Божій, на молитву, постъ и воздержаніе» оправдали только пословицу: въ «чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходи»: — братія возмутилась противъ строгаго игумена, а постриженики изъ князей и бояръ хотѣли даже убить его, такъ что Паисій вынужденъ былъ оставить свое игуменство [1]). Другой ревнитель древней монастырской дисциплины — Іосифъ Санинъ (впослѣдствіи строитель и игуменъ монастыря на Волокѣ Ламскомъ) обошелъ нѣсколько сѣверныхъ обителей, когда-то славныхъ своими строгими уставами, — и ни одною не остался вполнѣ доволенъ [2]). Такимъ образомъ, кто воодушевленъ былъ духомъ прежнихъ подвижниковъ, для тѣхъ не оставалось ничего болѣе, какъ разорвать всякую нравственную связь съ современнымъ монашествомъ и созидать новые монастыри — съ древними формами жизни и дисциплины. Такъ въ концѣ XV вѣка возникли, въ средѣ русскаго монашества, два преобразовательныя направленія: *строго — общежительное*, представителемъ котораго былъ Іосифъ волоцкій, и *скитское*, начало которому положилъ у насъ Нилъ сорскій, ученикъ вышеупомянутаго Паисія Ярославова. По отношенію къ вотчинному быту монастырей, какъ главному источнику всѣхъ соблазнительныхъ явленій въ жизни современнаго монашества, взгляды представителей того и другаго направленія совершенно расходились: Іосифъ волоцкій находилъ возможнымъ совмѣстить право *монастыря* на владѣніи вотчинами съ обѣтами *монаховъ*, отрекающихся отъ міра и всякой собственности, подчинивъ послѣднихъ правиламъ строгаго общежитія, такъ чтобы все мо-

[1]) Пол. Собр. Лѣтоп. Т. VI, стр. 236 (подъ 1484 годомъ).

[2]) Путешествіе Іосифа по сѣвернымъ монастырямъ и его замѣтки о внутреннемъ бытѣ ихъ обстоятельно изложены въ книгѣ *Хрущова* подъ заглавіемъ: «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена волоцкаго». С. П. Б. 1868, стр. 34—37.

настырское богатство принадлежало самому монастырю и — ничего лично монахамъ [1]). Напротивъ, Нилъ сорскій, видѣвшій идеалы истиннаго «старчества» на Аѳонѣ, безусловно отвергалъ право монастырей на владѣніе селами и требовалъ, чтобы монахи питались собственнымъ рукодѣльемъ или, въ случаѣ нужды, «милостынею отъ христолюбцевъ» [2]). Въ началѣ XVI вѣка литературнымъ борцомъ за идеи сорскаго пустынножителя выступилъ ученикъ его инокъ-князь Вассіанъ Патрикѣевъ, сторону котораго принялъ потомъ и знаменитый Максимъ Грекъ.

Нравственный протестъ противъ вотчиннаго быта монастырей не могъ, конечно, ограничиваться только тѣснымъ кружкомъ «недовольныхъ» въ средѣ самого монашества. Нилъ сорскій, какъ ниже увидимъ, считалъ даже долгомъ своей со-

---

[1]) Эта мысль выражена въ слѣдующихъ словахъ монастырскаго устава Іосифа волоцкаго: «Хотяй сподобитися божественныя благодати въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ долженъ есть имѣти совершенное нестяжаніе и христолюбную нищету, *и ничто же имѣти или помышляти свое, но все — монастырское*». (Рукоп. бывшей Соловец. биб. № 329).

[2]) Вотъ идеалъ монашеской жизни, начертанный въ скитскомъ уставѣ Нила сорскаго, очевидно — въ противоположность быту вотчинно-общежительныхъ монастырей: «не за дѣла излишняя правилъ (т. е. не для дѣлъ внѣшней дисциплины), да сія содѣлаемъ, селенія безмолвія избираемъ, ... но да отступимъ *мятежъ и молвъ неподобныхъ* и прочихъ, неугодныхъ Богу, и пребудемъ въ заповѣдѣхъ Его, пріобрѣтающе нужную потребу *отъ трудовъ своихъ*; аще ли ни, то мало вземлюще милостыня, откуда усмотритъ благодать Его. Излишнихъ же всячески ошаятися (удаляться); *брани же и тяжа и которы, тѣлесныхъ ради лихоимствъ* (т. е. тяжбъ изъ имущественныхъ интересовъ), яко яда смертнаго отбѣгаемъ; сія дѣланія творяще, яже суть угодна Богу: пѣніе, молитва, чтеніе и поученіе отъ духовныхъ, рукодѣліе». (Ркп. той же библіотеки № 831, л. 301). Аскетической простотѣ жизни пустынножителя должна была, по уставу Нила сорскаго, соотвѣтствовать и простота скитской церкви, въ которой онъ не давалъ мѣста никакимъ драгоцѣнностямъ, напримѣръ, золотымъ или серебрянымъ сосудамъ и окладамъ на иконахъ. См. сочиненія Вассіана Патрикѣева, изданныя мною въ Православн. Собесѣд. 1863 г. окт., стр. 209.

вѣсти заговорить въ слухъ самихъ государей о необходимости отобрать у всѣхъ монастырей вотчины. Съ другой стороны, ежедневный опытъ давалъ понимать всѣмъ и каждому, что монастырскія богатства идутъ не на одно добро. Особенно сильно долженъ былъ возмущаться нравственный смыслъ народа — тѣмъ, что въ XV и XVI вѣкѣ, въ эпоху описаннаго нами упадка монастырской дисциплины, монастыри уже переставали служить своему религіозно-общественному назначенію: быть пріютомъ для «нищей братіи», которая испоконъ вѣку привыкла питаться отъ церквей божіихъ, но предъ которою теперь уже не рѣдко затворялись монастырскія ворота. И вотъ, по вѣрѣ народной, глубоко оскорбляемой такою безучастностію монаховъ къ судьбѣ «нищей братіи», святые угодники божіи, отцы русскаго монашества, почасту начинаютъ теперь возставать изъ своихъ чудотворныхъ ракъ и жестоко наказывать монастырскихъ властей за нарушеніе своихъ уставовъ. Въ житіи преподобнаго Варлаама хутынскаго записано до пяти «чудесъ» въ этомъ родѣ. Вотъ одно изъ нихъ: «при игуменѣ Никифорѣ, котораго прислалъ съ Москвы въ обитель чудотворца Варлаама великій князь Василій Ивановичъ, былъ во всей новогородской землѣ сильный голодъ. Тогда въ обитель святаго стали приходить изъ Новгорода голодные люди, съ женами и дѣтьми, прося хлѣба у игумена и братіи. Но игуменъ велѣлъ выслать ихъ изъ монастыря и запереть монастырскія ворота. Въ слѣдующую же ночь является къ нему въ келью преподобный Варлаамъ, съ жезломъ въ рукѣ, который и теперь стоитъ у его раки, и съ такими грозными словами: «что ты, игуменъ Никифоръ, показалъ такую немилость къ нищимъ, умирающимъ съ голоду? Ты не только не подалъ имъ милостыни, не накормилъ и не напоилъ ихъ, но и велѣлъ даже запереть монастырскія ворота. А когда я отходилъ къ

Господу Богу, то приказалъ своей братіи жить въ монастырѣ по моему преданію и, прежде всего, *имѣть любовь къ нищимъ* и не забывать страннолюбія, отчего благодатію Христовою моя обитель никогда не оскудѣетъ. А ты Христа оскорбилъ, прогнавъ голодными Его братію—нищихъ». Сказавъ это, чудотворецъ Варлаамъ началъ такъ сильно бить игумена Никифора своимъ жезломъ, что у него, Никифора, отнялась рука и нога, и въ такомъ разслабленіи онъ оставилъ игуменство и уѣхалъ назадъ въ Москву». [1]) Но тогда какъ оскорбленная вѣра однихъ находила себѣ мстителей въ самихъ чудотворцахъ, не перестававшихъ и съ того свѣта блюсти за исполненіемъ своихъ уставовъ, маловѣріе другихъ видѣло въ вотчинномъ бытѣ монастырей не болѣе, какъ произведеніе монашескаго корыстолюбія и поводъ къ праздности, тунеядству и другимъ порокамъ. Изъ такого взгляда еще въ XIV вѣкѣ, развилась въ Новгородѣ и Псковѣ ересь *стригольниковъ*. Сущность этой ереси состояла въ отрицаніи спасительной силы церковныхъ священнодѣйствій, совершаемыхъ духовенствомъ «на мздѣ». Въ частности еретики учили: «не достоитъ надъ умершими пѣти, ни приноса за мертвыхъ приносити въ церкви, ни пировъ (извѣстныхъ монастырскихъ «кормовъ») творити, ни милостыню давати за душу умершаго». [2]) Ясно, что этотъ пунктъ еретическаго ученія направленъ былъ противъ общаго обычая отдавать всякаго рода имущества въ церкви и монастыри «на поминокъ по душахъ» и, съ тѣмъ вмѣстѣ, — противъ главнаго основанія неприкосновенности церковныхъ имуществъ, какъ «данныхъ Богови,

---

[1]) Рукоп. быв. Соловецкой библіот. (нынѣ Казан. Духовн. Академіи) № 226. л. 93 и слѣд. Такому же наказанію подверглись, за нарушеніе монастырскаго устава о нищепитательствѣ, игуменъ Сергій, казначей Тарасій, какой-то старецъ чашникъ и келарь Асафъ.

[2]) А. И. Т. I. № 6, стр. 13, 14.

въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, на память послѣднему роду» [1]. Ересь стригольниковъ, хотя и осужденная въ своихъ догматическихъ положеніяхъ, не осталась однакожъ безъ вліянія на судьбу церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ въ Новгородѣ и Псковѣ: въ продолженіе XIV и XV вѣка новгородцы и псковичи, «вставляя нѣкая тщетная словеса и мудрствуя себѣ плотская, а не духовная», нѣсколько разъ отбирали у церквей и монастырей земли и угодья, «данныя имъ на вѣчныя времена, въ память по душахъ». [2] Во второй половинѣ XV вѣка ересь стригольниковъ возобновилась, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, въ ереси такъ называемыхъ *жидовствующихъ* [3]. Враждебныя отношенія этихъ новыхъ еретиковъ къ вотчинному быту монастырей видны уже изъ того, что они вообще отвергали монашество, называя монаховъ «отступниками пророческаго, евангельскаго и апостольскаго ученія, которые сами измыслили себѣ образъ жизни и держатся не божественныхъ, а человѣческихъ преданій» [4]. Впослѣдствіи Ѳеодосій Косой, буквально повторяя тотъ же самый отзывъ о монахахъ, уже прямо порицалъ русскіе монастыри за владѣніе селами [5].

[1]) Ниже мы увидимъ, что духовенство, въ защиту неприкосновенности поземельныхъ владѣній Церкви, всего чаще указывало на то, что эти владѣнія образовались вслѣдствіе благочестивыхъ пожертвованій «на поминокъ по душахъ», хотя конечно далеко не всѣ церковныя и монастырскія вотчины произошли такимъ способомъ.

[2]) Посланіе м-та Филиппа въ Новогородъ 1467 г. (А. И. Т. 1. № 82). Такія же посланія, въ прежнія времена, писали въ Новогородъ и Псковъ м-ты Кипріанъ (тамъ же, № 7 и 9) и Ѳеодосій (№ 77 и 277).

[3]) Преемственная связь жидовствующихъ со стригольниками замѣчена уже Геннадіемъ новогородскимъ въ посланіи о первыхъ еретикахъ къ м-ту Зосимѣ и собору 1491 года. См. А. Э. Т. 1. № 380 и Правосл. Собесѣд. 1863. Апрѣль, стр. 476—481.

[4]) Просвѣтитель Іосифа волоцкаго, слово 2, гл. 1.

[5]) Объ этомъ будетъ рѣчь ниже, въ главѣ IV.

Тогда какъ книжные люди протестовали противъ вотчиннаго быта монастырей преимущественно во имя религіозно-нравственнаго принципа, на служеніе которому посвящало себя монашество,—народъ и общество ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ заинтересованы были *экономическою* стороною вопроса, такъ какъ обогащеніе монастырей поземельною собственностію совершалось не безъ ущерба для другихъ землевладѣльцевъ — частныхъ лицъ и цѣлыхъ общинъ (сельскихъ, крестьянскихъ). Интересы первыхъ всего чаще страдали отъ всеобщаго обычая отдавать вотчинныя земли въ монастыри по завѣщаніямъ «на поминокъ по душахъ», при чемъ не рѣдко случалось, что завѣщатели, озабоченные спасеніемъ своей души, надѣляли монастырь съ такою щедростію, которая была или казалась обидою для ихъ законныхъ наслѣдниковъ. Такъ, напримѣръ, если одинъ завѣщатель, отказывая монастырю свой дворъ, просилъ игумена съ братіей, чтобы они «пожаловали, жены его не выкинули вонъ изъ того двора до ея смерти, или постриженія въ монахини, или до втораго замужества»; [1]) если другой, отдавъ въ монастырь все свое имущество, предоставлялъ милосердію монаховъ «жену его надѣлити, какъ имъ, государямъ, Богъ извѣститъ»; [2]) если наконецъ третьи, и очень многіе, завѣщая монастырямъ свои вотчинныя земли, назначали слишкомъ высокую цѣну для выкупа ихъ законными наслѣдниками, [3]) или, не имѣя нисходящихъ, вовсе обхо-

---

[1]) А. Юрид. № 420.

[2]) Тамъ-же № 421. II.

[3]) Жалобы не слишкомъ высокую цѣну, назначаемую завѣщателями для выкупа родственниками имуществъ, отдаваемыхъ въ монастыри «по душахъ», въ XVI вѣкѣ обратили вниманіе и правительства, которое предоставило наслѣдникамъ право требовать переоцѣнки, если духовная не была еще запечатана и утверждена (А. И. Т. I. № 154 VI.

дили боковыхъ родственниковъ и отдавали все свое имущество монастырямъ «вопрокъ, безъ выкупа»: [1]) то во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ естественно предположить крайнюю степень неудовольствія со стороны лицъ, заинтересованныхъ въ имуществѣ завѣщателя. Въ Новгородѣ, подъ вліяніемъ ереси стригольниковъ, это неудовольствіе доходило до того, что общественная власть и частныя лица стали «рудить духовныя грамоты»—не исполнять распоряженій объ отдачѣ церквамъ и монастырямъ имуществъ, отказанныхъ «на поминокъ по душѣ» [2]). Подобные примѣры неуваженія къ послѣдней волѣ умирающихъ побудили духовенство въ XV вѣкѣ присоединить къ церковному «синодику» (куда записывались имена усопшихъ вкладчиковъ для вѣчнаго поминовенія) особое поучительное предисловіе, которое предназначено было для еженедѣльнаго чтенія въ церквахъ по субботамъ, и въ которомъ, на ряду съ доказательствами о необходимости щедрыхъ пожертвованій церквамъ и монастырямъ «по душахъ», представлена слѣдующая *типическая* семейная сцена: умирающій глава семейства приказываетъ женѣ и дѣтямъ, послѣ своего живота, «распространенно раздаяти по церквамъ своя имѣнія». Но жена — душеприкащица, схоронивъ мужа, начинаетъ жаловаться на него дѣтямъ, говоря: «чада моя, что се умысли безъ ума отецъ вашъ, а мой мужъ? — повелѣ своя имѣнія церквамъ и нищимъ

---

[1]) Въ первой половинѣ XVI вѣка самому правительству стало извѣстно, что многіе вотчинники отдаютъ свои вотчины въ монастыри «для того, чтобы онѣ ближнему ихъ роду не доставались» (См. грамоту 1535 года отъ имени малолѣтняго Ивана IV Глушицкому монастырю, въ Ист. Росс. Іер. Т III. стр. 712).

[2]) Это видно изъ замѣчательнаго посланія митрополита Филиппа въ Новгородъ о неприкосновенности земель и селъ, отданныхъ церквамъ и монастырямъ по душахъ, 1467 года (А. И. I. № 82).

раздаяти, а мене и васъ оставляетъ убогими сиротами. Воистину, безуменъ есть глаголъ сей мужа моего! Чада моя, умыслила есмь тако: толико азъ съ такимъ богатствомъ да иду за богата мужа, и онъ мене возлюбитъ, а васъ вскормитъ». — «И въ томъ размышленіи — заключаетъ неизвѣстный авторъ — души ихъ (т. е. завѣщателей, оставшихся по смерти безъ церковнаго поминовенія) во адѣ мучими суть, а дѣти (у которыхъ отчимъ отнялъ все отцовское имущество) — въ убожествѣ и по работамъ» [1]. Вѣроятно, на это поученіе намекаетъ Курбскій въ своей жалобѣ на монаховъ, которые, по его словамъ, внушая умирающимъ не оставлять своего имѣнія родственникамъ, хотя бы и бѣднымъ, а отказывать все въ монастыри, чтобы получить за то царствіе небесное, разорили крестьянскія земли, а воинскій чинъ (служилыхъ людей) сдѣлали хуже каликъ. [2])

Какъ интересы землевладѣльческаго класса (вотчичей) страдали отъ общественнаго обычая отдавать вотчинныя земли въ монастыри «по душахъ», такъ интересамъ сельскихъ общинъ постоянно грозилъ правительственный обычай жаловать

[1]) Мы пользовались этимъ замѣчательнымъ литературнымъ памятникомъ по рукописи бывшей Соловецкой библіотеки № 329: Главное содержаніе этой рукописи составляетъ монастырскій уставъ Іосифа волоцкаго: не ему ли принадлежитъ и предисловіе къ «синодику»? Въ уставѣ есть уже ссылка на это предисловіе: «подобаетъ убо соборнымъ братіямъ съ настоятелемъ или не сущу настоятелю попеченіе имѣти о семъ, яко да прочитается сенатикъ и повсядневное поминаніе и лѣтныя памяти, и кормы кормити тако, якоже написано есть въ сенатицѣ. Хотяй же Господа ради воистину о семъ попещися, да прочитаетъ иже въ сенатицѣ о семъ написанное слово, ему же надписаніе сицево сказаніе имущее: «свидѣтельство отъ божественныхъ писаній о спасительныхъ и душеполезныхъ книгахъ, о сенатицѣ и о вседневномъ поминаніи» (Преданіе 1-е, на концѣ). Такъ Іосифъ цитируетъ въ уставѣ свои собственныя сочиненія; таково же оглавленіе и предисловія къ сенатику.

[2]) Опис. Рум. Муз. стр. 244.

новосозданнымъ монастырямъ ближайшія къ нимъ земли и угодья. Отсюда не рѣдко происходило, что крестьяне прогоняли отъ себя монаховъ, которые поселялись на сосѣднихъ пустопорожнихъ земляхъ и полагали здѣсь основаніе монастырю, — прогоняли именно изъ страха, чтобы пришлецы впослѣдствіи не завладѣли ихъ землями и селами. Это случилось, напримѣръ, съ Димитріемъ прилуцкимъ, Стефаномъ махрищскимъ, Даніиломъ переяславльскимъ и Антоніемъ сійскимъ [1]). Чтобы защитить новосозданный мона-

---

[1]) Въ житіи Димитрія прилуцкаго читаемъ: «обрѣтеся (препод. Димитрій) на пустѣ мѣстѣ, на рѣцѣ на Лежѣ, и ту церковь постави. Ненавидяй же добра роду человѣчю діаволъ завистникъ подстрекаетъ люди неблаговѣрныя отъ прилежащія тамо веси, *Авнега* зовомыя, на святопомазанную главу ропотъ велій воздвигоша, глаголюще: отче, неугодно есть тебѣ и намъ твое здѣ пребываніе. Помыслыша бо въ себѣ, яко сей велій старецъ здѣ близь насъ вселися, по малѣ же времени совладѣетъ нами и селы нашими. Святый же, слышавъ ненависть ихъ, уклоняется отъ зла» (Ркп. бывшей Солов. библіот. № 508, л. 195). Въ житіи Стефана махрищскаго: «подстрекаетъ (діаволъ) лукавыя человѣки на святаго, близь живущихъ монастыря—Алексѣя глаголю, и Θеодора, Ивана же и Петра, иже глаголются *Юрцовскіе*; часто прихожаху въ монастырь, поносяще святому и которующе и смертію претяще, аще не отъидетъ отъ монастыря. Вѣдяху бо святаго почитаема отъ человѣкъ, паче же отъ самаго самодержца и великаго князя Димитрія, и мняху себѣ, яко имать владѣти селомъ ихъ и нивами. Онъ же отходитъ съ Григоріемъ, ученикомъ своимъ, и устремляются къ сѣвернымъ странамъ». (Ркп. той же биб. № 79, л. 369—370). — Въ житіи Даніила переяславльскаго: «владѣющіе въ селахъ близь монастыря того съ оружіемъ и дреколами приходяще и во оградѣ монастыря не дающе инокомъ земли копати, и съ прещеніемъ, яко неволею, пророчествоваху святому, глаголюще: «почто на нашей землѣ построилъ еси монастырь? или хощеши землями и селами нашими обладати»? — *Еже и сбытися послѣди*, замѣчаетъ жизнеописатель преподобнаго (Степен. книга, гл. 15). — Наконецъ, въ житіи Антонія сійскаго находимъ слѣдующій разсказъ: «пришедъ на рѣку на *Емцу*, къ Темному порогу глаголемому, и ту возлюби мѣсто то... Постави же себѣ и хижицу малу и часовню устрои на уединеніе молитвенное... По времени же и церковь постави ту... и кельи устрои... Ненавидяй же добра роду человѣчю діяволъ воздвигаетъ люди неблагодарныя отъ приближающіяся тамо веси, *Скорботова* рекомыя,... и собравшеся согнаша блаженнаго Антонія

стырь отъ подобной непріятности, князья великіе и удѣльные, при дѣйствительномъ пожалованіи ему земель и угодій, посылали туда съ своею жалованною грамотою кого нибудь изъ приближенныхъ къ себѣ лицъ, которыя и вводили монастырь во владѣніе данною ему собственностію [1]. Съ XVI вѣка, а можетъ быть и прежде, вошло въ обычай давать крестьянамъ, живущимъ во вновь пожалованныхъ монастырю селахъ, особыя, такъ называемыя *послушныя* грамоты, значеніе которыхъ видно уже изъ самаго ихъ названія [2]. Но и при всѣхъ этихъ условіяхъ, пожалованіе населенныхъ земель монастырямъ не всегда обходилось безъ сопротивленія со стороны мѣстнаго крестьянства. Такъ въ житіи Антонія сійскаго разсказывается, что «когда прибылъ въ обитель святаго посланникъ отъ самодержавнаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, для устроенія царской милости въ потребу братіи, учениковъ преподобнаго: то жители окрестныхъ селъ, *не желая покориться монастырю*, подняли сильный ропотъ на святаго и стали осыпать его хулами и ругательствами». Въ этомъ народномъ волненіи и ропотѣ принималъ дѣятельное участіе и попъ сосѣдняго Емецкаго стану, по имени Харитонъ: [3]) случай, вѣроятно, не совсѣмъ исключительный,

---

оттуду.... Помыслиша бо въ себѣ, яко велій сей старецъ, близь насъ вселися, по малѣ времени совладѣетъ нами и селитвы нашими» (Ркп № 230 л. 131).

[1]) Объ этомъ см. въ статьѣ *Горбунова*: «льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и церквамъ въ XIII—XV вѣкахъ». (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній о Россіи, изд. *Калачова*. 1860—1861 г. кн. 5, стр. 19, 20.

[2]) Древнѣйшая изъ извѣстныхъ послушныхъ грамотъ монастырскимъ крестьянамъ относится къ 1557 г. А. Э. Т. I. № 251. — О томъ, что такія грамоты выдавались и въ прежнія времена, можно заключать изъ существованія болѣе древнихъ грамотъ, такъ называемыхъ *ввозныхъ*, которыя давались свѣтскимъ вотчинникамъ и содержаніе которыхъ тоже, что и послушныхъ (А. Ю. № 161 I—III).

[3]) Ркп. бывшей Солов. библіот. № 230, л. 255 и слѣд.

такъ какъ и духовенство монастырскихъ селъ находилось въ своего рода *тяглыхъ* отношеніяхъ къ монастырю-землевладѣльцу.

Невыгоды обогащенія церквей и монастырей вотчинами въ XV и XVI вѣкѣ стали открываться и съ точки зрѣнія чисто-государственныхъ интересовъ. Теперь, въ эпоху политическаго объединенія русской земли подъ властію московскихъ государей - самодержцевъ, естественно явились новыя государственныя потребности, для удовлетворенія которыхъ понадобились и новыя средства государственной экономіи. Главныя богатства Руси всегда состояли въ земляхъ, на которыя поэтому и должна была пасть вся тяжесть московскаго государственнаго тягла. Тягло это дѣлается теперь непремѣннымъ условіемъ всякаго частнаго права на землю, такъ что, въ концѣ концовъ, вся земля разсматривается, какъ собственность («отчина и дѣдина») московскихъ государей [1]). Этимъ взглядомъ глубоко запечатлѣна вся система государственныхъ податей и повинностей въ періодъ московскаго единодержавія. Народъ, сидѣвшій на черныхъ (государственныхъ) земляхъ, владѣлъ ими *потому только*, что тянулъ въ казну государеву; потомки прежнихъ дружинниковъ и удѣльныхъ князей, владѣвшіе землею на вотчинномъ правѣ, сохраняли это право *подъ тѣмъ только условіемъ*, что несли службу на государя. Такимъ образомъ, вся земля, съ политико-экономической точки зрѣнія, раздѣлялась на тяглую и служилую. По обстоятельствамъ времени, которое характеризуется усиленнымъ собираніемъ земли русской и почти безпрерывными

---

[1]) Такъ московскіе бояре, отъ лица Ивана III, говорили послу венгерскому: «не тые одни городы и волости русскіе, которые нынѣ за нами, *наша отчина*, и *вся русская земля* съ божіею волею изъ старины, отъ нашихъ прародителей, *наша отчина*» (Сборникъ *Муханова*, стр. 122 123).

войнами на всѣхъ ея границахъ [1]), потребность въ служилыхъ земляхъ стояла на первомъ планѣ. Въ виду этой потребности, московскіе государи стремятся, съ одной стороны, сосредоточить землевладѣніе въ рукахъ служилаго класса (отсюда, между прочимъ, раздача громаднаго количества дворцовыхъ и черныхъ земель дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья); съ другой — воспрепятствовать отходу земель изъ служилыхъ рукъ въ неслужилыя, «чтобы службѣ убытка не было [2])». На пути къ той и другой цѣли неизбѣжно было столкновеніе съ духовенствомъ — сословіемъ, *лично* неслужилымъ, которое, однакожъ, владѣло на вотчинномъ правѣ громадными пространствами земли [3]) и въ силу вѣковаго обычая отдавать вотчины по душахъ, не переставало обогащаться новыми поземельными владѣніями всего чаще — на счетъ служилаго

---

[1]) См. объ этомъ въ сочиненіи *Хлѣбникова*: «о вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русс. исторіи». 1869. стр. 5 и 6.

[2]) Подробное развитіе этихъ положеній содержится въ превосходномъ изслѣдованіи И. Д. *Бѣляева* «о поземельномъ владѣніи въ московскомъ государствѣ». Времен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1851. кн. XI.

[3]) Иностранцы, посѣщавшіе Русь въ XVI вѣкѣ, согласно показываютъ, что духовенство владѣло тогда *третью* всей русской территоріи. Первое свидѣтельство объ этомъ принадлежитъ англичанину Адаму Клименту, бывшему у насъ въ 1553 году. Вотъ подлинныя слова его: «his (монастырямъ) magni sunt agrorum reditus. Nam tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi» (Rerum Moscovit. scriptores varii. Francof. 1600). Горсей, приближенный человѣкъ у Ивана IV, влагаетъ такое же показаніе въ уста самого государя (объ этомъ будетъ рѣчь въ главѣ IV). Наконецъ Коллинсъ повторяетъ тоже самое о временахъ Алексѣя Михаиловича. (Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. годъ. I. № 1. ч. I. отд. IV). Не придавая особенной важности *согласію* этихъ показаній, такъ какъ два послѣдніе свидѣтеля могли писать со словъ перваго, своего земляка, мы тѣмъ не менѣе не рѣшаемся вслѣдъ за другими (авторомъ «Ист. Росс. Іерер.» ч. I. введ. и *Милютинымъ*, о недвиж. имущ. духов., стр. 121) голословно отвергать то, что съ изданіемъ писцовыхъ книгъ и другихъ матеріаловъ, необходимыхъ для составленія полнаго и точнаго инвентаря поземельныхъ владѣній нашей Церкви въ XVI и XVII вѣкѣ, можетъ оказаться близкимъ къ истинѣ.

класса. Да и съ тяглыхъ земель въ московскій періодъ, требовалось уже далеко не то, что въ прежнія времена удѣловъ. Отсюда — новая задача для правительства: уничтожить тѣ разнообразныя привилегіи, какими издавна пользовалось духовенство въ ряду другихъ землевладѣльцевъ [1]) и которыя были невыгодны для государства уже и въ томъ отношеніи, что побуждали тяглый людъ бѣжать съ черныхъ земель на обѣльныя вотчины церковныя и монастырскія [2]).

Но интересами казны и службы не исчерпывалось все содержаніе вопроса о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ. Московскіе государи сознаютъ уже себя обязанными пещись объ общемъ благѣ народа, и съ этой точки зрѣнія требуютъ, чтобы церковныя богатства вѣрно служили своему религіозно-соціальному назначенію, которое въ источникахъ каноническаго права и въ сознаніи самого общества опредѣлялось такимъ образомъ: «церковное богатство— нищихъ богатство, възраста дѣля сиротъ, и старости и немощи, и въ недугъ впадшихъ прекормленіе, чади мнозѣ, страннымъ прилежаніе, сирымъ и убогимъ промышленіе, вдовамъ пособіе и дѣвицамъ потребы, обидимымъ заступленіе, въ напастѣхъ поможеніе — въ пожарѣ и въ потопѣ, и полоненымъ искупленіе, въ гладѣ прекормленіе, въ худобѣ умирающимъ покровы и гробы и погребанія, церквамъ пустымъ и монастыремъ подъятіе, живымъ прибѣжище и утѣ-

---

[1]) Полное исчисленіе этихъ привилегій можно видѣть въ изслѣдованіи *Милютина,* стр. 220 — 262.

[2]) Такъ въ 1552 году, Важане и Шенкурцы били челомъ царю Ивану Васильевичу, что у нихъ изъ «становъ и волостей крестьяне разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу», и по этому челобитью царь повелѣлъ имъ: «старыхъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ преже того» (А. Э. Т. 1. № 234, стр. 231. 238). Есть указанія на это и въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка (*Неволинъ* о пятинахъ и погостахъ, прилож. стр. 167).

шеніе, а мертвымъ память. *Того ради* на потребу церковную имѣнія свои люди давали [1])». На этомъ каноническомъ основаніи вопросъ о поземельныхъ владѣніяхъ Церкви, очевидно, принималъ такую постановку: или употреблять церковныя богатства, сообразно ихъ назначенію, на дѣла общественной благотворительности, или отказаться отъ нихъ въ пользу государства, берущаго эти дѣла въ кругъ своего вѣдомства.

Прежде нежели приступимъ къ описанію дѣятельности московскихъ государей XVI вѣка въ томъ или другомъ изъ указанныхъ направленій, считаемъ нужнымъ установить общій взглядъ на самое, такъ сказать, существо церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ и на тѣ отношенія, въ какихъ у насъ издавна стояло къ нимъ свѣтское правительство.

Было бы грубою историческою ошибкою представлять себѣ поземельныя владѣнія древней русской Церкви, какъ нѣчто цѣлое, какъ особую имущественную массу, подлежащую однимъ и тѣмъ же опредѣленіямъ каноническаго права и, подъ управленіемъ установленныхъ въ Церкви властей, служащую однѣмъ и тѣмъ же (обще-церковнымъ) цѣлямъ [2]). Землевладѣльческій бытъ нашей Церкви, съ самаго

---

[1]) «Правило о церковныхъ людѣхъ, и о десятинахъ, и о судѣхъ епископскихъ, и о мѣрилѣхъ градскихъ» — у *Калачова* въ соч. о значеніи Кормчей, стр. 122. Тоже, почти слово въ слово, находится въ посланіи какого-то русскаго іерарха XIII (м-та Кирилла II?) къ великому князю владимірскому, сыну Александра Невскаго. Опис. Рум. Муз., стр. 281. 295. Вообщѣ мысль о томъ, что церковное богатство есть богатство нищихъ, была у насъ ходячею. Она повторялась духовной іерархіей каждый разъ, когда нужно было защищать неприкосновенность церковныхъ имуществъ. Источникомъ этой мысли была, конечно, Кормчая книга и, въ частности, толкованіе на 59 правило апостольское, гдѣ сказано: «Церковное богатство убогихъ богатство священное писаніе именуетъ».

[2]) Въ эту ошибку впадаетъ однакожъ *Милютинъ*, говоря объ архіереяхъ, какъ высшей инстанціи по управленію церковными и монастырскими

начала, сложился не по канонической догмѣ, а по національному типу вотчиннаго права. Земли, носившія названіе святительскихъ и монастырскихъ вотчинъ, *составляли частную собственность отдѣльныхъ церковныхъ учрежденій* (архіерейскихъ домовъ, монастырей и пр.), а не общее каноническое достояніе всей Церкви. Мы видимъ, напримѣръ, что архіереи и монахи, какъ полные хозяева своихъ домовыхъ и монастырскихъ земель, мѣняютъ ихъ, продаютъ, закладываютъ, словомъ — распоряжаются ими по своему личному усмотрѣнію [1]). Отсюда и древнія каноническія правила о неотъемлемости и неотчуждаемости церковныхъ имуществъ необходимо понимались у насъ только *въ смыслѣ религіозной санкціи частнаго права собственности* отдѣльныхъ церковныхъ учрежденій на принадлежащія имъ земли.

имуществами въ епархіи (О недвижимыхъ имуществахъ духовенства, стр. 284 — 286). Ошибка произошла оттого, что авторъ не уяснилъ себѣ различія подсудности *монаховъ*, какъ людей церковныхъ или святительскихъ, и *монастырей*, какъ вотчинниковъ. Если архіереи брали съ монаховъ «многочисленныя подати и повинности», то отсюда ни сколько не слѣдуетъ, что имъ, архіереямъ, принадлежала административная власть надъ монастырскими вотчинами. Самъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 389 прим. 749) справедливо замѣчаетъ, что упомянутыя подати и повинности «не имѣли никакой связи съ поземельнымъ владѣніемъ; такъ какъ имъ подлежали всѣ церкви и монастыри, независимо оттого, владѣли они вотчинами, или нѣтъ».

[1]) См. купчія и мѣновыя грамоты въ А. Юрид. № 78, 80, 106, въ Актахъ *Калачова* Т. II. № 156, въ Допол. къ А. И. I. № 14, 18, 20 и др. Не даромъ также въ данныхъ и вкладныхъ грамотахъ церквамъ и монастырямъ такъ часто повторяется наказъ: «а ту землю, село, вотчину и проч. ни продать, ни промѣнять, ни отдать никому». (См. наприм. Акты *Качалова* № 63, VIII. XVI. XVIII). Примѣры отдачи церковныхъ и монастырскихъ земель въ закладъ встрѣчаются гораздо рѣже — не потому конечно, чтобы духовенство не считало себя въ правѣ пускать въ такой оборотъ недвижимую собственность своихъ установленій, а потому, что (говоря вообще) не имѣло въ томъ нужды. См. впрочемъ А. И. I. № 252 и Дополн. I. № 66. Ср. Писц. кн. обонѣж. пятины 1582 г. (*Неволинъ*, о пятинахъ и погостахъ, прилож. VI, стр. 135).

Поэтому экспропріація земель одного церковнаго установленія въ пользу другаго представлялась столь же грѣховнымъ и богопротивнымъ дѣломъ, какъ и всякій другой насильственный захватъ церковной собственности. Въ 1471 году псковское вѣче отдало какому-то монастырю часть земель и угодій тамошняго Троицкаго собора. Но не успѣло еще вѣче разойтись, какъ въ городѣ вспыхнулъ пожаръ, который въ глазахъ благочестиваго лѣтописца былъ знаменіемъ гнѣва Божія на «безстрашный и непокорный народъ, дерзнувшій возстать на самое соборную церковь [1])». Тутъ открывается еще и другая, весьма важная, сторона вотчиннаго быта отдѣльныхъ церковныхъ учрежденій, именно — та, которою они, какъ частные собственники принадлежащихъ имъ земель, обращены были къ свѣтскому правительству. Если псковское вѣче считало себя въ правѣ отдать землю одной церкви въ собственнность другой, то въ этомъ выразилось только, съ особенной энергіей, дѣйствіе того общаго правила, по которому верховное управленіе церковными и монастырскими вотчинами, какъ собственностію юридическихъ лицъ, находилось въ рукахъ свѣтской, а не духовной власти. Тоже видимъ и въ княжескихъ областяхъ или удѣлахъ; только здѣсь это отношеніе проявлялось въ болѣе мягкой формѣ патроната, который пріобрѣтали князья надъ мѣстными церквами и монастырями въ силу пожалованія имъ земель или доставленія привилегій по владѣнію землями, пріобрѣтенными другимъ способомъ. За то въ удѣльныхъ областяхъ и самое право собственности церковныхъ учрежденій на ихъ вотчины въ гораздо большей мѣрѣ получило характеръ условности, зависимости отъ личной воли и милости князя-пожалователя. Вотъ почему духовенство у каждаго новаго князя обыкновенно про-

[1]) Пол. собр. лѣтоп. IV, стр. 237, 238.

сило подтвержденія жалованныхъ грамотъ на земли, выданныхъ прежними князьями [1]). Московскіе государи-самодержцы, верховные вотчинники всей земли русской, уже прямо и рѣшительно высказываютъ тотъ взглядъ, что право собственности церквей и монастырей на землю, безъ ихъ государева пожалованія, не имѣетъ никакого основанія. Такъ Иванъ III, потребовавъ отъ покореннаго Новогорода половины волостей тамошняго духовенства, говорилъ въ оправданіе этого требованія: «зане теи (= тѣ) волости испоконъ великихъ князей, а захватили ихъ (владыки и монастыри) сами [2])». Неудивительно поэтому, если въ виду политическаго преобладанія Москвы надъ удѣлами, инокняжескіе монастыри, по примѣру служилыхъ людей-вотчинниковъ, начинаютъ переходить подъ власть московскихъ государей [3]).

---

[1]) Эти подтвержденія обыкновенно писались на оборотной сторонѣ прежнихъ жалованныхъ грамотъ, что называлось «подписать грамоту» на имя новаго князя. Но иногда подтвержденія давались въ видѣ особой жалованной грамоты, въ которой повторялось, вполнѣ или сокращено, содержаніе прежнихъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна грамота 1497 года, данная княземъ Даніиломъ Александровичемъ Спасо-Каменскому монастырю на владѣніе землями и угодьями, пожалованными отцомъ и дѣдомъ князя. Доп. къ А. И. I, № 21.

[2]) Татищевъ, кн. V, стр. 65. Но здѣсь это мѣсто читается такъ: «*занятей* испоконъ великихъ князей» и пр. Слово *занятей*, не дающее никакого смысла, мы читаемъ: зане теи (= тѣ), имѣя при этомъ въ виду параллельное мѣсто въ другой, подлинной лѣтописи: «князь великій, коли впервые взялъ Новгородъ, тогда отъя у новгородскаго владыки половину волостей и селъ, и у всѣхъ монастырей... Бѣша *бо тѣ* (= зане тѣ) волости великихъ же князей, ино они ихъ освоиша.» Пол. собр. лѣтоп. VIII, стр. 204. Ср. типогр. лѣтоп. изд. 1853, стр. 206.

[3]) О переходѣ свѣтскихъ вотчинниковъ—инокняжцевъ на службу въ московскимъ государямъ см. въ сочиненіяхъ: *Сергѣевича*, Вѣче и князь стр. 412, примѣч. 78, и *Дювернуа*, Источ. права и судъ въ древ. Россіи, стр. 222. 223. — Вліяніе этихъ примѣровъ на монастыри видно изъ того, что Іосифъ волоцкій, въ оправданіе передачи своего монастыря «въ державу великаго князя», ссылался между прочимъ на *земскіе обычаи*. См. его посланіе къ м-ту Симону у *Хрущова*, стр. 213.

Такъ поступилъ, напримѣръ, въ 1506 году знаменитый основатель волоколамскаго монастыря Іосифъ Санинъ, по неудовольствію на мѣстнаго удѣльнаго князя Θеодора Борисовича, который обременялъ монастырь своими поборами [1]). Однакожъ, этотъ поступокъ, хотя и не первый въ своемъ родѣ [2]), на столько еще противорѣчилъ установившимся взглядамъ и отношеніямъ, что Іосифъ въ самой Москвѣ нашелъ многихъ порицателей, а епархіальный архіерей его — Серапіонъ новогородскій даже послалъ ему свою «неблагословенную» грамоту и въ оправданіе себя и волоколомскаго князя говорилъ потомъ на соборѣ, созванномъ по этому дѣлу: «*я* воленъ въ своемъ *чернецѣ*, а *князь* Федоръ воленъ въ своемъ *монастырѣ*: хочетъ — грабитъ, хочетъ — жалуетъ [3])». Въ этихъ немногихъ словахъ выражена вся сущность общихъ, издавна установившихся отношеній монастырей и монашества къ свѣтской и духовной власти: монахи, *какъ люди церковные* или *святительскіе*, были подвластны и подсудны своимъ епархіальнымъ архіереямъ; но монастыри, *какъ вотчинники*, зависѣли отъ мѣстныхъ князей, которые могли жаловать ихъ, могли и не-

---

[1]) Правда, монастырь принятъ въ московское государство на томъ условіи, чтобы земли и села монастырскія, находившіяся въ той или другой области, оставались подъ властію мѣстныхъ князей и, по прежнему, тянули на нихъ обыкновенными податями и повинностями (Житіе Іосифа, написанное неизвѣстнымъ, стр. 63. См. еще жалованную грамоту Θеодора Борисовича, данную Іосифову монастырю въ 1510 году, въ Актахъ *Калачова*, т. I. № 31. XXII). Но что могла значить власть удѣльнаго князя надъ монастыремъ, находившимся подъ особеннымъ покровительствомъ московскаго самодержца?

[2]) Такъ, по свидѣтельству самого же Іосифа, во времена Василія Темнаго, перешли въ московское государство изъ удѣльныхъ княженій монастыри: Сергіевъ, Каменскій и Тольгскій; при Иванѣ III — Пафнутіевъ боровскій (Древн. Росс. Вивліоѳ. изд. 2 ч. XIV, стр. 178, 188).

[3]) Такъ передаетъ слова Серапіона самъ Іосифъ въ своемъ оправдательномъ посланіи по дѣлу о переходѣ (Вивліоѳ. XIV, стр. 196). Тѣже самыя слова онъ влагаетъ еще въ уста придворныхъ людей волоколамскаго

жаловать [1]). Въ періодъ московскаго единодержавія эти отношенія получили легальную санкцію — въ томъ смыслѣ, что верховное завѣдываніе вотчинами и доходами отдѣльныхъ церковныхъ установленій сосредоточивается въ Приказѣ Большаго Дворца. Именно: соборъ 1551 года, отмѣнивъ такъ называемыя *несудимыя* грамоты, которыми, въ силу вотчинной независимости монастырей отъ епархіальныхъ архіереевъ, установлялась и личная автономія монаховъ относительно духовной іерархіи, съ тѣмъ вмѣстѣ подтвердилъ, «чтобы *монастыри* и *казны монастырскія* вѣдались и описывались царскими дворецкими и дьяками, которые усчитываютъ архимандритовъ, игуменовъ и строителей во всякомъ приходѣ и расходѣ» [2]). Такому же контролю *могли* быть подчинены и архіерейскія вотчины, что дѣйствительно и было въ Новгородѣ, при вѣчевомъ правительствѣ, которое во многихъ случаяхъ распоряжалось казною владыкъ, какъ государственнымъ сбереженіемъ [3]). Архіереи московскаго государства были, въ этомъ отношеніи, независимѣе отъ свѣтской

князя (тамъ же, стр. 188). Послѣдніе, конечно, могли употреблять жесткую фразу: *грабить* монастырь. Но трудно допустить, чтобы такъ выражался архіерей, особенно предъ лицемъ судившаго его собора. Серапіонъ, по всей вѣроятности, говорилъ такъ, какъ мы изъясняемъ его слова въ текстѣ, именно: «князь воленъ въ своемъ монастырѣ, хочетъ—жалуетъ, хочетъ—*не жалуетъ*».

[1]) Вообще зависимость монастырей, въ имущественномъ отношеніи, установлялась принадлежностію земли, на которой они находились. Въ силу этого правила и архіереи имѣли имущественную власть надъ монастырями, которые были построены на ихъ домовыхъ земляхъ и составляли вотчинную принадлежность послѣднихъ. Такіе монастыри и назывались архіерейскими *вотчинами* (*Лохвицкій*, церков. админ. въ древ. Россіи. Русс. Вѣст. 1857 № 2, стр. 257.— *Горбуновъ*, льготныя грамоты церквамъ и монастырямъ XIII—XV в. въ Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній о Россіи. 1860. кн. 1, стр. 32).

[2]) Стоглавъ, казан. изд. стр. 235. 297. 298.

[3]) Примѣры изъ лѣтописей см. въ брошюрѣ *Томилина* подъ заглавіемъ: Велико-новогородская святительная каѳедра въ историческомъ значеніи, стр. 39. 40. С.-Пб. 1851.

власти. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать справедливости недавно высказаннаго общаго замѣчанія о вотчинахъ самой митрополіи: «если жалованными грамотами отъ князей и царей митрополичьи земли выдѣлялись изъ подъ зависимости мѣстнаго управленія, отдѣлялись отъ связи съ мѣстными земскими общинами и становились подъ особое управленіе, органы котораго находились въ зависимости отъ митрополита; то это еще не значило, что митрополичьи земли находились внѣ всякихъ отношеній къ административному строю государства. Чѣмъ болѣе освобождались владѣнія каѳедры отъ зависимости мѣстнаго управленія, тѣмъ болѣе усиливалась зависимость центральнаго управленія митрополичьихъ земель отъ царей» [1]). Съ своей стороны мы замѣтимъ, что сосредоточеніе управленія монастырскими вотчинами въ дворцовомъ вѣдомствѣ должно было отразиться и на судьбѣ земель архіерейскихъ. Если наша церковная исторія не выработала для нихъ административнаго центра въ самой Церкви, то онъ необходимо долженъ былъ образоваться — въ государствѣ.

Такимъ образомъ, издавна установившіяся у насъ отношенія свѣтской власти къ поземельнымъ владѣніямъ духовенства, съ одной стороны, давали правомѣрный поводъ московскимъ государямъ смотрѣть на церковныя и монастырскія вотчины, какъ на свои собственныя (дворцовыя), съ другой — указывали вѣрный, хотя и не близкій, путь къ полному слiянію церковныхъ земель съ государственными. Посмотримъ теперь, какъ это дѣло совершалось въ продолженіе XVI вѣка.

---

[1]) *Горчаковъ*, о земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода, стр. 263. 264. С.-Пб. 1871.

II.

Двукратная секуляризація церковныхъ земель въ Новгородѣ, при Иванѣ III. — Мѣры, принятыя этимъ государемъ относительно духовенства вновь присоединенныхъ къ Москвѣ городовъ и областей. — Соборъ 1503. — Какъ на немъ поставленъ былъ вопросъ о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ? — Соборный отвѣтъ великому князю. — Отношеніе Ивана III къ нравственной сторонѣ вопроса.

Первыя попытки къ разрѣшенію всѣхъ выше указанныхъ государственныхъ задачъ относительно церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ принадлежатъ великому князю Ивану III. Первоначально попытки эти имѣли мѣстный и какъ бы случайный характеръ. Именно, присоединяя къ Москвѣ ту или другую русскую область, Иванъ III пользовался этими случаями, чтобы такъ или иначе ограничить вотчинныя права тамошняго духовенства. Самымъ важнымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніемъ этого государя было покореніе въ 1478 году Великаго Новгорода и всей его области. Здѣсь же представляется намъ первый и типическій примѣръ дѣятельности Ивана III относительно церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ завоеваннаго края. Диктуя свои условія покоренному вѣчу, великій князь, между прочимъ, потребовалъ себѣ волостей и селъ, «безъ которыхъ — говорилъ онъ — намъ великимъ князьямъ нельзя держать свое государство на отчинѣ нашей Великомъ Новгородѣ». Такъ какъ Новгородцамъ уже обѣщана была неприкосновенность ихъ частныхъ земель или «боярскихъ вотчинъ», то въ отвѣтъ на требованіе великаго князя они предложили ему

сначала двѣ *государственныя* волости (Луки Великія да Ржеву Пустую); но это предложеніе было отвергнуто. Оставалось, значитъ, пожертвовать владыкою и монастырями, у которыхъ, какъ мы видѣли, само вѣче въ былыя времена не одинъ разъ отнимало земли и угодья. Дѣйствительно, второе предложеніе Новгородцевъ Ивану III состояло въ четырехъ волостяхъ владычнихъ и шести монастырскихъ. Мысль великаго князя была угадана, но не вполнѣ: онъ потребовалъ себѣ, на извѣстномъ уже намъ основаніи, половины всѣхъ волостей владычнихъ и монастырскихъ и велѣлъ подать полный списокъ ихъ, безъ всякой утайки. Впрочемъ, когда этотъ списокъ былъ представленъ, великій князь «пожаловалъ» владыку съ монастырями: взялъ у перваго, вмѣсто половины волостей, только десять; а относительно послѣднихъ поступилъ сообразно съ размѣромъ ихъ поземельныхъ владѣній, именно: у шести богатѣйшихъ монастырей (Юрьева, Аркажскаго, Благовѣщенскаго, Никольскаго въ Неревскомъ концѣ, Антоньева и Михайловскаго) взялъ половину ихъ вотчинъ; остальныхъ же монастырей вовсе не тронулъ, по уваженію къ ихъ бѣдности. [1]) Само собою понятно, что новогородское духовенство не могло быть довольно этимъ *пожалованіемъ*. Чрезъ два года великій князь свелъ тамош-

---

[1]) Пол. собр. лѣтоп. Т. VI, стр. 216 — 217. Здѣсь поимянно исчислены волости, взятыя теперь великимъ княземъ у новогородскаго владыки, именно: 1) Порогъ Ладожскій, 2) Мелегежскій погостъ, 3) Колбяжскій погостъ, 4) Кременецкій погостъ, 5) волость Бѣлая на Мстѣ, 6) волость Удомля, 7) Кирва, 8) Охона, 9) Пиросскій погостъ и 10) Купецкая волость. — У поименованныхъ шести монастырей, въ половинѣ ихъ вотчинъ, взятыхъ на великаго князя, показано: у Юрьева — 720 обжей, у Аркажскаго — 333, у Благовѣщенскаго — 253, у Никольскаго — 251, у Антоньева — 150, у Михайловскаго — 100 обжей. Этотъ списокъ нужно имѣть въ виду, чтобы отличить волости, взятыя теперь у новогородскаго духовенства, отъ тѣхъ, которыя отобраны были въ 1500 году и обозначены въ тогдашнихъ писцовыхъ книгахъ, о чемъ см. далѣе въ текстѣ.

няго владыку Θеофила на Москву: «не хотяше бо той владыка, по словамъ московской лѣтописи, чтобы Новгородъ былъ за великимъ княземъ, но за королемъ (польскимъ) или за инымъ государемъ. Князь бо великій, коли впервые взялъ Новгородъ, тогда отъя у новгородскаго владыки половину волостей и селъ, и у всѣхъ монастырей, и *про то* владыка нелюбье держаше». [1]) Это постоянное «нелюбье» новогородскихъ владыкъ къ московскому государству, да и къ тамошнимъ митрополитамъ, и было причиною, почему они въ тяжкую годину новогородскаго взятія не нашли ни малѣйшей защиты въ главѣ русской Церкви, тогда какъ въ прежнія времена митрополиты строго осуждали Новгородцевъ за посягательства на церковныя и монастырскія вотчины. [2]) Но замѣчательно, что и позднѣйшіе новогородскіе архіереи, уже посылаемые изъ Москвы и москвичи родомъ, не пользовались довѣріемъ и благорасположеніемъ московскаго правительства, свѣтскаго и духовнаго. На нихъ, также какъ и на прежнихъ *вѣчевыхъ* владыкъ, падала вся тяжесть мѣръ, направленныхъ къ полному слiянію покореннаго, но не всегда покорнаго, края съ московскимъ государствомъ, и въ этихъ случаяхъ митрополиты не только не «печаловались» за новогородскую Церковь, но и дѣйствовали собща съ великимъ княземъ. Такъ въ 1500 году Иванъ III, *съ благословенія митрополита Симона*, вторично отобралъ у новогородскаго духовенства земли и угодья и раздалъ ихъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья. [3]) Поводомъ къ этой новой секуляризаціи церковныхъ земель въ Новгородѣ послужило, кажется, незадолго предъ тѣмъ оконченное описаніе новогородской области

---

[1]) Пол. собр. лѣтоп. Т. VIII. стр. 204.

[2]) См. выше, стр. 16. прим. 2.

[3]) Пол. собр. лѣтоп. Т. IV. стр. 271.

московскими писцами, при чемъ могло открыться, что списокъ половины волостей владычнихъ и монастырскихъ, поданный великому князю при покореніи Новгорода, былъ не полонъ и неправиленъ. [1]) Какъ бы то ни было, только изъ дошедшихъ до насъ двухъ писцовыхъ новогородскихъ книгъ того времени видно, что на этотъ разъ у владыки и монастырей (не выключая уже и бѣдныхъ) взято на великаго князя гораздо болѣе земель, чѣмъ прежде, при завоеваніи Новгорода. [2]) Остальныя земли тамошняго духовенства положены теперь въ тягло «по московски въ сохи», и при томъ такъ, что соха церковной и монастырской земли, какъ платежная единица, поставлена вслѣдъ за

---

[1]) При покореніи Новгорода, Иванъ III пожаловалъ Новгородцевъ, обѣщалъ имъ не посылать въ ихъ землю московскихъ писцовъ и даньщиковъ, «понеже христіанству то тяжко», а положилъ это дѣло на новогородскую душу, съ тѣмъ чтобы они сами сказывали, сколько у кого сохъ» (Пол. собр. лѣтоп. VI, стр. 217). Но, видно, новогородская душа сфальшила. По крайней мѣрѣ, съ 1491 или 1492 года начато было описаніе тамошнихъ земель великокняжескими писцами (*Неволинъ*, о пятинахъ и погостахъ новогородскихъ, стр. 11, 12).

[2]) Мы говоримъ о двухъ *изданныхъ* новогородскихъ писцовыхъ книгахъ: Деревской пятины (около 1495 г.) и Вотьской (1500 г.). Первая издана Археографическою Комиссіею (Т. I. 1859 Т. II. 1862. С.-Пб.); вторая — *Бѣляевымъ* (Времен. Общ. ист. и древ. Т. XI и XII) и отчасти — *Неволинымъ* (о пятинахъ и погостахъ, прилож. № 1). По этимъ книгамъ можно составить полный и точный списокъ волостей и деревень владычнихъ и монастырскихъ, взятыхъ въ той и другой пятинѣ на великаго князя, ибо писцы акуратно обозначали имена прежнихъ землевладѣльцевъ; напримѣръ: «въ Городенскомъ погостѣ в. князя волость, что была *Спасскаго монастыря Ковалевскаго*» (*Бѣляевъ*, Переп. оклад. книга по Вотьской пятинѣ, стр. 6); или: «въ Михайловскомъ погостѣ в. князя волостка оброчная, *что была за владыкою*» (Тамъ же, стр. 94) и пр. Секуляризація владычнихъ и монастырскихъ земель въ Новгородѣ, конечно, не ограничивалась только двумя названными пятинами, а всюду шла по стопамъ писцовъ в. князя. Такъ, въ одномъ отрывкѣ изъ неизданной писцовой книги Матеея Валуева 7006 (1498) года читаемъ: «въ *Шелонской* пятинѣ погостъ в. князя, *что былъ Пречистыя Богородицы Щилова монастыря*» (*Неволинъ*, о пятинахъ, стр. 11, прим. 5).

сохою черной земли — *тяглой* по преимуществу. [1]) Вѣроятно, около того же времени новогородскому владыкѣ и монастырямъ запрещено увеличивать свои земли куплею или чрезъ отказы на поминокъ по душахъ. [2])

И въ другихъ областяхъ и княжествахъ, присоединенныхъ къ Москвѣ Иваномъ III, мы замѣчаемъ также нѣкоторыя явленія, напоминающія судьбу церковныхъ и монастырскихъ земель въ Новгородѣ. Такъ, при описаніи бѣлозерской области (около 1490 года), великокняжескіе писцы, конечно согласно данному имъ наказу, отнимали у всѣхъ тамошнихъ монастырей дворы (единицы, изъ которыхъ сла-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, на соху помѣстчой земли полагалось 126 четвертей земли, а на соху монастырской — только 18 (См. выписку изъ писцовой книги 1500 года у *Бѣляева* въ изслѣдованіи «о землевладѣніи въ московскомъ государствѣ», стр. 57. 58). Значитъ, съ одинаковаго количества земли монастырь обязанъ былъ платить посошнаго окладу *въ семь разъ* больше, нежели помѣщикъ (126: 18 = 7).

[2]) Слѣды такого запрещенія находятся: а) въ не дошедшей до насъ, но извѣстной изъ позднѣйшго описанія жалованной грамотѣ тогдашнему новогородскому архіепископу Геннадію «на села и дворы» (оставшіеся у него послѣ двукратнаго отобранія тѣхъ и другихъ на великаго князя): «*да въ той же грамотѣ, что ему земель не купити*» (Опись царскаго архива 1575 — 1584 г. А. Э. Т. I. № 284, ящикъ 150). б) Въ писцовой книгѣ Деревской пятины 1495 года, въ которой встрѣчаются замѣтки объ отобраніи на в. князя земель, отданныхъ тамошними вотчинниками въ монастыри по душахъ; напримѣръ: «въ Островскомъ погостѣ в. князя деревни Юркинскіе, Григорьева сына Маринина, *что ихъ былъ далъ въ Отенскій монастырь*» (Т. II, столб. 106); или: «въ Оксочскомъ погостѣ в. князя деревни Васюковскіе Родивонова, *что былъ ихъ далъ въ Кирилловъ монастырь*» (Тамъ же, столб. 284). в) Въ царской грамотѣ 1556 г. о дозволеніи Кириллову бѣлозерскому монастырю купить вотчину, «опричь новгородскіе земли», гдѣ вотчинъ безъ царскаго вѣдома «продавать не велѣно» (А. Э. I, № 246). При этомъ нужно замѣтить, что въ соборномъ приговорѣ 11 мая 1551 года, въ которомъ, какъ ниже увидимъ, исчисляются города, гдѣ вотчинники не могли ни продавать своихъ вотчинъ, ни отдавать по душахъ, *о Новгородѣ не упоминается*. Значитъ, въ грамотѣ 1556 г. Кириллову монастырю содержится указаніе на такое же запрещеніе, изданное когда-то прежде и особенно для Новгорода.

тались подгороднія слободы), оставляя ихъ только въ извѣстномъ размѣрѣ и опредѣленномъ числѣ. [1]) Замѣчательно еще, что Иванъ III отобралъ у богатѣйшаго изъ бѣлозерскихъ монастырей — Кириллова всѣ крѣпостные акты на принадлежащія ему земли, [2]) хотя мы и не знаемъ, съ какою цѣлію сдѣлано было это распоряженіе и касалось ли оно другихъ монастырей. Наконецъ, запрещеніе служилымъ людямъ отдавать свои вотчинныя земли въ монастыри по душахъ уже при Иванѣ III распространялось на жителей всѣхъ вновь присоединенныхъ къ Москвѣ городовъ (Твери, Микулина, Торжка, Оболенска, Бѣлаозера и, можетъ быть, даже Рязани), а также на потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей (суздальскихъ, ярославскихъ и стародубскихъ [3]).

---

[1]) А. Юрид. № 5, стр. 8.

[2]) А. И. Т. I, № 163.

[3]) Объ этомъ запрещеніи упоминается въ соборномъ приговорѣ 11 мая 1551 года, который обыкновенно помѣщается въ концѣ списковъ Стоглава, а иногда въ числѣ дополнительныхъ указовъ къ царскому Судебнику (См. Судебникъ, изданный Татищевымъ въ Прод. Древ. Росс. Вивліоѳ. ч. I, стр. 221, 222). Списки Стоглава разнятся между собою въ томъ отношеніи, что по однимъ изъ нихъ запрещеніе отдавать вотчины по душахъ приписывается Василію Ивановичу (Троицкой списокъ, по которому упомянутый соборный приговоръ изданъ въ А. Э. I, № 227, и тѣ, по которымъ изданъ весь Стоглавъ въ Казани), по другимъ—Ивану Васильевичу (см. Стоглавъ, изданный въ 1860 г. въ Лондонѣ, стр. 237), по третьимъ—обоимъ вмѣстѣ (Строевскій списокъ, о которомъ см. въ А. Э. I, стр. 219, примѣч., и Уваровскій, бывшій Царскаго № 596—оба XVI вѣка). Къ послѣднимъ относится и списокъ соборнаго приговора 11 мая 1551 года, изданный въ Татищевскомъ Судебникѣ. Въ виду этихъ разночтеній, мы представляемъ себѣ дѣло такъ: 1) приведенное въ текстѣ запрещеніе издано *первоначально* Иваномъ III. Это подтверждается а) авторитетомъ двухъ списковъ Стоглава, близкихъ къ собору 1551 года; б) названіемъ самаго закона или запрещенія «изстариннымъ» (а что *изъ старины*, по уложенію в. князя и пр.); — в) общимъ характеромъ государственной дѣятельности Ивана III, который, какъ мы видѣли изъ другихъ источниковъ, дѣйствительно издалъ такое запрещеніе для бывшей новогородской области; наконецъ, и всего рѣшительнѣе, — г) слѣдующими словами Ивана IV въ посланіи къ Курбскому: «и васъ почалъ (Сильвестръ съ Ада-

Чтобы понять всю важность этой послѣдней мѣры, нужно взять во вниманіе, что потомство названныхъ князей состояло тогда изъ 30 служебныхъ родовъ разныхъ наименованій или фамилій. [1])

Отъ мѣстныхъ попытокъ естественъ былъ переходъ къ общей и болѣе рѣшительной мѣрѣ, направленной уже противъ вотчинныхъ правъ всей русской Церкви. Конечно, въ виду этой цѣли Иванъ III сблизился съ обоими представителями нестяжательно-скитскаго монашества—Паисіемъ Ярославовымъ и Ниломъ сорскимъ. Первому вел. князь въ 1484 г. предлагалъ даже митрополичью каѳедру; но смиренный пустынножитель, уже испытавшій неудачу на троицкомъ игуменствѣ, не хотѣлъ взять на себя несравненно большее бремя, съ которымъ, по всей вѣроятности, соединялась бы неизбѣжная борьба противъ всей духовной іерархіи. [2]). О другихъ нестя-

---

шевымъ) причитати къ вотчинамъ, ко градомъ и къ селамъ, еже *дѣда нашего великаго государя уложеніемъ* которыя вотчины у васъ взимали и которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися, и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ неподобно, и *то дѣда нашего уложеніе разрушилъ*» (Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3, стр. 164). 2) При Василіи Ивановичѣ то же самое запрещеніе распространено на Рязань и Смоленскъ, присоединенные къ Москвѣ этимъ государемъ (Срав. А. Э. I, № 246). Впрочемъ, относительно Рязани нужно замѣтить, что въ ней уже Иванъ III распоряжался, какъ въ своей области. Вотъ что наказывалъ онъ тамошней княгинѣ: «твоимъ *людямъ служилымъ*, боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и сельскимъ *быть всѣмъ на моей службѣ*» (*Соловьевъ*, Исторія Россіи Т. V изд. 3, стр. 59). Если такъ, то почему не предположить, что Иванъ III, въ интересахъ службы, могъ ограничить и рязанскихъ служилыхъ людей въ правѣ распоряженія своими вотчинами?

[1]) Эти служилые княжескіе роды указаны *Хлѣбниковымъ* въ выше поцитованномъ сочиненіи, стр 25; срав. стр. 14.

[2]) Что великій князь надѣялся имѣть въ Паисіи помощника или, пожалуй, орудіе при осуществленіи своихъ плановъ относительно духовной іерархіи. видно изъ тѣхъ побужденій, по которымъ Паисій отказался отъ митрополіи: «невозможе, говоритъ о немъ лѣтопись, черньцовъ (троицкихъ) превратити на путь Божій, — и *потому же* и митрополіи не восхотѣ» (Пол. собр. лѣтоп. Т. VI, стр. 236).

жателяхъ, съ Ниломъ сорскимъ во главѣ, современники замѣчаютъ, что они, «ради крѣпкаго жительства и добродѣтели множества, имѣли великое дерзновеніе къ державному и были зѣло пріемлемы и почитаемы отъ него». [1]) Опираясь на эту партію и, вѣроятно, предполагая, что митрополитъ Симонъ, недавно давшій свое благословеніе на отобраніе церковныхъ земель въ Новгородѣ, не встанетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, великій князь въ 1503 году созвалъ въ Москву многочисленный духовный соборъ — «поповъ ради, иже держаху наложницы» (замѣчаетъ присутствовавшій на соборѣ Іосифъ волоцкій), паче же рещи: восхотѣ отнимати села у святыхъ церквей и монастырей». [2]) Отсюда видно, что осторожный Иванъ III не вдругъ открылъ собору главную цѣль его созванія. Но на соборъ призваны были и оба вождя заволжскихъ нестяжателей. Имъ-то великій князь и предоставилъ иниціативу вопроса о монастырскихъ вотчинахъ. И вотъ, когда кончились разсужденія о предметахъ, указанныхъ самимъ государемъ, и когда нѣкоторые изъ членовъ собора (въ томъ числѣ и волоколамскій игуменъ Іосифъ) уже уѣхали изъ Москвы, «старецъ Нилъ началъ молить самодержца, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились своимъ рукодѣльемъ». [3]) Это требованіе поддержали и другіе заволжскіе пустынники. Великій князь снова повелѣлъ быть собору, на разсмотрѣніе котораго и предложенъ былъ вопросъ, поднятый Ниломъ сорскимъ. Отцы собора, находя, что безъ Іосифа волоцкаго они «не услышатъ многихъ мудрыхъ доказательствъ» въ защиту землевладѣльческихъ правъ мона-

---

[1]) Житіе Іосифа волоцкаго, написанное неизвѣстнымъ. Изданіе *Невоструева*. Москва. 1863, стр. 39.

[2]) Правосл. Собесѣд. 1863. Окт., 206.

[3]) Посланіе неизвѣстнаго о враждѣ на Іосифлянъ. Прибав. къ Твор. Св. От. ч. X, стр. 505.

шества, вызвали его опять въ Москву, для пренія съ нестяжателями. Такъ какъ съ идеально-аскетической точки зрѣнія, на которой стоялъ сорскій пустынножитель, трудно было сказать что нибудь въ пользу вотчиннаго быта монастырей, то Іосифъ, по прибытіи на соборъ, перенесъ вопросъ на положительную, историческую и практическую почву. Начались разсужденія о томъ, на какихъ основаніяхъ монастыри издревле владѣютъ селами? «*Разумъ* монастырскихъ селъ, при тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, оказался слѣдующій: многіе монастыри построены епископами и князьями еще въ началѣ просвѣщенія русской земли вѣрою; основатели монастырей ставили для себя первымъ долгомъ сооружать въ нихъ храмы; для богослуженія въ храмахъ необходимы были хлѣбы, свѣчи, ладанъ а также и средства для содержанія священно-служителей. Чтобы монастыри и по смерти своихъ ктиторовъ не пришли въ упадокъ, нужно было обезпечить ихъ дальнѣйшее существованіе вѣрными и постоянными средствами содержанія. Такими средствами служили села и другіе источники доходовъ, которыми благочестивые ктиторы надѣляли свои монастыри, между прочимъ, и съ тою цѣлію, чтобы одержимые нищетою и недугами находили здѣсь пріютъ и упокоеніе. А монахи, отрекшіеся отъ міра, должны были исполнять всѣ монастырскія работы, съ постомъ и молитвою, и завѣдывать дѣлами благотворительности. Трудясь для у покоенія странниковъ и болящихъ, для содержанія церковныхъ людей и предстоятелей, черноризцы не только не заслуживаютъ осужденія, но за свои труды и постничество получатъ еще сугубую награду. И блаженные ктиторы воспріимутъ за свои приношенія воздаяніе отъ Бога: ибо въ монастыряхъ совершается по нихъ вѣчное поминовеніе, на пользу душамъ ихъ. Если же нѣкоторые изъ иноковъ, зараженные недугомъ корыстолюбія, употребляютъ во зло

достояніе Божіе: то они одни будутъ отвѣчать за свои грѣхи, и ради этихъ немногихъ, невнимательныхъ къ спасенію своей души, не слѣдуетъ преграждать путь ко спасенію многимъ, вступающимъ въ монастыри для иноческихъ подвиговъ, и лишать душевной пользы блаженныхъ ктиторовъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, соборъ опредѣлилъ — неподвижно соблюдать право собственности монастырей на принадлежащія имъ села и земли, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ вредить инокамъ, искренно озабоченнымъ спасеніемъ своей души». Это заключеніе подтверждено примѣрами древнихъ великихъ отцовъ русскаго монашества, Антонія и Ѳеодосія печерскихъ и другихъ, которые имѣли при своихъ монастыряхъ села. Наконецъ, Іосифъ волоцкій, въ защиту неприкосновенности монастырскихъ вотчинъ, привелъ еще одно оригинальное, но по тому времени въ высшей степени практическое и убѣдительное соображеніе: «если у монастырей не будетъ селъ, то какъ постричься почетному и благородному человѣку? А если не будетъ почетныхъ и благородныхъ старцевъ, то откуда взять людей въ митрополиты, архіепископы, епископы и на другія церковныя власти? И такъ, если не будетъ почетныхъ и благородныхъ старцевъ, то и самая вѣра поколеблется». [1])

Всѣ эти доводы направлены были собственно противъ возраженій Нила сорскаго и его сторонниковъ. Оставалось еще дать отвѣтъ великому князю, который скрывался за нестяжателями. Соборъ сначала послалъ къ нему митрополичьяго дьяка Левкша съ предварительнымъ докладомъ такого содержанія: «отецъ твой, господине, Симонъ митрополитъ всея Русіи и архіепископы и епископы и весь освя-

---

[1]) Изложенныя подробности о соборныхъ разсужденіяхъ 1503 г. заимствованы изъ житія Іосифа волоцкаго, составленнаго неизвѣстнымъ (стр. 39—44), и изъ посланія о враждѣ на Іосифлянъ, изданнаго въ Прибав. къ Твор. Св. От. ч. X, стр. 504—505.

щенный соборъ говорятъ, что отъ перваго благочестиваго и святаго равноапостольнаго Констянтина царя, да и по немъ при благочестивыхъ царѣхъ, царствующихъ въ Констянтинѣ градѣ, *святители* и монастыри грады и власти (волости) и села и земли держали, и на всѣхъ соборѣхъ святыхъ отецъ запрещено [1]) святителемъ и монастыремъ недвижимыхъ стяжаній церковныхъ ни *продати*, ни *отдати*, и великими клятвами о томъ утвержено. Такожъ и въ нашихъ русійскыхъ странахъ, при твоихъ прородителѣхъ, при великомъ князѣ Владимірѣ и при его сынѣ великомъ князѣ Ярославѣ, дажъ и до сихъ мѣстъ, святители и монастыри грады и власти и села держали».

Послѣ того, «самъ митрополитъ Симонъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ были у великаго князя» и читали предъ нимъ подробный докладъ или «списокъ» доказательствъ неприкосновенности имущественныхъ правъ Церкви. Такъ какъ этотъ докладъ никѣмъ еще не изданъ, то мы приведемъ его здѣсь вполнѣ, по рукописи 1563 года:

«*Отъ Бытія*: и покупи всю землю египетскую Іосифъ, съодолѣ бо имъ гладъ, и бысть вся земля Θараону, и люди поработи ему отъ края предѣлъ египетскихъ до края, развѣ земли жреческія: тоя бо не купи Іосифъ. Дань бо даяше жерцемъ самъ Θараонъ и люди, и взимаху жерцы и ядяху дань, юже даяше имъ Θараонъ. И устави всѣмъ людемъ Іосифъ заповѣдь до днешняго дне на земли египетстѣй: пятую часть Θараону, кромѣ земли жреческыя: та точію не бяше Θараону (Быт. 47, 20—22, 26). *Отъ Левитскія книги*: рече Господь Моисею, глаголя: глаголи сыновомъ Израилевымъ тако: аще человѣкъ освятитъ храмъ свой святъ Господеви, да его оцѣнитъ жрецъ межю добрымъ и межю злымъ. И якоже оцѣнитъ жрецъ, тако да

---

[1]) Въ рукописи: не запрещено.

станетъ. Аще ли же освятитъ и искупитъ храмъ свой, да приложитъ пять частей цѣны сребра его, и да будетъ ему. Аще ли жъ отъ нивъ одержанія его Господеви освятитъ, да будетъ цѣна его по сѣятью его, еже сѣеть ниву тую, яко пятьдесятъ спудовъ ячменя, тридесятъ дидрахмъ сребра. И аще искупитъ ниву свою, освященную Господеви, да приложитъ пять частей цѣны сребра ея, и да будетъ ему. Аще ли жъ не искупитъ нивы и отдасть ниву подругу своему, да не искупитъ ея, да будетъ нива минувшему оставленію Господеви свята хвальная, яко земля нареченная жерцемъ, да будетъ одержаніе ихъ *въ вѣки вѣка* (Лев. 27, 14—16, 19—21)[1]. *Отъ того жъ:* грады жъ левгитьстіи и *власти и села* градовъ ихъ, одержанія и *уроки и дани и пошлины* да будутъ присно леввитомъ, яко дворове градъ леввитскыхъ, одержаніе ихъ среди сыновъ Израилевыхъ, и села нареченная въ градѣхъ ихъ, да не продадутъ, ни *отдадутъ*, яко одержаніе ихъ вѣчно есть. (Тамъ же, 22, 32—34)[2]. *Отъ житія благочестиваго и равноапостольнаго великаго царя Констянтина и христолюбивыя и равноапостольныя матере его Елены:* сія вся усердно добрѣ же и благочестнѣ устроивъ святая и блаженная царица Елена, мати блаженнаго великаго царя Констянтина, множество стяжаній, градовъ и селъ церквамъ даде и иная многая стяжанія бесчисленная, и златомъ и сребромъ и каменіемъ и бисеромъ святыя украси иконы и священныя честныя сосуды; злата жъ многа и безчислена церквамъ и убогимъ раздаде; святаго же патріарха Макарія многими дарами почте. *Отъ того жъ:* рече же блаженный Констянтинъ царь: по всей ихъ вселеннѣй церквамъ содержанія ради и крѣпости свѣтлостьми—стяжанія, земли,

[1] Въ печатной славянской Библіи переводъ другой, и словъ, напечатанныхъ курсивомъ, нѣтъ.

[2] Слова, отмѣченныя курсивомъ, въ печатной Библіи не находятся.

села и винограды и езера, пошлины сочетавше, дахомъ [1]). И божественнымъ и нашимъ повѣленіемъ, на въсточныхъ и на западныхъ и на южныхъ странахъ и по всей вселеннѣй, идѣже православніи царіе и князи и властели подъ нами обладаютъ, владати святителемъ, и никаковому мірскому сану смѣти прикоснутись церковнымъ пошлинамъ, Богомъ заклинаемъ и божественнымъ Его повелѣніемъ и нашимъ повелѣніемъ утвержаемъ непреложно и соблюдено быти дажь и до окончанія вѣка сего. *Отъ того жъ:* сія убо вся, яже ради божественнаго и многаго уставленія и священнымъ и нашимъ писаніемъ утвержена и повѣлена быша дажь до скончанія міра сего, яже по всей вселеннѣй данная святителемъ церковныя пошлины неприкосновенна и непоколеблена пребывати повелѣваемъ. Тѣмже предъ живымъ Богомъ и повелѣвшимъ [2]) намъ царствовати и предъ ужаснымъ Его судомъ засвидѣтельствуемъ ради божественнаго и нашего ради царскаго сего уставленія всѣмъ нашимъ приемникомъ, иже по насъ царемъ быти хотящимъ, всѣмъ тысущникомъ, всѣмъ сотникомъ и всѣмъ велможамъ и всему пространнѣйшему синклиту полаты нашего царства, и всѣмъ иже по вселеннѣй бывающимъ царемъ и княземъ и властемъ по насъ, и всѣмъ иже по всей вселеннѣй людемъ иже нынѣ сущимъ и потомъ быти хотящимъ во вся лѣта, ни единоже отъ сихъ преложити или претворити нѣкотораго ради образа, яже божественнымъ и нашимъ царскымъ повелѣніемъ священнѣй святѣй Римской Церкви и всѣмъ иже подъ нею святителемъ, по всей вселеннѣй бываемымъ подаваема, да не смѣетъ никтоже порушити или прикоснутися, или которымъ образомъ досадити».

[1]) Въ печатной Кормчей это мѣсто изъ извѣстной дарственной грамоты Константина В. папѣ Сильвестру читается такъ: «яже церквамъ всѣмъ по вселеннѣй многими свѣтилы и свѣщами устроихомъ, содержанія ради и крѣпости и свѣтлостьми стяжанія, земли же и пр. Въ концѣ, л, 5 об.

[2]) Въ рукописи: повелѣвшу.

«Хотяй же о семъ пространнѣе увѣдати, да прочтетъ духовную благочестиваго и великаго царя Констянтина и похвальное о немъ слово и иная о немъ. И аще бы были грады и власти и села и винограды и езера и пошлины неприличны и неполезны божественнымъ церквамъ, не быша премолчали святіи 318 отцы перваго собора, но всяческы бы возбранили царю Констянтину таковое дѣло, и не токмо не возбраниша, но и свято Господеви и похвально и благопріятно благоволиша».

«И отъ перваго благочестиваго царя Констянтина, да и по немъ при благочестивыхъ царѣхъ, царствующихъ въ Констянтинѣ градѣ, святители и монастыри грады и села и земли держали и нынѣ держатъ въ тѣхъ, иже православно гдѣ царствующихъ, странахъ. И на всѣхъ соборѣхъ святыхъ отецъ запрещено [1]) святителемъ и монастыремъ селъ и земель церковныхъ ни продати, ни отдати, и великими страшными клятвами то утвержено [Правило иже въ Карѳагеніи собора 32, 33, четвертаго собора правило 24, пятаго собора правило на обидящихъ святыя божія церкви, Іустиніаново правило 14, 15, иже въ Сардикіи правило 14, Іустиніаново правило 30, седмаго сбора правило 12, 18] [2]). И въ Спиридоновѣ Тримиѳинскаго житьѣ писано, и въ Григорьевѣ Богослова житіѣ писано, и въ Златоустаго житіѣ писано, и въ Бесѣдовицѣ писано, что села были церковныя, явлено и въ житіи святаго Савина епископа и чюдотворца. Такожъ и монастыри имѣли села въ прежнихъ лѣтѣхъ, послѣ великаго Антонія: преподобный и великій отецъ нашъ Геласій чюдотворецъ села имѣлъ, и Аѳанасій аѳоньскый села имѣлъ и Ѳеодоръ студискый села имѣлъ, и

---

[1]) Въ рукописи: не запрещено.

[2]) Всѣ эти правила, конечно, были прочитаны предъ великимъ княземъ по Кормчей книгѣ.

и святый Симіонъ новый богословъ въ своемъ писаніи являетъ, что отъ селъ и виноградовъ монастыри состоятся и лавры.—И въ нашей рустѣй земли чюдотворцы Антоній великій и Ѳеодосій печерскыя, и Варлаамъ новоградскый, и Діонисіе и Димитріе вологодскые — вси села имѣли. Такожъ и святители рустіи иже въ Кіевѣ, да и по нихъ святый Петръ чюдотворецъ и Ѳеогностъ и Алексѣй чюдотворецъ, вси грады и власти и села имѣли. И святый Алексѣй чюдотворецъ, митрополитъ всеа Русіи, многыя монастыри создалъ и землями и водами удоволилъ. И блаженный великій Владимеръ и сынъ его великій князь Ярославъ святителемъ и монастыремъ грады и села давали, и святымъ церквамъ дажь и до сихъ мѣстъ благочестивіи и христолюбивіи великыи князи рустіи — власти, села, и земли, и воды, и ловли рыбныя давали. И се есть свято Господеви и благопріятно и похвально, и мы сія ублажаемъ, и похваляемъ, и съдержимъ».

Вѣроятно, великій князь потребовалъ какихъ нибудь дополнительныхъ объясненій; по крайней мѣрѣ, соборъ еще разъ посылалъ къ нему того же дьяка Леваша съ новымъ докладомъ, въ которомъ дословно повторено содержаніе перваго, и только гораздо подробнѣе сказано о русскихъ князьяхъ, надѣлявшихъ Церковь волостями и селами, именно: «такожъ и въ нашихъ русійскыхъ странахъ, при твоихъ прародителѣхъ великыхъ князѣхъ, при великомъ князѣ Владимірѣ и при его сынѣ великомъ князѣ Ярославѣ, да и по нихъ при великомъ князѣ Всеволодѣ и при великомъ князѣ Иванѣ, внуцѣ блаженнаго Александра, иже быть въ лѣта святаго великаго чюдотворца Петра, митрополита всеа Русіи, дажь и до сихъ мѣстъ, святители и монастыри грады, власти, слободы и села, и суды, и управы, и пошлины, и оброки, и дани церковныя держали. По божественнымъ велѣніемъ и уставленіемъ и по божественнымъ правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и равноапостольныхъ

христолюбивыхъ царей и по твоихъ прародителей [1]), равноапостольнаго христолюбиваго великаго князя Владиміра и его сына великаго князя Ярослава уставленію и утверженію, якоже тамо въ ихъ уставленіи подлинно глаголетъ: «аще кто преступитъ, рече, сія правила, якожъ есмы управили по святыхъ апостолъ и по святыхъ отецъ правиломъ и первыхъ благочестивыхъ царей управленіемъ,— кто иметъ преступати правила сіи, или дѣти мои, или внуцы мои, или правнуцы мои, или по нихъ отъ рода моего кто, или отъ бояръ кто гдѣ ни буди, или въ которыхъ градѣхъ бояре и намѣстницы, или воеводы, или судія, или тіуни, или инъ кто ни буди: аще имутъ обидѣти, или вступатися въ что церковное, или въ суды и управы и въ пошлины, и десятины святительскія отъимати, да будутъ прокляти въ сей вѣкъ и въ будущій». И по божественныхъ велѣніихъ уставленная святыми отцы и равноапостольными христолюбивыми цари и всѣми святыми священными соборы въ греческыхъ, такожъ и въ нашихъ рускыхъ странахъ, дажь и донынѣ, святители и монастыри земли держали и держатъ, *а отдавати ихъ не смѣютъ и неблаговолятъ*, понеже вся таковая стяжанія церковная — Божія суть стяжанія, возложена и нареченна и данна Богу, и не продаема, ни отдаема, ни емлема никимъ никогдажъ въ вѣки вѣка, и нерушима быти (и) соблюдатися, яко освященна Господеви, и благопріятна, и похвальна. И мы, смиреніи, сія ублажаемъ, и похваляемъ, и съдержимъ» [2]).

---

[1]) Въ рукописи: «и по твоихъ прародителѣхъ» и далѣе до слова: «уставленію» повторяется тотъ же (предложный) падежъ.

[2]) Изданный нами текстъ соборнаго отвѣта 1503 г. заимствованъ изъ рукописнаго сборника Моск. Духов. Академіи, принадлежавшаго прежде волоколамскому монастырю (№ $^{151}/_{514}$ л 426—433). На выходномъ листѣ этого сборника сказано, что онъ написанъ лѣта 7071 (1563) въ обители препод. Іосифа волоцкаго, рукою тамошняго монаха Евѳимія Туркова. Запись о соборѣ 1503 года начинается здѣсь такъ: «соборъ былъ о земляхъ церков-

Изъ этого отвѣта мы отчасти узнаемъ, какъ поставленъ былъ на соборѣ вопросъ о церковныхъ имуществахъ самимъ великимъ княземъ. Прежде всего—очевидно, что дѣло шло не объ однѣхъ монастырскихъ вотчинахъ (противъ которыхъ ратовали нестяжатели), но и о святительскихъ или архіерейскихъ. Далѣе, весь ходъ дѣла и все содержаніе отвѣта показываютъ, что великій князь предлагалъ духовной іерархіи какую-то добровольную сдѣлку по предмету цер-

ныхъ, святительскихъ и монастырскихъ. Симонъ митрополитъ всеа Русіи, съ всѣмъ священнымъ съборомъ *прьвое* сіе послаша посланіе къ великому князю Івану Василевичю всеа Русіи съ дьякомъ съ Левашомъ. Говорити великому князю Івану Василевичю всеа Русіи отъ Симона, митрополита всеа Русіи, и отъ всего освященнаго собора, дьяку Левашу „и прочее, какъ въ текстѣ. Надъ вторымъ докладомъ чрезъ того же дьяка стоитъ заглавіе: «второе посланіе» и за тѣмъ слѣдуетъ переходная истор. замѣтка: «и по семъ паки послаша къ вел. князю сице говорити вел. князю Івану Василевичю всеа Русіи отъ Симона, митрополита всеа Русіи, и иже о немъ освященнаго собора, дьяку Левашу. Отецъ твой» и пр., какъ въ первомъ посланіи.— Евѳимій Турковъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ подъ руками списокъ соборнаго отвѣта, принесенный съ собора самимъ Іосифомъ волоцкимъ, по всей вѣроятности — авторомъ главной части отвѣта, именно — той, съ которою ходилъ къ великому князю самъ митрополитъ Симонъ со всѣмъ соборомъ. Въ позднѣйшихъ спискахъ, по которымъ соборный приговоръ 1503 года изданъ отчасти *Карамзинымъ* (И. Г. Р. VI, прим. 622) и вполнѣ — *Калачовымъ*, (о значеніи Кормчей, прим. 15), текстъ нашего памятника является съ значительными перемѣнами. Во первыхъ, докладъ, читанный предъ великимъ княземъ самимъ соборомъ, опущенъ; во вторыхъ, оба доклада чрезъ дьяка Леваша соединены въ одно цѣлое, подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «*первое* посланіе» и распространены вставочными мыслями, взятыми большею частію изъ такого же отвѣта м-та Макарія царю Ивану IV (См. *Тихонравова* лѣтоп. русс. литер. и древ. Т. V отд. III стр. 129 и слѣд.); втретьихъ, къ этимъ «посланіямъ» приложены ярлыки монгольскихъ хановъ, какъ было и въ отвѣтѣ Макарія (Тамъ же, стр. 133). Синодальная рукопись, которою пользовался въ подлинникѣ Карамзинъ и въ позднѣйшей копіи (находящійся въ библіотекѣ Моск. Духов. Акад.) Калачовъ, принадлежала прежде знаменитому патріарху Никону, который извѣстенъ, между прочимъ, и своею борьбою за неприкосновенность церковныхъ имуществъ (См. его отвѣты боярину Стрешневу, изданные въ «Запискахъ Археолог. Общества», Т. II, стр. 450 и слѣд.). Не ему-ли принадлежатъ и всѣ указанныя перемѣны въ первоначальной редакціи соборнаго отвѣта 1503 г.?

ковныхъ и монастырскихъ вотчинъ, на которую соборъ, въ силу приведенныхъ имъ каноническихъ основаній, не могъ согласиться («отдавати ихъ *не смѣютъ* и *не благоволятъ*»). Сдѣлка эта могла состоять, напримѣръ, въ замѣнѣ вотчинъ ругою, которая тогда дѣйствительно выдавалась многимъ церквамъ и монастырямъ или деньгами изъ казны, или (что̀ было чаще) — натурою изъ дворцовыхъ запасовъ. Такая постановка вопроса согласна была и съ требованіями нестяжателей, которые (какъ мы видѣли) не отнимали у монаховъ права кормиться «милостынею отъ христолюбцевъ», что̀ означало и ругу отъ правительства [1]). Наконецъ, уже то обстоятельство, что великій князь вмѣстѣ съ монастырскими вотчинами затрогивалъ и архіерейскія, отнимаетъ всякую вѣроятность у предположенія, будто дѣло шло обезусловной секуляризаціи всѣхъ поземельныхъ владѣній духовенства, безъ всякихъ предварительныхъ обязательствъ со стороны государя доставить Церкви другіе способы содержанія [2]).

---

[1]) Ниже (въ гл. IV) мы увидимъ, что позднѣйшіе нестяжатели, изъ школы Нила сорскаго, уже прямо требовали замѣны монастырскихъ вотчинъ ругою и сами получали ружныя грамоты. А здѣсь замѣтимъ вообще, что монахи въ своихъ челобитныхъ о ругѣ обыкновенно называли себя «нищими богомольцами», а ругу — «государевою милостынею»: названіе, повторявшееся и въ самыхъ жалованныхъ (ружныхъ) грамотахъ (См. наприм. Доп. къ А. И. I, № 33).

[2]) Такое предположеніе въ недавнее время высказано преосв. *Макаріемъ* въ Ист. Русс. Цер. Т. VI, кн. I, стр. 133 (С.-Пб. 1870). «Если бы, говоритъ авторъ, самъ государь, предлагая духовенству вопросъ объ отобраніи церковныхъ владѣній, напередъ объявилъ, что онъ готовъ замѣнить это ежегодными опредѣленными пособіями монастырямъ, достаточными для ихъ существованія, ... тогда вопросъ былъ бы поставленъ правильно и отцы собора, по всей вѣроятности, не отказались бы согласиться на предложеніе государя и не послали бы ему такого отвѣта, какой послали». Въ подтвержденіе этой вѣроятности авторъ указываетъ (въ примѣчаніи) на примѣръ Успенскаго владимірскаго монастыря, старцы котораго, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ духовенствомъ, сами просили в. князя Василія Ивановича (1512 г.), чтобы онъ купилъ у нихъ монастырскія села и, отдавъ слѣдующія за то

Такой крайней мѣры Иванъ III не принялъ даже относительно новогородскаго владыки и монастырей, у которыхъ все-таки осталось довольно земель и послѣ двукратной раздачи ихъ служилымъ людямъ [1]; а софійскій соборный причтъ въ 1504 г. получилъ даже щедрую жалованную грамоту на ругу со всѣхъ новогородскихъ пятинъ [2]. Не требовалъ-ли и теперь великій князь только *извѣстной части* земель у архіереевъ и монастырей, особенно богатыхъ вотчинами? Соборный отвѣтъ ничего не говоритъ противъ этого предположенія.

Получивъ троекратный отказъ собора, великій князь уже не рѣшался возобновлять своихъ притязаній. Современники увѣряютъ даже, что съ нимъ случилось тогда «нѣчто божественно» [3]. Въ слѣдующемъ году великій князь, какъ-бы въ доказательство своего искренняго раскаянія въ намѣреніи посягнуть на церковную собственность, далъ митрополиту Симону двѣ жалованныхъ несудимыхъ грамоты, обнимавшія почти всѣ домовыя вотчины митрополіи [4]. Но и тогда хорошо понимали, что примѣръ Ивана III и тѣ «обиды», какія онъ частію сдѣлалъ, частію замышлялъ сдѣлать Церкви, рано или поздно могутъ снова повториться. Въ виду этой возможности въ Новгородѣ, вѣ-

---

деньги въ ростъ, велѣлъ только выдавать монастырю ежегодно опредѣленную ругу деньгами и хлѣбомъ (А. Э. 1. № 155). Но этотъ примѣръ доказываетъ только, что *старицы* названнаго монастыря (а не *старцы*, какъ напечатано у преосв. Макарія: монастырь былъ женскій), по очень понятной причинѣ, находили для себя болѣе удобнымъ получать готовое содержаніе, нежели заниматься вотчиннымъ хозяйствомъ. Во всякомъ случаѣ, отъ этого одиночнаго примѣра нельзя дѣлать заключеній обо всемъ духовенствѣ.

[1]) См. писцовыя новогородскія книги того времени, указанныя выше стр. 35, примѣч. 2.

[2]) Эта грамота напечатана въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. Росс. 1866 кн. 3. отд. V, стр. 5.

[3]) Житіе Іосифа волоцкаго, написанное неизвѣстнымъ, стр. 44.

[4]) А. Э. I, № 139.

роятно вскорѣ послѣ вторичнаго отобранія земель у тамошняго духовенства и еще до 1503 года, включено было въ «Чинъ Православія» или «Синодикъ», ежегодно возглашаемый на первой недѣлѣ великаго поста, слѣдующее анаѳематствованіе: «вси начальствующіи и обидящіи святыя божія церкве и монастыреве, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ села и винограды, аще не престанутъ отъ таковаго начинанія, да будутъ прокляти» [1]). Примѣру Новгорода послѣдовали въ этомъ отношеніи и другія епархіи [2]).

Ни откуда не видно, чтобы Иванъ III особенно инте-

---

[1]) Это анаѳематствованіе взято изъ извѣстнаго (подложнаго) правила пятаго вселенскаго собора „на обидящихъ святыя божія церкви", на которое (какъ мы видѣли) ссылался и соборъ 1503 года. Новгородскій „Синодикъ", уже съ этимъ прибавленіемъ, находится въ рукописномъ сборникѣ XVI вѣка бывшей Соловецкой библіотеки № 844 (л. 325). Здѣсь между прочимъ проклинаются слѣдующіе новгородскіе еретики (жидовствующіе), названные еще *новоявившимися*: Захаръ чернецъ, софійскій протопопъ Гаврило, попъ Денисъ архангельскій, попъ Максимъ ивановскій, попъ Василій покровскій, Макаръ дьякъ никольскій, Гридя дьякъ борисоглѣбскій, Ивашко Максимовъ сынъ поповъ, Васюкъ поповъ зять Денисовъ. Самуха дьякъ никольскій (л. 320). Соборъ на этихъ еретиковъ былъ въ 1490—91 году. Такимъ образомъ анаѳема на „обидящихъ божія церкви" внесена въ новгородскій Синодикъ не прежде 1491 г. (она стоитъ здѣсь *ниже* анаѳемы на еретиковъ) и не послѣ 1504 года, когда подверглись соборному проклятію другіе жидовствующіе еретики, которыхъ еще не знаетъ нашъ Синодикъ. Въ Синодикѣ московскаго Успенскаго собора, изданномъ съ VI томѣ Новиковской „Вивліоѳики", проклинаются и тѣ и другіе еретики, но анаѳемы на обидящихъ церкви — *нѣтъ*.

[2]) Въ московской Типографской библіотекѣ находится рукописный *ростовскій* Синодикъ, по которому совершался чинъ православія въ Ростовѣ въ 1642 году, и въ которомъ противъ анаѳемы „на обидящихъ святыя божія церкви и монастыри" сдѣлана особая замѣтка для протодіакона: „возгласи вельми!" (№ $^{443}/_{1331}$, л. 4). По такому же Синодику совершенъ чинъ православія въ 1763 году знаменитымъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ, архіепископомъ ростовскимъ (День. 1864. № 39, стр. 5). Но такъ какъ въ печатномъ „Чинѣ Православія" нѣтъ и не было такой анаѳемы, то Св. Синодъ, судившій Арсенія за его рѣзкіе протесты противъ отобранія въ казну церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ, поставилъ ему въ вину и это (какъ бы *небывалое*) прибавленіе къ обще-церковному „Чину".

ресовался тою стороною вопроса о монастырскихъ вотчинахъ, которую исключительно имѣли въ виду его союзники — нестяжатели. Кажется, что эта сторона занимала его лишь на столько, на сколько служила оправданіемъ попытокъ къ секуляризаціи. Во всякомъ случаѣ, правленіе Ивана III не представляетъ никакихъ законодательныхъ мѣръ, которыя бы, не касаясь права собственности монастырей на принадлежащія имъ земли, направлены были только противъ нравственно-соблазнительныхъ явленій въ жизни вотчинно-мірскаго монашества [1]). Впрочемъ, послѣ собора 1503 года великій князь не имѣлъ и времени, чтобы сдѣлать что-нибудь важное въ этомъ отношеніи: въ 1505 году онъ умеръ, но съ нимъ не умерла идея, которую онъ такъ долго и упорно преслѣдовалъ; она перешла только изъ области административныхъ и законодательныхъ мѣръ въ область литературныхъ споровъ, въ которой преимущественно и двигалась во все время правленія Василія Ивановича.

---

[1]) Сюда относится развѣ только приговоръ прежняго собора 1503 года, запрещающій монахамъ и монахинямъ жить въ одномъ монастырѣ (А. Э. Т. 1, № 183). Это соблазнительное явленіе находилось также въ связи съ вотчиннымъ бытомъ монастырей. Именно, женскіе монастыри находили для себя выгоднымъ и удобнымъ отдавать свои вотчины въ завѣдываніе мужскихъ, съ тѣмъ чтобы получать отсюда готовое содержаніе. А изъ общей экономіи естественно происходило и пространственное сближеніе обѣихъ монашескихъ общинъ.

III.

Сочиненія, написанныя послѣ собора 1503 года въ защиту церковныхъ и монастырскихъ имуществъ.— Споръ съ Іосифомъ волоцкимъ инока-князя Вассіана Патрикѣева.— Максимъ Грекъ, сторонникъ Вассіана.— Отношеніе къ спорящимъ в. князя Василія Ивановича.— Почему онъ не трогалъ вотчинныхъ правъ духовенства?— Паденіе Вассіана и Максима и соборный судъ надъ ними.— Подчиненіе монастырей государственному контролю.

Прошло не болѣе трехъ лѣтъ послѣ собора 1503 года, какъ Іосифъ волоцкій снова долженъ былъ бороться аз неприкосновенность монастырскихъ имуществъ, защищая на этотъ разъ свой собственный монастырь отъ притѣсненій мѣстнаго удѣльнаго князя. Борьба эта, какъ мы уже видѣли, началась тѣмъ, что Іосифъ передалъ свой монастырь подъ непосредственное покровительство великаго князя. Такъ какъ этотъ поступокъ былъ нарушеніемъ вотчинныхъ правъ волоколамскаго князя и святительскихъ новогородскаго архіепископа, то Іосифъ подвергся сильнымъ порицаніямъ со стороны ревнителей церковно-іерархическаго порядка и враговъ московской централизаціи, въ особенности когда новогородскій владыка Серапіонъ, отлучившій «своего чернеца» отъ Церкви, лишенъ былъ за это своей каѳедры. Даже друзья и почитатели волоколамскаго игумена сомнѣвались въ его правотѣ и находили лучшимъ, если бы онъ, не начиная соблазнительной борьбы съ своимъ архіереемъ и княземъ, оставилъ монастырь и удалился въ другое мѣсто. Въ отвѣтъ на такія обвиненія Іосифъ писалъ одному изъ московскихъ друзей своихъ—боярину Борису Васильевичу Кутузову: «я дѣйствительно хотѣлъ

было уже оставить монастырь, но когда сказалъ объ этомъ братіи, то они почали говорить мнѣ: «Богъ взыщетъ на твоей душѣ, если церковь Пречистыя будетъ пуста, потому что монастырь устроила Пречистая, а княжескаго Өедорова нѣтъ ничего [1]). А тебѣ извѣстно, сколько добрыхъ людей давали денегъ и селъ, а велѣли написать себя въ вѣчное поминанье и ставить по себѣ кормы. Если ты бросишь монастырь, то память всѣхъ ихъ погибнетъ, да и мы всѣ пойдемъ по дворамъ. А вѣдь мы отдали всѣ свои пожитки Пречистой да тебѣ, а не князю, и надѣялись, что ты будешь покоить насъ до смерти и поминать по смерти». И я побоялся суда Божія (продолжаетъ Іосифъ) и не посмѣлъ оставить монастыря и пойти прочь, а монастырь предать на расхищеніе, потому что божественныя писанія не повелѣваютъ такъ дѣлать: преподобные и богоносные отцы наши, пастыри и учители, имѣли подвигъ и попеченіе о божественныхъ церквахъ и монастыряхъ, не предавали ихъ на разграбленіе и не оставляли на запустѣніе, но подвизались за нихъ до смерти; а кому можно было, тѣ переходили отъ меньшихъ царей къ большимъ и получали отъ нихъ оборону, и большіе цари вступались въ вотчину меньшихъ царей за церкви и монастыри». Въ заключеніе Іосифъ предлагаетъ Кутузову прочитать свое посланіе, написанное по тому же случаю къ Ивану Третьякову, «гдѣ подлинно показано, какова погибель и клятва приходитъ на тѣхъ, которые расхищаютъ церковное имѣніе и грабятъ святыя церкви и монастыри, да и на тѣхъ, кто имъ способствуетъ» [2]). Въ этомъ послѣднемъ посланіи дѣйствительно собрано не мало примѣровъ изъ церковной исторіи

---

[1]) Однакожъ еще въ 1500 году Өедоръ Борисовичъ далъ Іосифову монастырю жалованную грамоту на деревню Медвѣдку и половину слободы Тимоөеевской. А. Э. T.I, № 136

[2]) Древ. Росс. Вивліоө. ч. XIV стр. 182—183, 202—203.

въ доказательство неприкосновенности монастырскихъ имуществъ и въ опровержение словъ новогородскаго архiепископа Серапiона: «князь Θедоръ воленъ въ своемъ монастырѣ: хочетъ—грабитъ, хочетъ—жалуетъ» [1]). Но въ обоихъ этихъ посланiяхъ мысль о неотъемлемости монастырскихъ имуществъ развивается только мимоходомъ, наряду со многими другими положенiями, которыя долженъ былъ доказывать Iосифъ по поводу вражды своей съ Серапiономъ. Между тѣмъ слова новогородскаго владыки, какъ выраженiе стариннаго и общаго юридическаго взгляда, повторялись такъ часто, что защитнику монастырской собственности нужно было спецiально заняться ихъ опроверженiемъ. Дѣйствительно, Iосифъ не замедлилъ написать особенный трактатъ о неприкосновенности монастырскихъ имуществъ, который имѣетъ много общаго съ посланiемъ къ Третьякову и до сихъ поръ остается еще въ рукописяхъ. «Слышахъ многихъ—такъ начинаетъ авторъ свое разсужденiе—яко нѣсть грѣха, еже отъ монастыря что взяти. Того ради *нѣцiи отъ вельможъ* зѣло не любяху мя и глаголаху: съ собою ли смердъ принесъ? монастырскаго не даетъ! Оскудитъ ли тѣмъ монастырь? И язъ, боякся правилъ божественныхъ, не повинухся рѣчи не вѣдящихъ божественнаго писанiя, но аще и вѣдящихъ, но помраченныхъ лихоимствомъ. Божественное бо писанiе не повелѣваетъ и отъ простыхъ людей взяти что неповинно». Слѣдуетъ ссылка на Iоанна Златоуста и на примѣры изъ библейской и церковной исторiи, доказывающiе эту истину. «А иже церкви Божiа обидящихъ (продолжаетъ Iосифъ) и отъ монастырей хотящихъ что взяти, какова погибель приходитъ, напреди о семъ напишемъ. Занеже монастыри и церкви божiа *бого-*

---

[1]) Содержанiе посланiя къ Ивану Третьякову изложено въ Чтенiяхъ Общ. Истор. и Древ. Росс. 1847 г. № 8 и еще подробнѣе въ изслѣдованiи *Хрущова* „о сочиненiяхъ Iосифа Санина", стр. 219 и слѣд.

моліа нарицаются: Бога молитъ игуменъ съ братіею за государя и за его бояре и за вся крестьяне, а отъ нихъ пріемлетъ милостыню. А еже давати игумену монастырское— расточеніе есть. Пишетъ бо ся: аще кто расточаетъ церковное имѣніе, развѣ убогихъ и нищихъ и плѣненныхъ и своихъ нужныхъ монастырскихъ потребъ, святотатецъ есть; а иже кто хочетъ монастырское что взяти, обидчикъ есть. На таковыхъ священныя правила клятву полагаютъ». Приводится извѣстная уже намъ изъ соборнаго отвѣта 1503 года клятва «на обидящихъ святыя Божія церкви и монастыри», изреченная будто бы пятымъ вселенскимъ соборомъ въ особомъ правилѣ. «А то правило написалъ православный царь великой Юстиніанъ и съ нимъ четыре патріарси и римскій папа и сто и шестьдесятъ и пять святителей. И ни одинъ отъ нихъ не написалъ того, чтобы не грѣшно еже отъ монастыря взимати, но сице написали: «аще ли же и сами вѣнецъ носящіи, а не токмо вельможи (станутъ брать что изъ монастыря), да будутъ прокляти». Аще же нѣціи глаголютъ: «мы не силою емлемъ; *подобаетъ* намъ игумену давати», то они забываютъ, что написано: «аще игуменъ начнетъ расточати церковныя имѣнія, святотатецъ есть и изъ монастыря изметается». Слѣдуетъ ссылка на Никона Черногорца, у котораго это написано, и который, по словамъ автора, былъ «обоженный человѣкъ, да отъ Святаго Духа даръ пріатъ учительства, а Пресвятая Богородица сама ввѣрила ему учительства слово, и отъ всѣхъ патріархъ и епископъ благословено было учительство его». Однако Никонъ въ посланіи къ антіохійскому князю Марапѣ, обижавшему монастыри, не дерзнулъ написать, что *«воленъ ты въ этомъ государь»*, но запретилъ и возбранилъ, святотатства на него грѣхъ возложилъ и мученіе навелъ». И другіе князья, согрѣшившіе подобно Марапѣ, уже въ настоящемъ вѣкѣ пріяли немилос-

тивую казнь отъ владыки Христа, а въ будущемъ—еще страшнѣйшую и лютѣйшую муку въ огнѣ неугасаемомъ». Приводятся примѣры изъ житій или, точнѣе, изъ «чудесъ», находящихся въ житіяхъ святыхъ: Стефана сербскаго, Леонтія ростовскаго (о бояринѣ Захаріи, присвоившемъ себѣ часть земли ростовской соборной церкви), великомученика Мины (о дровахъ, данныхъ церкви святаго, и о вепрѣ, украденномъ изъ церковнаго стада), Саввы освященнаго (о пастухахъ, дѣлавшихъ пакость монастырскому стаду), Ѳеодосія Печерскаго (о разбойникахъ, пришедшихъ ограбить монастырское село), Евѳимія великаго (о трапезномъ служителѣ, украдшемъ монастырскія деньги, о монахѣ, похищавшемъ алтарныя вещи, и о сарацинѣ, повредившемъ монастырскій колодезь). Каждое изъ этихъ чудесъ представляетъ грозный примѣръ божественной кары, поражающей святотатцевъ,—въ особенности чудеса Стефана сербскаго, которыя Іосифъ пересказываетъ и въ посланіи къ Третьякову: такъ они приходились къ случаю, по которому написаны оба эти сочиненія, и такъ отвѣчали духу самого автора! Сербскій чудотворецъ каралъ именно *князей*, поднимавшихъ руку на церковную собственность и вообще довольно схожихъ съ волоколамскимъ княземъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ. Одинъ изъ нихъ, задумавшій взять себѣ всѣ имущества того монастыря, въ которомъ покоились мощи св. Стефана, наказанъ былъ слѣдующимъ образомъ: однажды, когда онъ ѣхалъ въ монастырь верхомъ на конѣ, является ему чудотворецъ Стефанъ, сбрасываетъ его съ коня на землю, и вонзаетъ ему въ гортань два великіе гвоздя, проходящіе даже до грудей. На вопросы людей, прибѣжавшихъ къ нему на помощь, онъ велѣлъ позвать кузнеца, чтобы вынуть у него гвозди изъ гортани: «и таковымъ злолютствомъ окаянную душу свою изверже». Еще ужаснѣе была казнь другаго князя, по имени Юнца, кото

рый тоже хотѣлъ—было завладѣть всѣми богатствами обители св. Стефана, а игумену и монахамъ «малу нѣкую часть даяти хлѣба и иныхъ потребъ». Узнавъ объ этомъ намѣреніи, игуменъ сталъ молиться св. царю Стефану: «виждь озлобленіе наше, людей твоихъ, Христовъ воине! виждь облакъ печалей, насъ покрывый! виждь послѣднее порабощеніе твоего достоянія! Виждь, яко ты Богу въ жилище создалъ обитель сію, скверный же Юнецъ вертепъ сдѣла разбойникамъ! виждь и не премолчи!» Въ тотъ же самый часъ Юнецъ, спавшій въ лагерѣ посреди своего воинства, видитъ во снѣ, будто онъ ѣдетъ въ монастырь святаго; у церковныхъ дверей встрѣчаетъ его нѣкій страшный мужъ, украшенный церковными одеждами, съ длинною и просѣдою бородою и съ лампадою въ рукѣ; подойдя къ Юнцу, онъ ударилъ его этою лампадою въ лицо такъ сильно, что она переломилась. Юнецъ обратился въ бѣгство, но страшный мужъ догналъ его и ударилъ остаткомъ лампады по хребту, говоря: «се тебѣ мзда, яко да навыкнеши не свирѣпитися на мою обитель». Рыкнувъ какъ раненый звѣрь, Юнецъ вскочилъ отъ сна съ ужасною болію въ членахъ, подвергшихся ударамъ. Онъ былъ, какъ въ огнѣ, и въ такомъ состояніи принесенъ въ монастырь св. Стефана, гдѣ лежалъ семь недѣль, «сгнивающимъ плотемъ и костемъ мѣстъ прободенныхъ». Самая смерть князя-святотатца была необычайная: «не бо прежде издасть душу, потомъ же тѣло истлѣ; но тѣло съгни первѣе, грозно же и необычно душа внутрь съдержима, къ наказанію прочихъ; таже и самую душу послѣжде нужею отдасть».— За этими и вышеупомянутыми чудесами изъ житій святыхъ идутъ каноническія правила и законы греческихъ царей о неотъемлемости и неотчуждаемости церковныхъ имуществъ, именно: четвертаго вселенскаго собора правило 24, кареагенскаго — 26 и 33-е, Кирилла александрійскаго—

2-е изъ посланія къ Домну, отрывокъ изъ каноническаго посланія Никона Черногорца къ князю Марапѣ, изъ Патерика объ аввѣ Геласіи, изъ актовъ мученическихъ св. Арефы, изъ дарственной грамоты Константина Великаго, полный текстъ правила пятаго вселенскаго собора «на обидящихъ церкви», и, наконецъ, опять отрывокъ изъ посланія Никона Черногорца. Общій обзоръ содержанія всѣхъ изложенныхъ или только указанныхъ нами выписокъ сдѣланъ въ самомъ оглавленіи трактата, которое приведемъ здѣсь вполнѣ: «яко не подобаетъ святымъ Божіимъ церквамъ и монастыремъ обиды и насиліе творити и въсхищати имѣніа и стяжаніа ихъ и сихъ ради приражатися Богу; а иже приражайся въ сихъ Богу и прогнѣвая благость Его, бѣдѣ немалѣ подлежитъ и въ сій вѣкъ и въ будущій, и толику (велику?) бѣду и муку имать; но идѣже аще внидутъ таковая, по власти или по страсти, или въ княжеская или въ сродства и елика такова, огнь бываютъ и съжизаютъ и яже отъ инѣхъ различныхъ събраная прибытки погубляютъ. Церковная бо и монастырская, такоже и иноческая и дѣланіа ихъ и плоды, вся Богови суть освященна: на ино ничтоже не расточаются, развѣ на убогыа и странныа и плѣненныа и елика такова, подобнѣ и на церковныа потребы и монастырскыа и иночьскыа, *обаче ниже въ сіа чрезъ потребы*» [1]). Итакъ, стражайшая экономія въ употребленіи монастырскихъ имуществъ и до-

[1]) Мы пользовались этимъ сочиненіемъ препод. Іосифа по рукописному сборнику, принадлежавшему прежде волоколамскому монастырю, а нынѣ— Московской Дух. Академіи, № $^{233}/_{659}$, л. 532—556. На оборотѣ 2-го листа, послѣ оглавленія, слѣдующая приписка: „въ лѣто 7045 (1536) съвершися книга сія съборникъ повелѣніемъ и благословеніемъ господина отца нашего игумена Нифонта, при державѣ благовѣрнаго великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи и при архіепископѣ Макаріи Великаго Новограда и Пскова“.— Современный этому сборникъ, написанный самимъ игуменомъ Нифонтомъ и содержащій въ себѣ тоже самое слово Іосифа волоцкаго, находится въ Импер.

ходовъ, какъ достоянія Божія, расхищеніе или расточеніе котораго есть святотатство,—вотъ идея, за которую ратовалъ теперь Іосифъ противъ своего удѣльнаго князя и даже противъ епархіальнаго архіерея! Послѣдній, очевидно, держался другихъ правилъ, хотя (когда былъ еще Троицкимъ игуменомъ) и сильно поддерживалъ Іосифа на соборѣ 1503 года [1]). Но теперь, сдѣлавшись новогородскимъ владыкою, Серапіонъ, по свидѣтельству волоколамскаго игумена, явилъ примѣръ предосудительной расточительности въ употребленіи церковныхъ доходовъ: «онъ роздалъ ихъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, а иное истощилъ церковное имѣніе; пьяницамъ и смутамъ отворилъ погреба, и они, напившись, зовутъ его святителемъ, государемъ. Да какъ нечего было уже давать и поить нечѣмъ, и онъ хотѣлъ потому и владычество оставить. А вѣдомо, господине, тебѣ (Іосифъ писалъ это Третьякову): аще кто простъ человѣкъ богатство свое, а не церковное, раздаетъ богатымъ и пьяницамъ... ино не похвально ни отъ Бога, ни отъ человѣкъ; а еже архіепископу или епископу церковное имѣніе раздавати не убогимъ, а богатымъ и пьяницамъ.... сіе отречено есть правильнымъ закономъ, и святотатцевъ судомъ осуждаеми бываютъ творящеи таковая» [2]).

Нельзя не замѣтить, что всѣ разсмотрѣнныя нами сочиненія Іосифа отличаются нѣкоторою односторонностію и, такъ сказать, монотонностію: онъ почти исключительно занятъ мыслію о сверхъестественныхъ казняхъ, какимъ подвергаются грабители церковныхъ иму-

---

Публич. Библіотекѣ, въ отдѣлѣ рукописей, принадлежавшихъ прежде графу Толстому. См. „Описаніе“ этихъ рукописей, сдѣланное Калайдовичемъ и Строевымъ, отд. II, № 254, стр. 413.

[1]) Объ этомъ замѣчено въ житіи Іосифа, составленномъ неизвѣстнымъ авторомъ стр. 44.

[2]) Хрущовъ, о сочиненіяхъ Іосифа Санина, стр. 231.

ществъ, какъ святотатцы. Впрочемъ, и самый случай, по которому писалъ теперь Іосифъ, не подавалъ повода къ общимъ и всестороннимъ разсужденіямъ о неприкосновенности имущественныхъ правъ Церкви. Не таково сочиненіе, написанное въ 1505 году, по порученію какого-то русскаго архіепископа, неизвѣстнымъ авторомъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «слово кратко противу тѣхъ, иже въ вещи священныя, подвижныя и неподвижныя, соборныя Церкви вступаются и отъимати, противу спасенія души своей, дерзаютъ, заповѣди Божія и церковныя презирающе и православныхъ царей и великихъ князей истинное съ клятвою законоположеніе разоряюще. Здѣсь имѣется въ виду уже не частный случай нарушенія имущественныхъ правъ Церкви, но общій духъ времени, повсюду направлявшій христіянскія правительства къ секуляризаціи церковнаго достоянія. «Нашего времени начальницы,—говоритъ авторъ, приступая къ своему разсужденію,—*въ разныхъ міра странахъ*, не токмо своихъ не дающе, но яже отъ православныхъ начальниковъ Церкви и Христу освященна суть, отъимати и къ своимъ имѣніямъ прилагати дерзаютъ, сокровища своя наполнити поучающеся». Сообразно съ этимъ широкимъ взглядомъ на предметъ, авторъ естественно ставитъ вопросъ объ имущественныхъ правахъ Церкви въ тѣсную связь съ общимъ вопросомъ объ отношеніи Церкви къ государству. Мысль о неотъемлемости «вещей церковныхъ» утверждается нашимъ канонистомъ не только на положительныхъ основаніяхъ, содержащихся въ Библіи, въ соборныхъ опредѣленіяхъ и въ законодательствѣ христіанскихъ государей, но и на общихъ началахъ церковнаго и государственнаго права, на понятіяхъ о существѣ и взаимномъ отношеніи властей—мірской и духовной. Обѣ эти власти, говоритъ авторъ, «изводятся отъ власти божественныя, и сице толико мірская власть *подъ* духовною есть, ели-

ко отъ Бога духовное достоинство *пред*положено есть». Отсюда само собою вытекаетъ то заключеніе, что въ случаѣ посягательства мірской власти на имущественныя права Церкви, власть духовная не должна уступать, напротивъ—обязана бороться даже до пролитія крови: «понеже по апостольскому ученію, паче подобаетъ повиноватися Богу, нежели человѣкомъ. Мірстіи бо властели человѣци суть: тѣло отъяти могутъ, души же ни». Автору извѣстна даже знаменитая средневѣковая латинская теорія о двухъ мечахъ, находящихся въ распоряженіи Церкви. Приводя извѣстныя слова изъ евангелиста Луки (гл. 22, стихъ 28), на которыхъ построена эта теорія, нашъ неизвѣстный канонистъ разсуждаетъ: «здѣ разумѣти треба есть, яко мечь есть сугубъ. Единъ мечь вещественный, егоже имѣяше Петръ апостолъ, егда отрѣза ухо Малху въ вертоградѣ: той мечь достоитъ пастыремъ церковнымъ имѣти защищеніе Церкви своея, даже и до своего кровопролитія, аще токмо мечемъ духовнымъ ничтоже поспѣшествуетъ. Вторый же мечь есть духовный, егоже Господь даде Петру и будущимъ по немъ, глаголя: «аще ни тако послушаетъ тя, да будетъ ти, яко язычникъ и грѣшникъ» (sic), имиже словесы, со властію вязати и рѣшити, даде Христосъ ученикомъ своимъ власть отлученія и анаѳемѣ преданія. И сію власть наричемъ мечемъ духовнымъ. Симъ мечемъ пастырю Церкви достоитъ защищатися и оборонятися первѣе. Аще ли по третьемъ наказаніи непослушни не сотворятъ повелѣнія и сопротивны пребудутъ, не хотяще наказатися, ни вый своихъ гордыхъ пастыремъ подклонити и Христу повинутися: тогда помощію *плечій мірскихъ* (brachium saeculare) дѣйствовати могутъ мечемъ вещественнымъ, на отвращеніе силы сопротивныхъ [1]). Нельзя сказать, чтобы

---

[1]) Соображенія о мѣстѣ написанія этого трактата и о лицѣ того архіепископа, которому онъ посвященъ, см. въ «Описаніи рукописей Моск. синод.

эта теорія не имѣла у насъ *своего* практическаго приложенія: вспомнимъ только примѣры передачи монастырей изъ подъ власти удѣльныхъ князей въ державу сильнѣйшихъ русскихъ государей, великихъ князей московскихъ.

Между тѣмъ въ глуши заволжскихъ пустыней готовилась сильная оппозиція защитникамъ вотчинныхъ правъ монашества. Здѣсь, пока въ тихомолвку, критически разбирались всѣ основанія, на которыхъ утверждался соборный приго-

---

библіотеки» *Горскаго* и *Невоструева*. Отд. II ч. 3, стр. 609—616. — Несомнѣнно только одно, что трактатъ написанъ въ Россіи, которую авторъ называетъ своимъ „достойнымъ отечествомъ", но въ западной или сѣверной Россіи (именно въ Новгородѣ)? Поводы писать въ защиту неприкосновенности церковныхъ имуществъ находились и тамъ и здѣсь: у насъ—попытка Ивана III, отвергнутая соборомъ 1503 года, и еще прежде—двукратная секуляризація церковныхъ земель въ Новгородѣ; въ западно-русской Церкви—частыя посягательства князей и бояръ на цѣлость церковныхъ имуществъ, осужденныя виленскимъ соборомъ 1509 года подъ предсѣдательствомъ митрополита Іосифа Солтана (А. И. Т. I № 298, стр. 528). Близкое знакомство автора съ католическою каноникой, конечно, говоритъ въ пользу западно-русскаго происхожденія трактата. Но и у насъ, именно въ Новгородѣ, были люди, знающіе латинскій языкъ и латинскую богословскую науку, напримѣръ извѣстные сотрудники архіепископа Геннадія—Дмитрій Герасимовъ и доминиканецъ (сербъ) Веніаминъ (*Филаретъ*, Обзоръ русской духовной литературы №: 108. 111). Правда, въ Новгородѣ въ 1505 г. не было архіепископа: Геннадій за годъ предъ тѣмъ оставилъ каѳедру, а преемникъ его Серапіонъ поставленъ уже въ 1506 году. Но порученіе написать слово въ защиту неприкосновенности церковныхъ имуществъ могъ дать еще Геннадій, вскорѣ послѣ собора 1503, на которомъ онъ самъ присутствовалъ; внезапное удаленіе архіепископа не могло остановить неизвѣстнаго автора въ исполненіи порученнаго ему дѣла, такъ какъ не трудно было предвидѣть, что и преемникъ Геннадія съ сочувствіемъ отнесется къ труду, посвященному защитѣ церковной собственности. Словомъ: мы склоняемся къ тому предположенію, что занимающій насъ трактатъ написанъ въ Новгородѣ кѣмъ нибудь изъ вышепоименованныхъ сотрудниковъ Геннадія, которые оставались тамъ и при последующихъ архіепископахъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что сочинитель трактата писалъ собственно противъ *государей*, посягающихъ на церковныя имущества, и что онъ называетъ русскихъ князей *нашими*. Такъ не могъ говоритъ житель западной Руси, гдѣ имущественныя права Церкви нарушала *аристократія*, и гдѣ государи были *не русскіе*.

воръ 1503 года о неотъемлемости монастырскихъ вотчинъ. Самъ преподоб. Нилъ сорскій писалъ о своихъ занятіяхъ въ пустыни: «мы *испытываемъ* съ учениками *житія святыхъ* и другія писанія и, *что согласно нашему разуму*, списываемъ себѣ для благоугожденія Богу и спасенія души» [1]. Критическое направленіе и конечная цѣль этихъ занятій— доказать превосходство нестяжательно-скитской жизни предъ вотчинно-мірскимъ бытомъ другихъ монастырей—извѣстны были и преподобному Іосифу волоцкому. Не даромъ онъ обвинялъ Нила сорскаго въ хулахъ на русскихъ чудотворцевъ, въ невѣрованіи ихъ чудесамъ, въ искаженіи ихъ житій [2]. Нилъ не отвѣчалъ на эти обвиненія, какъ и вообще не любилъ вдаваться въ прямую и открытую литературную полемику противъ вотчинно-мірскаго монашества [3]. Защиту добраго имени и вмѣстѣ пропаганду идей сорскаго подвижника принялъ на себя ревностный ученикъ его, инокъ-князь Вассіанъ Патрикѣевъ. Вскорѣ послѣ кончины своего

---

[1] Посланіе Нила сорскаго въ рукописи Москов. Дух. Акад. подъ названіемъ «Старчество» № 185.

[2] См. обвинительные пункты Іосифа волоцкаго противъ Нила и Вассіана, изложенные въ сочиненіяхъ послѣдняго. Прав. Собесѣд. 1863. Октябрь, стр. 204. 208.

[3] Извѣстна только одна краткая и еще неизданная замѣтка его «о мнисѣхъ, кружающихъ стяжаній ради». (*Востоковъ*, Описаніе Рум. Муз., стр. 628; *Строевъ*, Описаніе рукописей Царскаго, № 274). Здѣсь преподоб. Нилъ жалуется, что жизнь монашеская, когда-то «превожделенная», сдѣлалась «мерзостною». Ибо отягчаются вся грады и веси отъ лжемонаховъ, обходящихъ и обтекающихъ всуе, многимъ безстудіемъ и неразньствомъ. Смущаютжеся вси домувладыки и не сладцѣ имутъ и къ самому воззрѣнію, видяще тѣхъ прошаковъ безстудно у дверей своихъ пребывающихъ». Отсюда, по замѣчанію препод. Нила, и тѣ монахи, которые «живутъ право, по добродѣтели», подвергаются нареканіямъ и осужденіямъ. «И что нынѣ Еремія новый явилъ бы ся убо, рыдати полезнѣ и по достоянію могій наша времена? *Срамляю бо ся лишше что писати*; обаче доброе творящеи не стужайте си, и Господь щедротъ и всякія утѣхи да будетъ съ вами».

учителя (въ 1508 году), онъ вызванъ былъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ въ Москву, на постоянное жительство въ Симоновомъ монастырѣ [1]). Сильный духомъ и словомъ, Вассіанъ успѣлъ такъ расположить къ себѣ государя, что онъ, по словамъ современниковъ, называлъ его не иначе, какъ «подпорою державѣ своей, умягченіемъ сердцу и утишеніемъ гнѣву своему, веселіемъ бесѣды и благомъ души своей, вѣтриломъ скорбей и учителемъ любви нелицемѣрной» [2]). Полюбилъ нашего пустынника и крот-

---

[1]) Время переселенія Вассіана изъ пустыни въ Симоновъ монастырь опредѣлить съ точностью довольно трудно. Преосв. *Макарій* думаетъ, что онъ, прибывъ въ Москву на соборъ 1503 года, уже не возвращался назадъ (Истор. Русс. Церкви, Т. VI стр. 126; срав. стр. 152). Но ни откуда не видно, чтобы Вассіанъ присутствовалъ на этомъ соборѣ; напротивъ, съ большею вѣроятностію можно предполагать, что онъ на немъ не былъ. Вотъ основанія нашей догадки. Іосифъ волоцкій въ своихъ обвинительныхъ пунктахъ противъ Нила сорскаго и Вассіана, различая, что̀ принадлежитъ имъ обоимъ, что̀ каждому въ особенности, говоритъ только о присутствованіи на соборѣ одного Нила сорскаго („о еже како великій князь Иванъ Васильевичь велѣлъ быти на Москвѣ святителемъ и *Нилу* и Іосифу"). О Вассіанѣ же *особенно* упоминаетъ въ слѣдующемъ за тѣмъ пунктѣ: „о еже како *иногда* (т. е. въ иное время, а не во дни собора 1503 г.) пріиде на Москву Вассіанъ пустынникъ, яко да великаго князя научитъ и вся благородныя человѣкы, еже у монастырей и у мірскихъ церквей села отъимати" (Правосл. Собесѣд. 1863 Окт. стр. 206, 207). Это „иногда" точнѣе опредѣляется показаніями другихъ свидѣтелей, близкихъ къ дѣлу. Такъ въ посланіи неизвѣстнаго волоколамскаго монаха о враждѣ на Іосифлянъ сказано: „*какъ не стало старца Нила*, а ученикъ его князь Вассіанъ Косой... нача вельми поборати по своемъ старцѣ Нилѣ, еже бы у монастырей не было селъ". Старца Нила не стало въ 1508 году. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году мы видимъ уже Вассіана въ Москвѣ. Тогда происходилъ соборный судъ надъ Серапіономъ новогородскимъ, отлучившимъ Іосифа отъ Церкви. На соборѣ присутствовалъ и братъ волоколамскаго игумена, архіепископъ Вассіанъ, которому Іосифъ послалъ обвинительную грамоту на Ниловыхъ пустынниковъ. Архіепископъ передалъ эту грамоту великому князю, а великій князь — *старцу Вассіану Патрикѣеву* (Приб. къ твор. Св. От. ч. X 506 507. Срав. Обзоръ русс. дух. литер. Филарета, ч. I стр. 183).

[2]) Такъ описываются отношенія великаго князя къ Вассіану въ

кій, аскетически настроенный, игуменъ Симонова монастыря Варлаамъ, въ 1511 году поставленный (можетъ быть по ходатайству Вассіана) въ митрополиты [1]). Пользуясь выгодами своего положенія, Вассіанъ «началъ вельми поборати по своемъ старцѣ Нилѣ, чтобы у монастырей не было селъ». Онъ повелъ эту борьбу и въ устныхъ бесѣдахъ съ великимъ княземъ [2]), и въ письменной полемикѣ противъ Іосифа волоцкаго, который, по дѣлу о переходѣ съ своимъ монастыремъ въ московское государство, находился теперь въ довольно затруднительномъ положеніи.

Основная мысль полемики Вассіановой противъ монастырскихъ вотчинъ — не новая. Она состоитъ въ противопоставленіи монашескихъ обѣтовъ съ дѣйствительною жизнію монаховъ, владѣющихъ землями и селами, и — нужно согласиться — нашъ нестяжатель мастерски рисуетъ эти контрасты. «Господь сказалъ, пишетъ онъ противъ Іосифа:

„Выписи“ изъ грамоты о второмъ бракѣ Василія Ивановича. См. Чт. Общ Ист. и Древн. 1847. № 8, въ Смѣси. Въ послѣдствіи, на соборѣ 1531 года одинъ изъ сотрудниковъ Максима Грека, Михаилъ Медоварцевъ говорилъ о Вассіанѣ: „блюлся есми, господине, преслушать князь Вассіана старца, потому что *онъ былъ великой временной человѣкъ*, у великаго князя ближнѣй, и язъ такъ государя не блюлся, какъ его блюлся и слушалъ“ (Тамъ же, № 7). Замѣчательно еще, что у духовной записи Василія Ивановича, написанной въ 1523 году предъ казанскимъ походомъ, сидѣлъ, вмѣстѣ съ великокняжескимъ духовникомъ, и „старецъ Вассіанъ, князь Ивановъ“ (Продол Древ. Росс. Вивліоѳ. ч. V, № 164, стр. 143).

[1]) О близкихъ отношеніяхъ Вассіана къ м-ту Варлааму не безъ горечи говоритъ Іосифъ волоцкій въ посланіи къ своему другу и покровителю боярину Челяднину (*Хрущовъ*, стр. 260, 261). Здѣсь, между прочимъ, разсказывается случай, какъ однажды Вассіанъ въ митрополичьихъ палатахъ называлъ Іосифа и его учениковъ отступниками. И замѣчательно: Іосифъ просилъ Челядина жаловаться на эту обиду не митрополиту, а великому князю.

[2]) Самъ Вассіанъ, въ отвѣтъ на обвиненіе Іосифа въ томъ, что онъ научаетъ в. князя отнимать села у монастырей, говоритъ: „сіе Іосифе, на мя не лжеши, яко азъ *велю* в. князю у монастырей села отъимати“ (Прав. Собесѣд. 1863 Окт. стр. 207. 268).

раздай имѣніе твое. А мы, войдя въ монастырь, не перестаемъ, по нашему безумію, всячески пріобрѣтать себѣ чужія села и имѣнія, то безстыдно выпрашивая у вельможъ лестію, то покупая. Сдѣлавшись такимъ образомъ, вопреки заповѣди, господами чужихъ имѣній, мы считаемъ за великую правду и добродѣтель постоянно увеличивать ихъ, и, вмѣсто того, чтобы безмолвствовать и питаться своимъ рукодѣльемъ и трудами, безпрестанно разъѣзжаемъ по городамъ и заглядываемъ въ руки богатыхъ, ласкал имъ всячески и угождая, чтобы какъ нибудь получить отъ нихъ село, или деревнишку, или деньги, или какую нибудь животину. Господь повелѣваетъ: *отдай нищимъ.* А мы, заразившись ненасытнымъ сребролюбіемъ, различнымъ образомъ оскорбляемъ братій нашихъ, живущихъ у насъ въ селахъ, обижаемъ ихъ неправедными поборами, налагаемъ на нихъ лихву на лихву, а милости къ нимъ ни въ чемъ не показываемъ. И если они не имѣютъ силъ отдать намъ лихвы, то мы безъ жалости лишаемъ ихъ имущества, отнимаемъ у нихъ коровку или лошадку, а самихъ съ женами и дѣтьми, какъ поганыхъ иновѣрцевъ, далеко прогоняемъ отъ своихъ предѣловъ, а иныхъ, предавъ княжеской власти, доводимъ до конечнаго разоренія.... А вотъ еще — что за скверная вещь! Иноки, которымъ Господь повелѣлъ быть солію земли, чрезъ подражаніе апостольскимъ добродѣтелямъ, эти иноки, забывъ свой обѣтъ и отринувъ всякое благоговѣинство, уже въ сѣдой старости, поднимаются изъ своихъ обителей и толкаются въ мірскихъ судилищахъ, то тягаясь съ убогими людьми о своихъ многолихвенныхъ заимодаяніяхъ, то судясь съ своими сосѣдями о границахъ земель и селъ» [1]).

Съ этой строго-евангельской точки зрѣнія, Вассіанъ

[1]) Слово объ иноческомъ житіи и устроеніи церковномъ въ Прав. Собесѣд. 1863. Сент. стр. 108—112.

не только постоянно затрогиваетъ народно-экономическую сторону вопроса, но и опровергаетъ всѣ основанія, на которыя обыкновенно опирались защитники вотчинныхъ правъ монашества. Такъ, противъ историческихъ и практическихъ основаній онъ возражаетъ: « испытайте и уразумѣйте, кто отъ вѣка изъ возсіявшихъ въ святости и соорудившихъ монастыри заботился пріобрѣтать своему монастырю села? кто молилъ царей и князей о льготѣ для себя или объ обидѣ для окрестныхъ поселянъ? кто имѣлъ съ кѣмъ нибудь тяжбу о предѣлахъ земель или мучилъ бичемъ тѣла человѣческія, или облагалъ ихъ оковами, или отнималъ у братьевъ имѣнія, истязуя свою лихву, какъ дѣлаютъ нынѣ выдающіе себя за чудотворцевъ? Ни Пахомій, ни Евѳимій, ни Сава, ни Герасимъ, ни Аѳанасій аѳонскій»,—ни одинъ изъ нихъ ни самъ не держался такихъ правилъ, ни ученикамъ своимъ не предписывалъ ничего подобнаго» [1]). Тоже утверждаетъ Вассіанъ и относительно «нашихъ русскихъ начальниковъ монашества и чудотворцевъ»—Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, Варлаама новогородскаго, Сергія радонежскаго, Діонисія глушицкаго, Димитрія прилуцкаго и Павла комельскаго [2]). «Если внимательно прочитать *житія* ихъ, пишетъ нестяжатель, то нельзя не увидѣть, что они жили въ послѣдней нищетѣ, такъ что часто не имѣли даже дневнаго хлѣба; однакожъ, монастыри ихъ не запустѣли отъ скудости, а возрастали и преуспѣвали во всемъ, наполнялись иноками, которые трудились своими руками и въ потѣ лица ѣли хлѣбъ свой [3]).

---

[1]) Собраніе на Іосифа волоцкаго въ Прав. Собесѣд. 1863. Окт. стр. 189. 190.

[2]) Ссылка на этихъ русскихъ чудотворцевъ находится въ Кормчей Вассіана, о которой будетъ рѣчь ниже. Замѣчательно, что Вассіанъ называетъ тѣхъ же самыхъ русскихъ святыхъ, на которыхъ ссылался и соборъ 1503 года; только Сергій радонежскій и Павелъ комельскій не упомянуты въ соборномъ отвѣтѣ. См. выше, стр. 46.

[3]) Собраніе на Іосифа, стр. 190.

Противники Вассіана тотчасъ замѣтили слабую сторону этого возраженія. Ссылаясь на примѣръ древнихъ чудотворцевъ, не бравшихъ къ своимъ монастырямъ земель и селъ, нашъ нестяжатель руководился исключительно ихъ *житіями*, т. е. первоначальными сказаніями о жизни отцовъ русскаго монашества [1]), но не обращалъ вниманія на позднѣйшій отдѣлъ „чудесъ", изъ котораго, какъ мы видѣли, преимущественно и черпалъ свои историческія доказательства Іосифъ волоцкій. Отсюда понятенъ смыслъ обвиненія, какое взводилъ на нестяжателей ревностный защитникъ мона-

---

¹) Житія поименованныхъ русскихъ святыхъ, дѣйствительно, говорили въ пользу Вассіана. Такъ въ житіи препод. Сергія радонежскаго не одинъ разъ повѣствуется, какъ онъ въ своемъ монастырѣ, по нѣскольку дней, оставался безъ куска хлѣба; а въ похвальномъ словѣ св. Сергію ученика его Епифанія читаемъ: „ничтоже не стяжа себѣ притяжанія на земли, ни имѣніа отъ тлѣннаго богатства,... *ни селъ красныхъ*" (Ркп. бывш. Солов. библіот. № 97).— Изъ житія Кирилла бѣлозерскаго мы уже привели свидѣтельства, вполнѣ оправдывающія Вассіана (См. выше стр. 11, прим. 1). Въ житіи Варлаама хутынскаго говорится, что онъ, предъ своимъ постриженіемъ, роздалъ бѣднымъ все свое имущество, и, поселившись на берегу Волхова, „начатъ землю собою дѣлати, яко да отъ своихъ потъ, а не отъ чюжихъ питается", и что всѣ дивились „нестяжательному и жестокому житію его" (№ 226).—Діонисій глушицкій, по сказанію его жизнеописателя, рѣшительно отказывался отъ пожертвованій, какія предлагалъ его обители Бостюжскій князь Юрій, и только по усиленной просьбѣ князя, сталъ получать отъ него повременную милостыню въ монастырскую потребу (№ 984).—Димитрій прилуцкій имѣлъ „не большое поле", на которомъ сѣялось „мало жита", достававшаго на прокормленіе братіи—только по молитвѣ преподобнаго (№ 508).—Наконецъ все житіе Павла комельскаго (обнорскаго), который пятнадцать лѣтъ прожилъ въ уединенномъ безмолвіи близъ Сергіева монастыря и три года — въ липовомъ дуплѣ въ комельскомъ лѣсу, конечно, могло служить доказательствомъ совершенной нестяжательности этого подвижника. Но извѣстія житій не всегда оправдываются юридическими актами, изъ которыхъ видно, что и поименованные отцы русскаго монашества имѣли при своихъ монастыряхъ земли и села. См. напримѣръ жалованную грамоту Сергіеву монастырю Димитрія Донскаго (А. Э. Т. I, № 7), вкладную грамоту Варлаама хутынскаго (Доп. къ А. И. Т. 1, № 5), мѣновую грамоту Діонисія глушицкаго (Истор. Росс. Іерар. ч. V стр. 569).

стырскаго землевладѣнія: «о еже како Нилъ и ученикъ его Вассіанъ, похулиша не токмо въ русской землѣ чудотворцевъ, но иже и въ древняя времена и въ тамошнихъ земляхъ бывшихъ чудотворцевъ, *чудесамъ ихъ не вѣроваша и отъ писанія изметаша чудеса ихъ*». Отвѣчая на это обвиненіе, Вассіанъ писалъ: «ты лжешь на меня, Іосифъ, и на моего старца Нила, будто мы похулили всѣхъ чудотворцевъ. Мы чтимъ кіевскихъ и всѣхъ русскихъ чудотворцевъ и называемъ ихъ знаменоносцами,... потому что они сохранили заповѣди Божіи и *жили по Евангелію и Апостолу*, а не такъ какъ живешь ты съ своими учениками. Вы живете не только, какъ міряне, но и хуже ихъ... Однако ты, Іосифъ, называешь себя святымъ и знаменоносцемъ, имѣющимъ даръ пророчества, и ученики твои разсказываютъ о тебѣ тоже самое. О такихъ чудотворцахъ написано въ Никоновой книгѣ, въ 43 словѣ: «это бѣсовскія чудотворенія, совершаемыя по Божію попущенію, Богъ вѣсть какими судьбами, а намъ не нужно такимъ чудесамъ вѣровать». А чудесъ изъ житій *святыхъ* чудотворцевъ старецъ Нилъ не выкидывалъ, напротивъ *исправилъ ихъ съ иныхъ правыхъ списковъ*. И ты, Іосифъ, лжешь на него, какъ человѣконенавистникъ» [1]).

Въ защиту неприкосновенности монастырскихъ вотчинъ всего чаще указывали на то обстоятельство, что большая часть ихъ принадлежала монастырямъ по отказамъ «на *вѣчный* поминокъ души», такъ что монахи являлись только хранителями и распорядителями чужой собственности, отданной Богу «въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, на память послѣднему роду». На это возраженіе Вассіанъ отвѣчалъ Іосифу: «не будемъ оправдываться тѣмъ, что благовѣрные князья отказывали села монастырямъ на спасеніе своихъ

---

[1]) Прав. Собесѣд. 1863. Окт. стр. 204—205, 208.

душъ и на память по своихъ родителяхъ, такъ что уже и сами откащики не могутъ взять назадъ то, что дано Богу. И ты не стыдишься ссылаться на княжеское благочестіе и, обманывая себя, говорить, что ты строитель не своего, а чужаго достоянія!.. Какая можетъ быть польза благочестивымъ князьямъ, принесшимъ все это Богу, если вы употребляете ихъ приношенія неправедно и лихоимственно, совершенно вопреки ихъ благочестивому намѣренію? Сами вы изобилуете богатствомъ и объѣдаетесь, сверхъ иноческой потребы, а братья наши крестьяне, работающіе на васъ въ вашихъ селахъ, живутъ въ послѣдней нищетѣ... Какъ хорошо вы платите благовѣрнымъ князьямъ за ихъ благочестивыя приношенія! Тогда какъ они приносили свои имущества Богу для того, чтобы Его угодники, имѣя все потребное, безпрепятственно упражнялись въ молитвѣ и безмолвіи, а избытки отъ годовыхъ доходовъ съ любовію тратили на нищихъ и странниковъ, вы отъ великаго безумія, самолюбія и неблагодарности, презрѣвъ боголюбезное намѣреніе благочестивыхъ князей, всѣ годовые избытки берете себѣ: или обращаете ихъ въ деньги, чтобы давать въ ростъ, или храните въ кладовыхъ, чтобы послѣ, во время голода, продавать за дорогую цѣну»[1].

Наконецъ, оправданіемъ вотчиннаго быта русскихъ монастырей служила вся вообще Кормчая книга, съ ея общепризнаннымъ «божественнымъ» авторитетомъ. Не могъ и Вассіанъ въ своей полемикѣ обойтись безъ Кормчей. Но, читая эту книгу, онъ замѣтилъ въ ней противорѣчія. «Въ однихъ правилахъ святыхъ отецъ — писалъ онъ, — именно въ 17 и 11 правилѣ седмаго собора, въ 1 и 2 двукратнаго собора, въ 3 и 4 правилѣ халкидонскаго собора и во второй главѣ посланія Кирилла александрійскаго къ Домну—

---

[1]) Тамъ же стр. 186—187.

не велѣно инокамъ вступаться въ мірскія дѣла, ни въ села, ни во что подобное. А въ 24 правилѣ того же халкидонскаго собора писаны у монастырей села; тоже—и въ 18 правилѣ седмаго собора. *Ино которымъ вѣрити и чимъ то разрѣшити?»* — спрашиваетъ себя нестяжатель и, безъ дальнихъ околичностей, отвѣчаетъ: «ничѣмъ нельзя разрѣшить этого противорѣчія, какъ только Евангеліемъ и Апостоломъ и святыми же правилами», т. е. тѣми, которыя согласны съ Евангеліемъ и Апостоломъ! Отсюда возникла у Вассіана мысль составить новую редакцію Кормчей, въ которой бы не было такого противорѣчія, — и вотъ онъ идетъ къ митрополиту Варлааму и всему освященному собору духовныхъ властей и докладываетъ, «что въ святыхъ правилахъ есть супротивное Евангелію и Апостолу и святыхъ отецъ жительству», но что онъ, Вассіанъ, «не смѣетъ положить того на свою душу» и проситъ святительскаго благословенія написать новую книгу правилъ. Благословеніе дано, но съ условіемъ «ничего не выставливать» (не выкидывать) изъ Кормчей: «ибо — говорилъ митрополитъ Варлаамъ, явно сочувствовавшій нашему нестяжателю—кто имѣетъ цѣломудренный разумъ, тотъ будетъ держаться лучшаго, что̀ угодно Богу; такъ и мы хотимъ и благословляемъ» [2]). Выполняя это условіе и вмѣстѣ не теряя изъ виду своей полемической цѣли, Вассіанъ из-

---

[1]) „Събраніе отъ божественныхъ писаній" о неприличіи монахамъ владѣть селами, по списку Вассіановой Кормчей, находящемуся въ Румянцовскомъ Музеѣ (изъ рукописей Пискарева № 474).

[2]) Извѣстіе объ этомъ докладѣ митрополиту и о послѣдовавшемъ на него рѣшеніи находится во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ Вассіановой Кормчей, именно: Публичной Библіотеки (бывшемъ Толстовскомъ, о которомъ см. „Описаніе рукописей графа Толстаго" № 169, стр. 92, 93), Московскаго Государственнаго Древнехранилища (№ 145) и Румянцовскаго Музея (См. предыдущее примѣчаніе).

бралъ подлинникомъ для своей Кормчей списокъ сербской редакціи, находившійся тогда въ Симоновской библіотекѣ, въ которомъ содержались только одни каноны, изложенные въ системѣ Фотіева номоканона, но не было другихъ (не-каноническихъ) статей, особенно благопріятствующихъ вотчиннымъ правамъ монашества. Правда, и въ канонахъ не одинъ разъ встрѣчались Вассіану «монастырскія села», но онъ справедливо объяснялъ это выраженіе въ смыслѣ неблагопріятномъ для вотчиннаго быта русскихъ монастырей, владѣвшихъ селами на правѣ *частной* собственности, безъ всякаго контроля со стороны высшей церковной власти. «Аще именуются села монастырскія въ правилѣхъ, замѣтилъ нестяжатель послѣ 11 грани Фотіева номоканона, гдѣ сведены всѣ такія правила,—«но не инокомъ повелѣваетъ ими владѣти, но данныя имъ села отъ соборной церкви, епископомъ ихъ, хранятся соборныя церкви икономомъ, и окормляются отъ него всякыми потребами, повелѣніемъ отъ епископа ихъ, или милостынею отъ христолюбцевъ, аще не довлѣются своимъ рукодѣліемъ». Вассіанъ написалъ свою Кормчую въ 1517 году [1]). Въ слѣдующемъ году прибылъ къ намъ Максимъ Грекъ, который по вопросу о монастырскихъ вотчинахъ сталъ на сторону нашихъ нестяжателей. Вассіанъ пріобрѣлъ въ лицѣ святогорца необходимаго помощника для сравненія славянской Кормчей съ греческою и результаты этого сравненія изложилъ въ спеціальномъ каноническомъ трактатѣ, который и помѣстилъ въ концѣ своей Кормчей, подъ заглавіемъ: «събраніе нѣ-

---

1) Въ послѣсловіи всѣхъ списковъ Вассіановой Кормчей, упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи, сказано, что она „списана по благословенію митрополита Варлаама, съ Симоновскихъ правилъ, и сличена съ другимъ спискомъ—Вассіана, архіепископа ростовскаго, вывезеннымъ изъ Святой горы Саввою, инокомъ тверскаго Саввина монастыря, въ лѣтѣ 7025 (1517) мѣсяца маія въ 27 день“.

коего старца, на въспоминаніе своего обѣщанія (т. е. монашескаго обѣта), отъ святаго писанія, о отверженіи міра» [1]). Здѣсь нашъ нестяжатель, уже рѣшительно отвергаетъ старый славянскій текстъ правилъ, въ которыхъ говорилось о монастырскихъ селахъ. «Если—разсуждаетъ онъ—въ *русскихъ нашихъ* правилахъ написано: «къ монастырямъ *села*», такъ это соблазнительно, судя по божественному писанію; и не приписалъ-ли кто ложно къ святымъ правиламъ въ нашихъ русскихъ правилахъ, что монастырямъ держать села? Но въ греческомъ Номоконоиѣ московской соборной церкви, что вывезенъ изъ Царяграда митрополитомъ Фотіемъ, въ тѣхъ же самыхъ правилахъ *селъ* у монастырей не велѣно держать». Слѣдуетъ *новый* переводъ трехъ соборныхъ правилъ (IV вселен. 24, VII вселен. 12 и 18), сдѣланный для Вассіана Максимомъ Грекомъ [2]). Въ этомъ переводѣ выраженіе: «монастырскія *села*» замѣнено другимъ: «приградіе сельное», о которомъ замѣчено: «сіе толкуется (т. е. такъ переводится) *проастіонъ* (προάστειον), сирѣчь, пашни и винограды, *а не*

[1]) Это „събраніе", въ извѣстныхъ намъ спискахъ Вассіановой Кормчей, имѣетъ не одинаковую редакцію: въ двухъ (Публичн. Библіот. и Госуд. Древнехр.)—полную или общирную, въ одномъ (Пискаревскомъ)—сокращенную и, кажется, первоначальную, еще не отдѣланную. Въ текстѣ мы излагали содержаніе „събранія" по спискамъ перваго разряда. Третью редакцію того же литературнаго памятника представляетъ рукописный сборникъ Моск. Духовн. Академіи № 183/566 (л. 207—218). Г. *Тихонравовъ*, пользовавшійся этимъ сборникомъ, выдаетъ его за *Кормчую* Вассіана Патрикѣева (Лѣтоп. русс. литер. и древн. Т. V, отд. III, стр. 140). Но, кромѣ нашего „събранія", здѣсь нѣтъ ничего изъ Вассіановой Кормчей.

[2]) Прямое указаніе на Максима, какъ переводчика нѣкоторыхъ церковныхъ правилъ для Вассіана, находится въ спискѣ Вассіановой Кормчей, принадлежащемъ Московскому Государственному Древнехранилищу (№ 145). Здѣсь въ первой грани, въ главѣ 26, послѣ толкованія Θеодора Вальсамона на 14 апостольское правило, сказано: „сіе правило переведено съ богоруцкихъ правилъ съ соборныхъ съ греческыхъ на Москвѣ Максимомъ, старцемъ Святыя горы, что перевелъ Псалтырь толковую".

села съ житейскими христіанами» [1]. Отсюда понятно, почему прежнее выраженіе: «монастырскія села» такъ смущало старца Вассіана: онъ понималъ его также, какъ и защитники монастырскихъ вотчинъ, т. е. въ смыслѣ земель, *населенныхъ тяглымъ крестьянствомъ.* Но теперь, увидѣвъ, при помощи Максима, различіе землевладѣльческаго быта монастырей въ Греціи и Россіи, нашъ нестяжатель сталъ открыто называть древнія славянскія правила, говорившія о монастырскихъ селахъ, «кривилами, а не правилами». Понятно, однакожъ, что Кормчая, написанная въ такомъ полемическомъ духѣ, не могла войти во всеобщее

---

[1]) Въ старинномъ славянскомъ переводѣ поцитованныхъ правилъ, дѣйствительно, употребляется выраженіе „села монастырскія", какъ соотвѣтственное греческимъ словамъ: ἀγρὸς — поле, προάστειον — подгородная дача. Напримѣръ, въ 12 правилѣ VII вселенскаго собора греческая фраза: εἰ δὲ προφασίζοιντο... μηδὲν πρὸς ὄνησιν τυγχάνειν τὸν ἀγρὸν по славянски была переведена такъ: „аще же вину дѣетъ, яко ничтоже на успѣхъ есть *село.* (Ркп. быв. Солов. биб. № 477, л. 122 об.). Въ 18 правилѣ того же собора слова греческаго текста: προάστειον τῆς ἐπισκοπῆς ἢ τοῦ μοναστηρίου переводились: „*село* сущее подъ епископіею или монастыремъ" (Тамъ же, л. 124 об.). Въ томъ и другомъ случаѣ Вассіанъ могъ только соблазняться значеніемъ слова *село*, которое онъ понималъ въ смыслѣ населенной вотчины. Но въ славянскихъ толкованіяхъ на поцитованныя правила выраженіе „села монастырскія" и другія подобныя, дѣйствительно, являются умышленными плеоназмами въ сравненіи съ греческимъ текстомъ. Такъ въ толкованіи на 24 правило халкидонскаго собора говорится: „да съхраняются же имѣніа ихъ (монастырей) и стяжаніа, *села и винограды*, и вся прочая неотъемлема и неотходна отъ нихъ" (Тамъ же, л. 59 об. Срав. Печат. Корм. ч. 1 л. 72 об.). Въ подлинникѣ сказано только: φιλάττεσθαι δὲ καὶ τοὺς ἀκινήτους αὐτοῦ κτήσεις ἀνεκποιήτους (толкованіе Аристина, у Беверегія Т. I, стр. 141). Въ толкованіи на 12 прав. VII вселен. собора: „недвижимая, рекше *села*, *нивы*, *винограды*, *сѣножати*, *лѣсъ*, *борти*, *воды* (церковныя и монастырскія), въ нихже нѣсть прибытка, но пакость Церкви наводитъ, ни того продати властелемъ мѣста того" (Тамъ же л. 143; печат. Корм. л. 149 об.). Въ подлинникѣ — просто: ὅσα δὲ καὶ τῶν ἀκινήτων ἀκερδῆ καὶ ζημίαν τῇ ἐκκλησίᾳ ἐπάγοντα, οὐ τοῖς κατὰ τόπον ἄρχουσιν и проч.

церковное употребленіе, хотя бы митрополитъ Варлаамъ лично и сочувствовалъ идеямъ Нила сорскаго. Она одобрена была только въ качествѣ назидательной книги, для тѣхъ, кто, по словамъ митрополита, имѣлъ «цѣломудренный разумъ и готовность держаться лучшаго, что̀ угодно Богу». Такъ и самъ Вассіанъ говорилъ впослѣдствіи, что онъ написалъ свою Кормчую собственно для своего келейнаго употребленія, на память о своихъ монашескихъ обѣтахъ и на спасеніе души [1]). Однакожъ, убѣждая великаго князя отобрать у монастырей вотчины, нашъ нестяжатель доставилъ ему и списокъ своей Кормчей [2]).

Полемика Вассіана направлена была исключительно только противъ *монастырскихъ* вотчинъ. Онъ не отрицалъ у архіереевъ и приходскихъ церквей права владѣть землями и угодьями, но требовалъ только строго-каноническихъ перемѣнъ въ завѣдываніи и пользованіи церковными доходами: «у соборныхъ церквей и у мірскихъ, писалъ онъ, святыя правила дозволяютъ держать земли, но не владѣть ими ни епископу, ни попамъ, а вѣдать все церковное имущество эконому, и давать изъ него, съ святительскаго докладу и съ согласія всего освященнаго собора поповъ, церковнымъ причетникамъ—каждому сколько нужно, также нищимъ и убогимъ, выкупать плѣнныхъ и помогать всѣмъ, живущимъ въ убожествѣ. Для этого именно христолюбцы приносятъ соборнымъ и мірскимъ церквамъ свои имѣнія и богатства» [3]). Въ образецъ русскимъ владыкамъ, Вассіанъ указываетъ на примѣръ древнихъ святителей, которые, употребляя церковныя богатства по ихъ каноническому назначенію, сами лично во всей строгости соблюдали евангель-

---

[1]) См. ниже въ отвѣтахъ Вассіана на соборѣ 1531 года.

[2]) Объ этомъ упоминается въ судномъ спискѣ по дѣлу Максима Грека (Чт. общ. Ист. и Древ. Росс. 1847. № 7, стр. 7).

[3]) Православ. Собесѣдн. 1863. Окт. стр. 203.

скую заповѣдь нестяжательности «Такъ Василій Великій въ посланіи къ Амфилохію пишетъ, что въ его распоряженіи нѣтъ достаточнаго числа служителей, необходимыхъ для своевременной пересылки писемъ. Предъ нынѣшними же святителями, восклицаетъ Вассіанъ, сколько стоитъ разодѣтыхъ слугъ, готовыхъ на всякое мановеніе своихъ владыкъ! Этого мало: они держатъ при себѣ множество батогоносныхъ (пристава, недѣльщики, заказчики и т. п.), чрезъ которыхъ бичуютъ, мучатъ и всячески оскорбляютъ судящихся предъ ними священниковъ и мірянъ... Блаженный Іоаннъ Милостивый, патріархъ александрійскій, не смотря на то, что былъ предстоятелемъ одной изъ богатѣйшихъ церквей, не имѣлъ у себя шубы; купивъ же себѣ это одѣяніе, святитель покрылся имъ только одну ночь, а на утро велѣлъ продать и деньги раздать нищимъ... Нынѣшніе же предстоятели, владѣя столь великими церковными имуществами, измышляютъ себѣ до безконечности разнообразныя одежды и кушанья, а о братьяхъ христіанахъ, гибнущихъ отъ холода и голода, не имѣютъ никакого попеченія. Тогда какъ божественныя правила предписываютъ архіереямъ, подъ страхомъ низложенія, употреблять церковныя имущества въ помощь нищимъ и убогимъ, наши святители отдаютъ церковныя деньги въ ростъ бѣднымъ и богатымъ и, кто не въ силахъ отдать лихву, тѣхъ въ конецъ разоряютъ» [1]).

«Итакъ, говоритъ Вассіанъ, подводя итогъ подъ всю свою полемику, не говорите, что наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы монастыри запустѣли, а церкви Божіи остались безъ предстоятелей. Мы желаемъ и молимъ Бога, чтобы удалились отъ святыхъ Божіихъ церквей и монастырей, поселившіяся нынѣ въ нихъ сребролюбіе, лихоимство, лютость и безчеловѣчіе...... Мы хотимъ, чтобы иноки жили въ совершенной нестяжательности, по своимъ обѣтамъ, въ

---

¹) Тамъ же стр. 192 — 195.

молитвѣ усердной, въ безмолвіи цѣломудренномъ, занимаясь рукодѣліемъ, по преданному изначала святыми отцами образу и уставу... А святителямъ Божіимъ прилично, отложивъ всякое мірское киченіе, устроять церковныя дѣла, какъ бы предъ очами самого Бога, какъ строителямъ и слугамъ Божіимъ, а не какъ властителямъ и тиранамъ людей.... Нѣтъ, мы желаемъ церквамъ Божіимъ не запустѣнія, какъ вы клевещете на меня, а исправленія и возвращенія на прежнюю духовную красоту и доброту, которой добровольно лишились предстоятели, побѣжденные самолюбіемъ и тщеславіемъ... Что же я дѣлаю неумѣстнаго или противнаго святымъ писаніямъ, если бесѣдую объ этомъ съ боголюбивыми князьями, горько оплакивая церковное неустроеніе? Я не развращаю христолюбивыхъ князей словомъ Божіимъ, но преступающіе заповѣди Божіи и послѣдующіе *человѣческимъ преданіямъ* — вотъ кто соблазняетъ и смущаетъ людей Божіихъ» [1]).

Личные мотивы своей полемики Вассіанъ изъясняетъ такъ: «вы называете меня безстыднымъ и дерзкимъ на языкъ. Но что мнѣ дѣлать? Нужда належитъ мнѣ, просвѣщаемому святымъ писаніемъ, проповѣдывать всѣмъ человѣкамъ путь спасенія. Чѣмъ же я обижаю васъ, если собесѣдую съ вами о спасеніи моемъ и вашемъ? Не я первый, не я и послѣдній бесѣдую объ этомъ. Полна изначала Спасова Церковь говорившихъ о злобѣ и добродѣтели и возненавидѣнныхъ за истину — не только архіереевъ, священниковъ и прочаго духовнаго чина, но и простыхъ иноковъ и мірянъ, показавшихъ ревность Божію..... Итакъ, поймете ли вы, что мои слова противъ преступающихъ свои обѣты и безчинно живущихъ происходятъ отъ духовной любви, а не отъ излишней любопрительности, какъ вы несправедливо думаете? Но я далекъ оттого, чтобы оби-

[1]) Стр. 196 — 198.

жаться вашими укоризнами, и молюсь Владыкѣ всѣхъ, чтобы мнѣ покрываться отъ васъ еще большими поношеніями» [1]). Однакожъ, эти смиренныя слова плохо ладятъ съ общимъ тономъ полемики Вассіана и съ тѣми ругательными названіями, какими онъ такъ часто осыпаетъ своего литературнаго противника [2]). Ненависть къ Іосифу онъ переносилъ и на его монастырь, который, говорятъ, хотѣлъ даже разорить, и на всѣхъ волоколамскихъ пострижениковъ, которыхъ, какъ самъ сознавался, и въ келью къ себѣ не пускалъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что вражда была обоюдная. Іосифъ, по свидѣтельству одного изъ беспристрастныхъ учениковъ своихъ [3]), «все благовѣинство снималъ съ Кириллова монастыря» (гдѣ постригся Патрикѣевъ и откуда произошла вся партія нестяжателей), а Вассіанъ уже по смерти своего противника (1515 г.) обращался къ нему съ такою укоризною: «ты ни у насъ не просилъ прощенія, оскорбляя насъ и смущая, ни самъ не простилъ насъ, отходя въ путь вѣчный!» [4]).

Другой характеръ носятъ на себѣ сочиненія литературнаго союзника Вассіанова, Максима Грека. Онъ ратовалъ за *чистую* идею; у него нѣтъ ни съ кѣмъ личной вражды, нѣтъ и рѣзкой брани на защитниковъ монастырскихъ вотчинъ. Онъ спокойно развиваетъ свои мысли то въ «бесѣдѣ съ собственной душой», то въ діалогѣ двухъ вымышленныхъ лицъ: *Филоктимона* (любостяжателя) и *Актимона* (нестяжателя), представляющихъ два противоположныя направленія въ средѣ русскаго монашества. За

---

[1]) Тамъ же, стр. 182. 183. 184.

[2]) Вассіанъ называетъ Іосифа отступникомъ, законопреступникомъ, учителемъ беззаконію, лжепророкомъ, даже — антихристомъ!

[3]) См. посланіе неизвѣстнаго волоколамскаго монаха о враждѣ на Іосифлянъ.

[4]) Православ. Собесѣдн. 1863. Окт. стр. 210.

то истинно-греческая діалектика Максима поражаетъ противниковъ гораздо глубже и сильнѣе, чѣмъ размашистая, безпорядочная и раздраженная рѣчь нашего инока-князя. Не касаясь ни чьей личности, не называя никого по имени, Максимъ искусно разбиваетъ одно за другимъ всѣ положенія строго-общежительнаго устава Іосифа волоцкаго, который, какъ мы видѣли, надѣялся уничтожить этою строгостію весь соблазнъ въ бытѣ вотчино-мірскаго монашества. Вотъ, напримѣръ, какъ отвѣчалъ нестяжательный святогорецъ на основное положеніе волоколамскаго устава, вложенное имъ въ уста своего Филоктимона: «смѣшно ты говоришь, что никто изъ васъ, владѣющихъ землями и селами, не имѣетъ ничего своего, а все у всѣхъ—общее! Это все равно, какъ еслибы нѣсколько человѣкъ, находясь въ преступной связи съ одной блудницей, и потомъ, бывъ обличены, стали каждый говорить въ свое оправданіе: я не грѣшенъ, потому что она не моя, а всякаго; или еслибы кто, вступивъ въ шайку разбойниковъ и награбивъ съ ними богатство, потомъ, пойманный, сталъ отвѣчать на пыткѣ: я не виноватъ, потому что все осталось у товарищей, а я у нихъ ничего не взялъ.... Напомяну тебѣ, преподобный, одно слово Апостола Павла: «*никтоже воинствуя сплетается житейскими куплями, да причитавшему его въ воинѣхъ угодитъ*» (2. Тим: 2, 4) [1]. Въ жизни вотчинно-мірскаго монашества, какъ бы ни были строги его общежительные уставы и внѣшніе подвиги, Максимъ открываетъ постоянный нравственный разладъ, происходящій именно вслѣдствіе невѣрности «любостяжателей» основнымъ, евангельскимъ принципамъ монашеской жизни. «Какъ ты пріобрѣтешь кротость, смиренномудріе и священное безмолвіе—бесѣдуетъ созерцательный святогорецъ съ своею

---

[1] Соч. Максима, ч. II, стр. 114—116.

душою,—если ты часто занята бываешь ярості и тяжбами о земляхъ съ крестьянами и сосѣдями, если ты усиливаешься мстить имъ, какъ врагамъ? Какъ ты захочешь умереть за своего ближняго, котораго ты томишь тяжелыми работами и рѣзоимствомъ? А не имѣя этихъ добродѣтелей, ты не избавишься вѣчныхъ мукъ, потому что не помогутъ тебѣ частыя и продолжительныя молитвы и черныя одежды, которыя ты носишь. Ибо эти молитвы и черныя одежды тогда только пріятны Богу, когда ты внимательно исполняешь Его заповѣди — не такъ, какъ ты ихъ понимаешь, но какъ повелѣлъ и уставилъ Господь, который требуетъ отъ тебя исполненія своихъ заповѣдей, а не продолжительныхъ молитвъ или воздержанія отъ пищи» [1]).

Самую замѣчательную особенность въ содержаніи литературной полемики Максима противъ вотчиннаго быта русскихъ монастырей составляетъ сочувственное указаніе на примѣръ католическаго монашескаго ордена Картузіанцевъ, съ уставомъ котораго лично познакомился нашъ святогорецъ во время своего путешествія по западной Европѣ. Всего болѣе понравилась Максиму нестяжательность монаховъ этого ордена: «у нихъ нѣтъ ничего своего, писалъ онъ, а все общее. Они любятъ нестяжательность, какъ величайшій духовный подвигъ, и питаются милостынею, которую ежедневно собираютъ по городу двое изъ братьевъ, по очереди. Кромѣ того, сами горожане, любя ихъ за богоугодную жизнь, приносятъ имъ различныя подаянія: кто сосудъ вина, кто масла, кто рыбы, кто сыру и яицъ... Конечно, оговаривается Максимъ, латиняне во многомъ соблазнились, усвоивъ нѣкоторыя чуждыя и странныя ученія, по пристрастію къ еллинской мудрости, но не до конца отпали отъ христіанской вѣры, надежды и любви. Тамошніе монахи строго соблюдаютъ заповѣди Христовы, такъ

[1]) Тамъ же, стр. 42, 43.

что намъ неизлишне подражать ихъ нестяжательной, тихой и безпечальной жизни, чтобы не остаться у нихъ назади». Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были произвести эти слова на противниковъ Максима: подражать латинянамъ, тогда какъ православное русское монашество владѣло селами по примѣру своихъ великихъ угодниковъ Божіихъ и чудотворцевъ! Никакія оговорки не могли оградить дерзкаго пришельца отъ обвиненія въ ереси и въ хулахъ на святыхъ отцовъ русскаго монашества, тѣмъ болѣе, что Максимъ заключилъ свою обличительную рѣчь такими словами: «на страшномъ судѣ не будутъ узнаны Праведнымъ Судіею и тѣ, которые хвалятся, что они совершали во имя Господне многія чудеса, пророчествовали и изгоняли бѣсовъ; они услышатъ отъ Судіи: «отступите отъ меня, беззаконники: я никогда не зналъ васъ!» Почему же онъ не узнаетъ ихъ и прогоняетъ?... Потому что божественный рай не принимаетъ внутрь себя лихоимцевъ и безчеловѣчныхъ, собирающихъ себѣ сокровища на землѣ, питающихся ежегодными истязаніями ростовъ съ нищихъ и убогихъ» [1]).

Подобно Вассіану, Максимъ не затрогивалъ землевладѣльческихъ правъ архіереевъ и бѣлаго духовенства, но признавалъ необходимость рѣшительныхъ мѣръ противъ антиканоническаго употребленія церковныхъ имуществъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, высказался онъ послѣ, въ своихъ «поучительныхъ главахъ» къ царю Ивану IV, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

Посмотримъ теперь, имѣла-ли какой практическій успѣхъ проповѣдь нашихъ нестяжателей. Василій Ивановичъ былъ искренно расположенъ къ Вассіану и Максиму, кормилъ ихъ съ своего стола, охотно выслушивалъ ихъ воодуше-

---

¹) Соч. Максима, ч. III, стр. 187—189; 202—205.

вленныя рѣчи о неприличіи монахамъ владѣть селами, но— не трогалъ вотчинныхъ правъ монашества. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ государь находился въ такомъ же положеніи относительно церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ, въ какомъ его отецъ—при покореніи Новгорода, онъ поступалъ совершенно вопреки отцовскому примѣру. Такъ въ 1510 году, при взятіи Пскова, великій князь, отобравъ нѣсколько вотчинъ у лучшихъ псковичей, «не вступился въ церковныя земли, благоговѣинства ради псковскихъ іереевъ» [1]), а при покореніи Смоленска въ 1514 году онъ даже торжественно обѣщалъ охранять неприкосновенность имущественныхъ правъ мѣстной Церкви [2]). Это противорѣчіе въ дѣятельности Василія Ивановича, съ одной стороны покровительствующаго литературному развитію идеи секуляризаціи, съ другой — пропускающаго самые удобные случаи для осуществленія этой идеи, объясняется какъ общими политическими соображеніями, такъ и особенными

---

[1]) Такъ говоритъ Степенная Книга (Степ. 16, гл. 5. Рукоп. бывшей Солов. библіот. № 40). И мѣстныя псковскія лѣтописи, жалуясь на отобраніе вотчинъ у лучшихъ псковичей, въ пользу московскихъ намѣстниковъ и дьяковъ, вовсе не упоминаютъ о церковныхъ земляхъ и угодьяхъ. Правда, вскорѣ послѣ псковскаго взятія, старецъ тамошней Елеазаровой пустыни Филоѳей, въ посланіи къ Василію Ивановичу писалъ между прочимъ: „не преступи, царю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды великій Констянтинъ и блаженный Владимеръ и великій богоизбранный Ярославъ и прочіи блаженніи святіи, ихже корень и до тебе. Не обиди, царю, святыхъ божіихъ церквей и честныхъ монастырей, еже данное Богови въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, на память послѣднему роду. О семъ убо святый великій пятый соборъ страшное запрещеніе положи“ (Прав. Собесѣд. 1863 Мартъ.) Но въ этихъ словахъ скорѣе содержится предостереженіе отъ возможнаго посягательства на церковныя имущества, чѣмъ жалоба на фактъ, уже совершившійся. Вѣроятно, старецъ Филоѳей намекалъ вел. князю на Вассіана Патрикѣева, который въ это время такъ страшенъ былъ для защитниковъ монастырской собственности.

[2]) Собр. госуд. грам. и догов. Т. I, стр. 412.

личными обстоятельствами великаго князя, которыя впрочемъ имѣли также политическій характеръ.

Вопросъ о монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ, какъ понимали его уже въ XVI вѣкѣ, былъ вмѣстѣ вопросомъ объ отношеніи Церкви къ государству или, точнѣе, объ отношеніи духовной іерархіи къ мірскому правительству. Примѣръ Ивана III показалъ, что поднимать этотъ вопросъ значило только доставлять первой случай торжества надъ послѣднимъ. Между тѣмъ, вотчинный бытъ церковной іерархіи ставилъ ее въ необходимую зависимость отъ свѣтскаго правительства, которая чувствовалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще и рѣшительнѣе повторялась, вблизи самаго великокняжескаго престола, мысль о неприличіи монахамъ владѣть селами и о неправильномъ употребленіи архіереями церковныхъ доходовъ. Чтобы обезопасить свои интересы, которымъ грозила проповѣдь нестяжателей, духовныя власти естественно должны были съ особеннымъ усердіемъ входить въ планы и виды правительства, помогать ему силою своего духовнаго авторитета. Напротивъ, послѣдняя цѣль нестяжателей была именно та, чтобы поставить церковную іерархію, несвязанную никакими земными интересами, на прежнюю высоту духовной независимости отъ мірскаго правительства; они хотѣли бы видѣть въ пастыряхъ Церкви, по примѣру добраго, стараго времени, «печаловниковъ земли русской», представителей нравственно-религіозной силы народа, предъ которыми склонялись бы московскіе государи съ своими матеріальными силами и деспотическими тенденціями [1]). Итакъ вопросъ о церков-

---

[1]) Такъ Максимъ Грекъ горько жалуется на то, что между современными русскими пастырями „нѣтъ Самуила великаго, іерея Бога вышняго, который ополчался противъ преступнаго Саула; нѣтъ Наѳана, исцѣлившаго благочестиво-хитрою притчею царя Давида; нѣтъ ревнителей, подобныхъ Иліи и Елисею, обличавшихъ беззаконія царей самарійскихъ; нѣтъ чуд-

ныхъ и монастырскихъ вотчинахъ, съ политической точки зрѣнія, имѣлъ и свою невыгодную сторону. Василій Ивановичъ предпочиталъ идею власти выгодамъ казны, и не тревожилъ іерархію попытками въ духѣ Ивана III. Онъ зналъ по опыту, что нестяжатели, какъ политическая партія, стояли на сторонѣ прежнихъ государственныхъ порядковъ и, стремясь къ возвышенію духовной власти надъ мірскою, въ тоже время ратовали за права удѣльныхъ князей и бояръ-дружинниковъ. Такъ митрополитъ Варлаамъ, явный сторонникъ Вассіана и Максима, или Троицкій игуменъ Порфирій, «мужъ обычаевъ простыхъ и воспитанникъ пустыни», насильно возведенный на это высокое и небезопасное игуменство, осмѣливались говорить «на встрѣчу державному», различать дѣла политики и совѣсти и вступаться за удѣльныхъ, напримѣръ, за извѣстнаго Шемячича. Василій Ивановичь не любилъ подобныхъ встрѣчъ, и оба печаловника дорого поплатились за свою вѣрность древне-церковному духу и обычаю [1]). Не такова была партія «любостяжателей»: она усердно служила новой государственной идеѣ. Такъ уже переходъ Іосифа волоцкаго съ своимъ монастыремъ въ державу московскаго государя былъ, со стороны авторитетнаго игумена, торжественнымъ и, безъ сомнѣнія, чрезвычайно лестнымъ для Василія Ивановича выраженіемъ

наго Амвросія, архіерея Божія, не убоявшагося царской высоты Ѳеодосія великаго; нѣтъ Василія великаго, ужаснувшаго гонителя Церкви, Валента; нѣтъ Іоанна Златоуста, изобличавшаго сребролюбивую царицу Евдокію" (Соч Максима, т. II, стр. 336. 337). Отъ чего же произошла такая печальная перемѣна въ духѣ церковной іерархіи? — „Оттого, отвѣчаетъ ученикъ Максима, князь Курбскій, что „каждый изъ нихъ (архіереевъ) заботится только о своемъ богатствѣ и, обнявшись съ нимъ, лежитъ неподвижно, ласкаясь всячески ко властямъ и угождая имъ, чтобы сохранить свое и пріобрѣсти еще большее" (Посланіе Курбскаго, въ Прав. Собесѣд. 1863. Августъ, стр. 564—566).

[1]) О Варлаамѣ см. Ист. Русс. Церкви *Филарета*, ч. III, изд. 3, стр. 564. 566; о Порфиріи — Сказанія Курбскаго, изд. 3, стр. 112.

мысли о политическомъ главенствѣ Москвы надъ удѣлами и даже о превосходствѣ мірской власти надъ духовною. Оправдывая свой поступокъ, Іосифъ писалъ, между прочимъ: «я билъ челомъ тому, кто не только князю Θеодору, (волоколамскому), но и архіепископу Серапіону и всѣмъ намъ общій всей русской земли государь, *котораго Господь устроилъ въ свое мѣсто* и посадилъ на царскомъ престолѣ, и которому передалъ судъ и милость и *все церковное и монастырское попеченіе*, вмѣстѣ съ властію надъ всѣмъ православнымъ государствомъ и надъ всею русскою землею». Поэтому протестъ новогородскаго архіерея противъ воли великаго князя о присоединеніи волоколамскаго монастыря къ московскому государству Іосифъ называетъ «презрѣніемъ божественныхъ писаній и правилъ, которыя повелѣваютъ чтить царя, а не свариться съ нимъ» [1]. Монастырь Іосифа сдѣлался какъ бы школою такихъ церковно-политическихъ воззрѣній, откуда выходили всѣ знаменитые «Осифляне» XVI вѣка. Типическою личностію іерарха-осифлянина былъ митрополитъ Даніилъ, возведенный на мѣсто низложеннаго Варлаама изъ волоколамскихъ игуменовъ. Новый митрополитъ, по отзыву современниковъ, составлялъ совершенную противоположность своему предмѣстнику: онъ ни о комъ не печаловался, а только похвалялъ великаго князя за его политику и, между прочимъ, за изыманіе «запазушнаго врага» — Шемячича, позабывъ, что самъ же къ Шемячичу грамоту писалъ, и взялъ его на образъ Пречистыя, да на чудотворцевъ, да на свою душу» [2].

Такой именно митрополитъ нуженъ былъ великому

---

[1]) Посланіе Іосифа къ Ивану Третьякову—у *Хрущова*, стр. 225. 226.— Срав. статью того же автора подъ заглавіемъ „по предмету исторіи русской литературы" въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1866 г.

[2]) Такъ отзывался о Даніилѣ опальный бояринъ Берсень-Беклемишевъ въ разговорѣ съ Максимомъ Грекомъ. А. Э. Т. I. № 172.

князю и для. другаго, болѣе важнаго дѣла. Извѣстно, что Василій Ивановичъ въ продолженіи 20-ти лѣтняго супружества съ Соломонидой Сабуровой не имѣлъ дѣтей. Это обстоятельство побуждало его думать о разводѣ и о новомъ бракѣ. Церковныя правила не дозволяли ни того ни другаго, и нестяжатель Вассіанъ, которому великій князь первому открылъ свою мысль о разводѣ для вступленія въ новый бракъ, рѣшительно высказался противъ такого антиканоническаго намѣренія. Иначе дѣйствовалъ митрополитъ Даніилъ, отъ котораго собственно и зависѣло властное разрѣшеніе вопроса: онъ далъ на разводъ свое согласіе, самъ повѣнчалъ второй бракъ и успокоилъ совѣсть великаго князя обѣщаніемъ взять это дѣло на свою душу [1]).

Эти и подобныя политическія услуги, конечно, стоили того, чтобы не трогать старинныхъ вотчинныхъ правъ церковной іерархіи. Съ другой стороны, религіозная идея, въ силу которой Церковь искони обогащалась вотчинами, дѣйствовала на великаго князя гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ доводы проповѣдниковъ секуляризаціи. Онъ не только не рѣшался обидѣть Церковь, отнимая у ней благочестивыя пожертвованія другихъ, но и сознавалъ себя религіозно-обязаннымъ щедро надѣлять ее своими собственными пожалованіями. Къ этому въ особенности побуждало Василія Ивановича уже извѣстное обстоятельство въ его семейной жизни—продолжительная бездѣтность, которая, повидимому, угрожала сдѣлаться постоянною, такъ какъ и второй бракъ великаго князя около пяти лѣтъ оставался безплоднымъ. Несчастный супругъ-государь, надѣясь получить себѣ наслѣдника силою церковныхъ молитвъ, часто ѣздилъ на богомолье по монастырямъ, «давалъ инокамъ и попамъ милостыню велію и потѣшеніе, а велѣлъ молиться,

---

1) См. „Выпись изъ грамоты“ о второмъ бракѣ Василія Ивановича.

чтобы Богъ далъ — отродъ у него былъ» [1]). Вообще до насъ дошло не мало жалованныхъ и другихъ грамотъ этого великаго князя, доказывающихъ его постоянное и неизмѣнное усердіе къ Церкви.

При такихъ обстоятельствахъ, проповѣдь Вассіана и Максима грозила дѣйствительною опасностію — развѣ только имъ самимъ. Она естественно возстановляла противъ нихъ всю духовную іерархію, въ глазахъ которой ученіе нестяжателей было ни болѣе ни менѣе, какъ дерзкимъ посягательствомъ на вѣковыя права Церкви, хулою на св. отцовъ русскаго монашества, еретическимъ мудрованіемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, судилъ митрополитъ Даніилъ, когда проповѣдники секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ, одинъ за другимъ, подверглись великокняжеской опалѣ. На соборѣ 1525 года, созванномъ для суда надъ Максимомъ, какъ политическимъ и церковнымъ преступникомъ, митрополитъ говорилъ подсудимому: «ты, Максимъ, укоряешь и хулишь святыя,, соборныя и апостольскія церкви и монастыри за то, что они имѣютъ стяжанія, людей, доходы и села. А въ вашихъ монастыряхъ, во Св. горѣ и въ другихъ мѣстахъ въ вашей землѣ, у церквей и монастырей села есть [2]). И въ писаніяхъ отеческихъ велѣно святымъ

[1]) Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс. Т, VII, прим. 308.—Соф. Времен. Т. II, стр. 314, 315, 360. — Степенная книга говоритъ о Василіи Ивановичѣ: „обхождаше грады и честныя обители, наипаче воздвигая чюдныя монастыри и святыя церкви“ (Ст. 16, гл. 22).

[2]) Свидѣтельство Даніила объ аѳонскихъ монастыряхъ, какъ владѣющихъ *селами*, справедливо только въ томъ смыслѣ, что святогорскія обители, даже тогда (подъ турецкимъ владычествомъ) имѣли нѣкоторую поземельную собственность, именно—поля и угодья, которыя подробно исчислены въ сказаніи объ аѳонской горѣ игумена тамошняго Пантелеимонова монастыря Іоакима, бывшаго въ Москвѣ въ 1561 г. (Чт. Общ. Ист. и Древ. 1846, № 5). Но мы уже видѣли, въ какомъ смыслѣ правы были и Вассіанъ съ Максимомъ, говорившіе, что на Св. горѣ монастыри не имѣютъ селъ, т. е. земель *населенныхъ*. Отличіе аѳонскаго землевладѣнія отъ вотчиннаго

церквамъ и монастырямъ владѣть селами». — «Да ты же, Максимъ — продолжалъ митрополитъ — укоряешь и хулишь святыхъ чудотворцевъ Петра, Алексѣя, Іону, митрополитовъ всея Руси, и преподобныхъ Сергія, Варлаама, Кирилла, Пафнутія и Макарія и говоришь: такъ какъ они держали города, волости и села, людей судили, пошлины и оброки и дани брали и многое богатство имѣли, то имъ нельзя быть чудотворцами» [1]). Отвѣты Максима, къ сожалѣнію, не записаны въ судномъ спискѣ. Впрочемъ, имѣя въ виду всю полемику святогорца противъ «любоимѣннаго» русскаго монашества, легко понять, что̀ онъ долженъ былъ говорить теперь въ свое оправданіе. Понятно также, какого рода «свидѣтельства отъ божественныхъ писаній не одинова прочитаны были Максиму на соборѣ, чтобы ему было въ познаніе и въ разумъ истины и во исправленіе». Жаль только, что изъ суднаго списка не видно, чѣмъ митрополитъ уличалъ нестяжателя въ хулахъ на русскихъ чудотворцевъ, владѣвшихъ селами. По всей вѣроятности, этимъ обвиненіемъ напоминались Максиму его хвалебные отзывы о католическихъ монахахъ, соединенные съ укоризненными намеками на св. отцовъ русскаго монашества. Такъ точно, спустя нѣсколько времени, ученики извѣстнаго еретика

быта русскихъ монастырей еще яснѣе обозначилось въ словахъ хиландарскихъ монаховъ, которые, прибывъ къ намъ въ 1552 году за сборомъ милостыни, какъ бы въ укоръ русскому монашеству говорили: „мы *селъ не имѣемъ*, но *сами* дѣлаемъ *винограды* и *землю* копаемъ“ (Карамзинъ, VIII, прим. ч. 587).

[1]) Чт. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1847. № 7. — Здѣсь помѣщенъ собственно протоколъ соборнаго суда надъ Максимомъ, бывшаго въ 1531 году. Но въ этомъ протоколѣ приводятся нѣкоторые отрывки изъ суднаго списка 1525 года, въ томъ числѣ—обвинительные пункты митрополита Даніила, представленные нами въ текстѣ. Въ прежнемъ судномъ спискѣ (1525 года), конечно, записаны были и отвѣты подсудимаго, которыхъ теперь не нашли нужнымъ повторять, такъ какъ судъ происходилъ уже по другому дѣлу.

Өеодосія Косого, ссылаясь на сочиненія Максима, говорили: «прельстились назвавшіе святыми преподобныхъ Кирилла (бѣлозерскаго), Пафнутія (боровскаго), Никона (преемника Сергія радонежскаго) и прочихъ начальниковъ монашества, которые пріобрѣтали себѣ села. Ибо, по Максиму, они чужды спасенія.... Максимъ *относитъ къ нимъ* сказанное въ Евангеліи, что «во онъ день мнози рекутъ ми: Господи, не твоимъ ли именемъ силы многи сотворихомъ, и твоимъ именемъ пророчествовахомъ?» И скажетъ имъ: «не вѣмъ васъ, отъидите отъ Мене» [1]). Но, кажется, враги и почитатели Максима одинаково искажали значеніе словъ его. Съ большею вѣроятностью можно сказать, что онъ мѣтилъ здѣсь на Іосифа волоцкаго, который уже тогда чтимъ былъ своими учениками, какъ святой и чудотворецъ, но котораго Вассіанъ открыто называлъ лжепророкомъ и лжечудотворцемъ.

Послѣ осужденія и ссылки Миксима въ *волоколамскій* монастырь на покаяніе, Вассіанъ оставался еще въ Москвѣ и, повидимому, въ прежнихъ отношеніяхъ къ великому князю [2]). Безъ сомнѣнія, инокъ-князь горячо принялъ къ сердцу бѣдственную судьбу своего литературнаго союзника и не боялся открыто укорять за него духовную іерархію. Да и самъ Максимъ, не смотря на запрещеніе распространять свои «хулы» письменно или устно, «покаянія и исправленія не показоваше, и неповинна во всемъ себе глаголаше, и отреченная мудроваше и посланія писаше» [3]). Вслѣдствіе того въ 1531 году составленъ былъ новый соборный судъ, на который привлеченъ уже и Вассіанъ Патрикѣевъ. Теперь Максима уже не судили за мнѣнія о монастырскихъ

---

[1]) Зиновій, „Истины показаніе", стр. 908. 913. Ср. выше, стр. 82.

[2]) Извѣстна жалованная несудимая грамота Василія Ивановича, данная Ниловой пустыни, *по челобитью Вассіана*, уже въ Сентябрѣ 1526 года (А. Э. Т. I, № 173).

[3]) Судный списокъ 1531 года.

вотчинахъ [1]. Напротивъ, судъ надъ нашимъ русскимъ нестяжателемъ почти исключительно состоялъ въ спорѣ или «прѣніи» подсудимаго съ митрополитомъ Даніиломъ о правѣ монастырей владѣть землями и селами. Споръ этотъ во многихъ отношеніяхъ дополняетъ литературную полемику нестяжателей съ любостяжателями и, кромѣ того, живо рисуетъ предъ нами самыя личности спорящихъ — съ ихъ взглядами, характерами, страстями. Главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ Вассіана выставлено было его посягательство на цѣлость и священный авторитетъ Кормчей книги. «Вѣдома-ли тебѣ — такъ началъ свои допросы митрополитъ Даніилъ — вѣдома-ли тебѣ великая книга «Священныя правила апостольскія и отеческія, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ», также и присоединенныя къ нимъ извлеченія изъ градскихъ законовъ, согласныхъ съ священными правилами?... Этой книги никто не смѣлъ ни разрушить, ни поколебать отъ седмаго собора до русскаго крещенія. А въ нашей русской землѣ та книга больше пяти сотъ лѣтъ держитъ Соборную Церковь и все православное христіанство просвѣщаетъ и спасаетъ... Въ тѣхъ лѣтахъ святые и великіе чудотворцы — святители, изящные и нарочитые, и преподобные отцы, премудрые и многоученые — по тѣмъ правиламъ сами жили и спаслися и людей учили и спасли. Изъ этой-то божественной книги... ты малую нѣкую часть, пригодную твоему малоумію, выписалъ, а все прочее, опредѣленное и составленное св. отцами на прежнихъ и послѣдующихъ соборахъ, разметалъ... Почему и для чего? Ты ни апостолъ, ни святитель, ни священникъ. Какъ же ты дерзнулъ на это? Ибо святыми писаніями и божественными правилами возбранено простымъ людямъ, инокамъ

---

[1] Максима допрашивали теперь о хульныхъ строкахъ, найденныхъ въ его переводѣ Метафрастова житія Богоматери, и о другихъ предметахъ догматическаго свойства.

и мірянамъ, наскакивать на уставы и чины, на законы (церковные) и престолы учителей».

—Меня понудилъ на это митрополитъ Варлаамъ съ освященнымъ соборомъ, отвѣчалъ Вассіанъ: на томъ соборѣ были Вассіанъ, архіепископъ ростовскій, Симеонъ суздальскій и Досиѳей, епископъ крутицкій.

Досиѳей былъ на лицо, присутствуя на соборѣ въ качествѣ судьи и свидѣтеля. Митрополитъ, обратясь къ нему, спросилъ: «правда ли это, что у преосвященнаго митрополита Варлаама, у архіепископовъ, епископовъ и у тебя, Досиѳей, и у всего освященнаго собора былъ замыселъ разрушить божественныя правила и заповѣди св. Апостолъ и св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, отвергнуть *древнее изложеніе* отеческихъ правилъ и сдѣлать новое, чего не только отъ вѣка не бывало, но что̀ и строго запрещено,—и кому вы поручили это дѣло: старцу ли Вассіану»?

Досиѳей, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣчалъ отрицательно: «я на томъ соборѣ не бывалъ, сказалъ онъ, да и не слыхалъ объ немъ, и митрополитъ Варлаамъ того старцу Вассіану не приказывалъ. Съ того времени, какъ старецъ Вассіанъ разрушилъ святыя правила и написалъ свои новыя, прошло 14 лѣтъ, а ростовскій архіепископъ Вассіанъ и суздальскій владыка Симеонъ представились за два года прежде того. Итакъ Вассіанъ возвелъ на меня ложь: мы ему не совѣтники ни въ чемъ; у него свои совѣтники: Максимъ Грекъ и другіе» [1]).

[1]) Владыка Досиѳей вообще не видалъ и не слыхалъ ничего, въ чемъ ссылались на него, какъ на свидѣтеля, Вассіанъ съ Максимомъ. Правда, въ настоящемъ случаѣ онъ указываетъ на факты, которые дѣйствительно говорятъ не въ пользу инока-князя: Вассіанъ ростовскій и Симеонъ суздальскій, точно, умерли за два года до написанія Кормчей Вассіаномъ Патрикѣевымъ (первый — въ Августѣ, послѣдній — въ Ноябрѣ 1515 года; см. Пол.

Въ отвѣтъ на это показаніе подсудимый замѣтилъ только: «пусть будетъ воля Божія, да твоя, господине».

Митрополитъ продожалъ: «въ святыхъ писаніяхъ и божественныхъ правилахъ написано, что въ нѣкоторыя времена, по недостатку церковныхъ учителей, понуждали людей не священныхъ принимать на себя то или другое церковное служеніе; но то были мужи святые, премудрые и блаженные, а не стропотные и развращенные, подобные тебѣ, который и говоришь и учишь и пишешь все стропотное и развращенное».

— Въ чемъ, господине, мое стропотство и развращеніе? — спросилъ Вассіанъ.

«Ты развратилъ на свой разумъ святую и великую книгу правилъ апостольскихъ и отеческихъ, на которую никто не смѣлъ сдѣлать или помыслить такого дерзкаго посягательства. А ты въ правилахъ своего сочиненія написалъ такія развращенныя слова: «есть во святыхъ правилахъ супротивное Евангелію и Апостолу и свя-

Собр. Лѣтоп. VI, стр. 257). Но, съ другой стороны, трудно допустить, чтобы нашъ нестяжатель рѣшился написать въ послѣсловіи своей Кормчей явную ложь на митрополита Варлаама, который тогда (въ 1517 г.) еще занималъ каѳедру и съ которымъ онъ, какъ мы видѣли, находился въ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ. Такая ложь была тѣмъ болѣе невозможна, что Вассіанъ ни отъ кого не таилъ своей Кормчей, и мы уже замѣтили, что списокъ ея (тотъ самый, который теперь принесенъ былъ на соборъ) находился въ рукахъ у самого великаго князя. По всей вѣроятности, дѣло происходило такъ: старецъ Вассіанъ испросилъ у м-та Варлаама благословеніе написать Кормчую еще при жизни вышеупомянутыхъ владыкъ, ростовскаго и суздальскаго, именно въ Мартѣ 1515 года, когда въ Москвѣ, дѣйствительно, былъ „весь освященный соборъ русской митрополіи", для поставленія смоленскаго епископа (См. тамъ же). Но самая Кормчая написана уже чрезъ два года послѣ, и, какъ сказано въ ея послѣсловіи, сличена со спискомъ ростовскаго архіепископа Вассіана, который умеръ чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ собора, еще не выѣхавъ изъ Москвы (въ Дорогомиловѣ). За тѣмъ, по пріѣздѣ Максима Грека (въ 1518), Кормчая снова пересмотрѣна и, какъ мы видѣли, дополнена особеннымъ „събраніемъ" о неприличіи монахамъ владѣть селами.

тыхъ отецъ жительству». И въ другихъ мѣстахъ, въ своихъ правилахъ, ты многое написалъ соблазнительно, да и при свидѣтеляхъ не рѣдко говаривалъ: «правила де написаны отъ діавола, а не отъ Святаго Духа», и зовешь правило кривиломъ, а не правиломъ;.. чудотворцевъ же называешь смутотворцами, потому что они имѣютъ у монастырей села и людей».

—Да, я написалъ о селахъ, отвѣчалъ Вассіанъ, какъ въ Евангеліи написано: не велѣно монастырямъ селъ держать».

Митрополитъ велѣлъ прочитать ему *Евангеліе* отъ божественныхъ писаній, отъ правилъ и житій святыхъ, какъ церквамъ и монастырямъ не велѣно держать волости, села и людей. И прочитанъ длинный рядъ свидѣтельствъ, уже извѣстныхъ намъ изъ соборнаго отвѣта 1503 года и сочиненій Іосифа волоцкаго. На это Вассіанъ замѣтилъ: «тѣ (древніе святые отцы) держали села, но пристрастія къ нимъ не имѣли».

— И *нынѣшніе* чудотворцы, возразилъ митрополитъ, не имѣли пристрастія къ селамъ, но хранили ихъ при монастыряхъ, какъ посвященныя и отданныя Богу, а не какъ свои.... Почему же ты нынѣшнихъ чудотворцевъ считаешь людьми страстными?»

— Я не знаю, чудотворцы-ли то были, отвѣчалъ смѣлый нестяжатель.

Обращаясь снова къ главному обвинительному пункту, митрополитъ спросилъ: «въ священныхъ правилахъ написано, чтобы къ нимъ ничего не прибавлять и ничего въ нихъ не убавлять; а ты прибавилъ къ нимъ *еллинскія* ученія, и многое изъ соборныхъ и отеческихъ правилъ, а также изъ градскихъ законовъ, выкинулъ и отбросилъ».

— Я не припомню, къ чему написалъ что нибудь такое, отвѣчалъ подсудимый, но буде что неправильно, ты исправь.

—Вотъ что написалъ ты въ своихъ правилахъ, объяснилъ митрополитъ: «инокамъ жить по Евангелію, селъ не держать, ни владѣть ими; если же иноки не хранятъ своего обѣта, то священное писаніе угрожаетъ имъ муками, осуждаетъ ихъ на вѣчный огонь, называетъ отступниками и предаетъ проклятію»[1]). Такъ ты оболгалъ божественное писаніе и священныя правила, которыя повелѣваютъ монастырямъ держать села, а инокамъ отъ нихъ питаться, и дающихъ села Господу Богу и Пречистой Богородицѣ и всѣмъ святымъ церквамъ и монастырямъ, на спасеніе своей души и на память роду своему, божественныя писанія и священныя правила не укоряютъ, на вѣчный огонь не осуждаютъ, отступниками ихъ не называютъ и проклятію не предаютъ,—не такъ, какъ ты иноковъ всѣхъ монастырей называешь отступниками, и написалъ на нихъ многія хульныя строки, какъ на достойныхъ проклятія. Но такое твое мудрованіе есть ересь; ибо если кто *согрѣшитъ* изъ православныхъ, тотъ не называется отступникомъ, а ты всѣхъ называешь грѣшниками, одного только себя считаешь безгрѣшнымъ и законоположникомъ.

—Я написалъ это для себя, на воспоминаніе своей души, отвѣчалъ нестяжатель, да и тѣхъ не похваливаю, которые держатъ села»[2]).

Соборъ приговорилъ обоихъ нестяжателей къ монастырскому заточенію: Вассіанъ сосланъ былъ въ Іосифовъ

---

[1]) Въ собраніи Вассіана, которое онъ, какъ мы видѣли, помѣстилъ въ свою Кормчую, дѣйствительно находится такое мѣсто: „вси сятіи отцы о отверженіи міра писаша: инокомъ жити по Евангелію и по Апостолу и по Великому Василію, селъ не дръжати, ни владѣти ими, но жити въ тишинѣ и безмолвіи, питаяся своими руками.... Аще ли не хранятъ своего обѣщанія, симъ святая писанія муками прѣтитъ, и огню вѣчному осуждаетъ и отступниками ихъ именуетъ и проклятію предаетъ“.

[2]) См. судный списокъ по дѣлу Вассіана въ Чт. Общ. Истор. и Древ. Росс. 1847 № 9.

монастырь, гдѣ скоро и умеръ, а Максимъ—въ тверской Отрочь, откуда, уже въ правленіе Ивана IV, перемѣщенъ въ Троицкую лавру.

Осуждая Вассіана и Максима за отрицаніе права монастырей владѣть селами, духовная іерархія не могла не признавать дѣйствительности того, нравственнаго зла, съ которымъ, по указанію нестяжателей, соединялся вотчинный бытъ монашества и самой іерархіи. Зло это было у всѣхъ во очію; оно засвидѣтельствовано и самими защитниками церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ. Мы уже слышали жалобу Іосифа волоцкаго на повсюдный упадокъ дисциплины въ монастыряхъ, когда-то славныхъ строгостію своихъ уставовъ и подвигами братіи. Выслушаемъ теперь отзывъ о высшей духовной іерархіи изъ устъ того же самаго митрополита Даніила, который такъ строго судилъ объ ученіи нашихъ нестяжателей: «увы мнѣ! говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ поученій: себе упасоша (духовные пастыри), исшириша чрева своя брашны и піанствы.... Точію на славу и честь и на упокоеніе, еже ясти сладостная и драгая и честнѣйшая, и на тщеславіе и на презорство и на воспріятіе мзды уклонишася.... Почто, братіе, гордимся и возносимся, власти игуменьства или епископства имуще? Страстни суще и немощни на таковая величества восходити, что ради сихъ и взыскуемъ? Ясти-ли и пити многоразличная и драгая и сладостнѣйшая, *и злата и сребра и многа богатства и имѣнія собирати*, или веселитися и прохлаждатися и созывати на обѣдъ славныхъ и богатыхъ и истощати всуе церковные доходы тунеядцамъ, яже Церкви и церковнымъ потреба бѣ, и страннымъ и нищимъ? Мы же сихъ презираемъ» [1]). Странно было бы, если бы эти самообличенія, нисколько не уступающія въ

[1]) Опис. рукоп. Моск. Синод. библіот. Отд. II. ч. 3, стр. 152. 153.

силѣ «горькимъ словесамъ» Вассіана и Максима, совершенно проходили мимо ушей великаго князя! Но у защитниковъ землевладѣльческихъ правъ духовенства имѣлся на этотъ случай особый аргументъ, которымъ они мѣтко поражали своихъ противниковъ: «правда, говоритъ Іосифъ волоцкій, что иноки грѣшатъ, но церкви Божіи и монастыри ни въ чемъ не согрѣшаютъ»[1]. Значитъ, нужно было только отнять у архіереевъ и монаховъ способы злоупотреблять церковными и монастырскими богатствами, а не отнимать у церквей и монастырей ихъ вотчины. Мы уже видѣли, какое средство къ прекращенію всѣхъ безпорядковъ въ жизни вотчинно-мірскаго монашества указано было тѣмъ же Іосифомъ волоцкимъ: это — подчиненіе монаховъ правиламъ строгаго общежитія. Дѣйствительность этого средства оправдывалась, въ глазахъ современниковъ, живымъ примѣромъ самой волоколамской обители. Монахи Іосифа, на самомъ дѣлѣ, не имѣли никакой *личной* собственности: все у нихъ было *монастырское*, все общее и одинаковое. Не смотря на то, что монастырь владѣлъ многочисленными вотчинами и, слѣдовательно, былъ *мірской*, а не пустынный, братія отрѣзана была отъ всякаго соблазнительнаго общенія съ міромъ. Ближайшее и, такъ сказать, обыденное управленіе вотчинами поручено было добрымъ монастырскимъ слугамъ, которые жили близь монастыря «на дворцахъ». По дѣламъ же особенной важности, вотчинный судъ и управа производились, въ опредѣленные дни, соборными старцами, на особомъ дворѣ за монастыремъ. Въ посельскіе назначался старецъ, во всѣхъ отношеніяхъ незазорный, который, исправивъ на селѣ монастырское дѣло, немедленно возвращался назадъ. Вообще

---

[1]) Посланіе Іосифа къ боярину Кутузову въ Древ. Росс. Вивліоѳ. ч. XIV, стр. 189.

же никто не могъ ни на шагъ выйти изъ монастыря безъ настоятельскаго благословенія. Женщинамъ и «отрокамъ голоусымъ» строжайше запрещенъ былъ входъ въ монастырь, а монахамъ — всякая бесѣда съ ними. Богомольцы помѣщались въ особыхъ гостинницахъ, и даже здѣсь не могли имѣть при себѣ никакихъ горячительныхъ напитковъ, которымъ въ волоколамской обители вообще не было мѣста. Въ монастырскомъ уединеніи вся жизнь братіи должна была протекать въ постоянной молитвѣ и трудахъ. Часы дня были распредѣлены для всѣхъ такъ, что ни у кого не оставалось празднаго времени: каждый имѣлъ свое урочное дѣло на общину и всѣ слѣдили другъ за другомъ [1]).

Уже одна эта дисциплина, запечатлѣнная во всѣхъ своихъ подробностяхъ строгимъ характеромъ внѣшняго аскетизма, способна была прославить новый монастырь на всю русскую землю. Но кромѣ того обитель Іосифа отличалась еще радушнымъ гостепріимствомъ и щедрою благотворительностію. Такъ въ одинъ голодный (1512) годъ монастырь даромъ отпускалъ изъ своихъ запасовъ хлѣбъ на все окрестное населеніе; для больныхъ и безпріютныхъ устроена была подлѣ монастыря больница съ богадѣльней. Когда же истощилась монастырская казна и житница, игуменъ, не смотря на ропотъ братіи, сталъ дѣлать займы, чтобы не отказывать просившимъ пропитанія. За эту благотворительность великій князь и его братья отплатили монастырю богатыми пожертвованіями [2]).—Обыкновенное вотчинное хозяйство монастыря отличалось строгимъ порядкомъ и гуманностію въ отношеніи къ монастырскимъ сельчанамъ. Іосифъ самъ держался и другимъ землевладѣльцамъ вну-

[1]) Мы пользовались уставомъ Іосифа волоцкаго по рукописи бывшей Солов. библіот. № 329. Ср. изложеніе этого устава, сдѣланное *Хрущовымъ*, стр. 54 и слѣд.

[2]) Житіе Іосифа, написанное Саввою крутицкимъ, стр. 50—52.

шалъ держаться того правила, что благосостояніе вотчинной экономіи находится въ прямой зависимости отъ благосостоянія тяглаго крестьянства. «Не нужно — говаривалъ онъ свѣтскимъ вотчинникамъ—чрезъ мѣру утруждать пахарей работою и данями. Обѣднѣетъ крестьянинъ — обѣднѣетъ и господинъ земли; отдохнетъ крестьянинъ на льготѣ, и господинъ не останется въ убыткѣ отъ него». Сообразно съ этимъ взглядомъ, Іосифъ безмездно давалъ своимъ крестьянамъ, изъ монастырской казны, средства на первоначальное обзаведеніе и вспомоществованія въ случаяхъ особенной нужды; а въ своемъ уставѣ предписалъ однажды на всегда «брать судныя пошлины съ крестьянъ въ половину противъ того, какъ написано въ Судебникѣ» [1]).

Внутренній бытъ волоколамскаго монастыря хорошо извѣстенъ былъ самому великому князю. Василій Ивановичъ любилъ ѣздить сюда на богомолье и охоту и, согласно съ духовной грамотой строителя, самъ наблюдалъ здѣсь за порядкомъ и дисциплиной. Братія смотрѣла на него, какъ на своего игумена, и не рѣдко выслушивала отъ него такія наставленія: «храните уставъ, преданный вамъ старцемъ Іосифомъ, а у другихъ монастырей не перенимайте обычаевъ; я у васъ также прикащикъ» [2]). Признавая свое любимое «богомолье» образцовымъ, великій князь предписывалъ и другимъ монастырямъ, не только новосозданнымъ, но и старымъ, вводить у себя общежительные уставы, т. е. подражать примѣру волоколамской обители [3]). Тутъ онъ

---

[1]) Житіе Іосифа, составленное неизвѣстнымъ, стр. 22. 23. 61.—Монастырскій уставъ, гл. 5.

[2]) Житіе Іосифа, написанное Саввою крутицкимъ, стр. 65.

[3]) Такъ, прибывъ на богомолье въ Троицкій Божедомскій монастырь, основанный въ 1508 году Даніиломъ переяславльскимъ, Василій Ивановичъ велѣлъ здѣсь „общее житіе составити" (Сказаніе о Даніилѣ въ Степен.

могъ руководиться не только нравственными мотивами, но и чисто-государственными соображеніями. Общежитіе, вводя строгій порядокъ въ экономію монастырей, облегчало правительственный контроль за употребленіемъ монастырскихъ доходовъ и давало возможность обращать избытки ихъ на обще-церковныя, народно-благотворительныя и, пожалуй, государственныя нужды. Конечно, въ виду этой цѣли Василій Ивановичъ гораздо рѣшительнѣе своего отца входилъ во внутреннее управленіе монастырей, самъ назначалъ игуменовъ, давалъ имъ наказы, «какъ беречь казну и доволить братію», требовалъ отъ монастырскихъ властей строгой отчетности въ употребленіи казенныхъ денегъ, а для этого завелъ порядокъ пріема и сдачи монастырскихъ имуществъ настоятелями—по описямъ, составляемымъ великокняжескими писцами[1]). Словомъ: при Ва-

книгѣ). Архіепископъ Макарій, вводя общежитіе въ новогородскихъ монастыряхъ, дѣйствовалъ также отъ имени и по приказанію великаго князя (Доп. къ А. И. 1. № 25. Ср. Пол. собр. лѣтоп. VI, стр. 284. 285). Монастырямъ, принявшимъ общежитіе, Макарій давалъ уставныя грамоты, которыя въ главныхъ положеніяхъ совершенно сходны съ уставомъ Іосифа волоцкаго (А. И. 1, № 292).

[1]) Герберштейнъ описываетъ этотъ порядокъ монастырскаго управленія, какъ общее правило (Записки о Московіи, перев. *Анонимова.* 1866, стр. 45. 46). Русскіе, литературные и юридическіе, памятники того времени представляютъ не мало *частныхъ* примѣровъ, подтверждающихъ свидѣтельство наблюдательнаго иноземца. Такъ въ 1514 году Соловецкій монастырь сданъ по описи великокняжескими писцами во временное завѣдываніе іеромонаху Геласію и соборнымъ старцамъ, которымъ писцы, согласно государевой грамотѣ, наказывали: „монастырь вѣдать, братію беречи, да и варницы, да и дѣтей дотоля, докудова имъ великій князь игумена дастъ, или того же (Геласія) дастъ; и вы бъ, святая братія, слушали, по великаго князя слову: они васъ берегутъ до игумена“ (*Досиѳей*, Опис. Солов. монастыря. 1836, стр. 67. 68). О назначеніи игуменовъ великимъ княземъ говорятъ также лѣтописи (Пол. собр. лѣт. VI, стр. 288. 289), ставленныя грамоты (А. Ю. № 381) и житія святыхъ. Такъ къ житію Варлаама хутынскаго приписано замѣчательное сказаніе о явленіи этого святаго къ великому князю Василію Ивановичу съ требованіемъ, чтобы онъ не медлилъ долѣе назначеніемъ настоятелей въ

силіи Ивановичѣ монастыри въ первый разъ подчинены были *правильному* государственному контролю, который, въ концѣ концовъ, велъ къ полной экономической зависимости ихъ отъ правительства. При этомъ же государѣ сдѣлано было замѣчательное распоряженіе и относительно архіерейскихъ доходовъ, именно — предписано митрополиту, архіепископамъ и епископамъ давать изъ своей казны «пошлину» въ пользу вновь присоединенной къ Москвѣ смоленской каѳедры, которая, въ сравненіи съ своими великорусскими сестрами, терпѣла разные «недостатки» [1].

Итакъ, правленіе Василія Ивановича далеко не составляетъ пустой страницы въ исторіи постепеннаго перехода церковныхъ и монастырскихъ земель въ полное казенное вѣдомство. Напротивъ, этому государю, безспорно, принадлежитъ починъ въ той мудрой политикѣ, благодаря которой дѣло секуляризаціи совершалось, такъ сказать, само собою, безъ прямыхъ и открытыхъ притязаній правительства на церковную собственность.

новогородскіе монастыри: Хутынскій, Юрьевъ и Антоніевъ. По этому требованію назначены: въ Хутынскій монастырь—Никифоръ, въ Юрьевъ—Іона, въ Антоніевъ—Геронтій (Ркп. Солов. биб. № 226, л. 98 об. и слѣд.). Есть, наконецъ, примѣры, изъ которыхъ видно, что при Василіи Ивановичѣ игумены и соборные старцы распоряжались монастырскою казною не иначе, какъ съ разрѣшенія великаго князя. Такъ, по крайней мѣрѣ, производилась постройка новыхъ церквей въ монастыряхъ (См. Пол. собр. лѣт. III, стр. 247, подъ 1515 годомъ, гдѣ говорится о постройкѣ церквей въ монастыряхъ Тихвинскомъ и Хутынскомъ).

[1]) Стоглавъ, каз. изд., стр. 428.

IV.

Состоянiе вопроса о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ въ малолѣтство Ивана IV. — Новыя сочиненiя Максима Грека. — Влiянiе ихъ на молодаго государя. — Партiя Сильвестра и Адашева, сочувствующая идеямъ нестяжателей. — Попытки къ секуляризацiи митрополичьихъ вотчинъ въ московскомъ уѣздѣ, около 1550 года. — Отвѣтъ митрополита Макарiя. — Соборъ 1551 года. — Нестяжатели на церковно-iерархическихъ постахъ. — Ученiе Нила сорскаго въ еретической редакцiи Башкина и Ѳеодосiя Косого.— Соборы на еретиковъ и паденiе нестяжателей, какъ церковной и политической партiи. — Споръ монаха Зиновiя съ послѣдователями Косого по вопросу о монастырскихъ вотчинахъ. — Апокрифическая бесѣда Сергiя и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ.— Позднѣйшiя законодательныя мѣры Ивана IV противъ расширенiя церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ. — Попытки обратить архiерейскiе и монастырскiе доходы на общецерковныя и государственныя нужды. — Примѣры секуляризацiи.

Въ малолѣтство Ивана IV, пока правленiе находилось въ рукахъ его матери Елены Глинской (1535—1538), сдѣлано было нѣсколько замѣчательныхъ распоряженiй въ ущербъ землевладѣльческимъ правамъ духовенства. Такъ въ 1535 году подтверждено запрещенiе монастырямъ покупать и брать въ закладъ или по душахъ вотчинныя земли служилыхъ людей, безъ вѣдома правительства [1]. Въ слѣ-

---

[1]) Свидѣтельство объ этомъ запрещенiи находится въ любопытной грамотѣ, данной въ 1535 году вологодскому Глушицкому монастырю и, очевидно, составляющей результатъ общей законодательной мѣры, которая касалась всѣхъ монастырей. Вотъ главное содержанiе этой грамоты: „что *въ нашемъ государствѣ* покупаютъ *къ монастырямъ* у дѣтей боярскихъ вотчины многiе, села и деревни, да и въ закладъ и въ закупъ *монастыри* вотчины емлютъ; а покупаютъ деи вотчины дорого, а вотчинники деи, которые тѣмъ землямъ вотчичи, съ опришными людьми перекупаются, и мимо монастырей вотчинъ никому ни у кого купити не мочно. А иные дѣти боярскiе вотчины свои въ монастыри подавали по душѣ того для, чтобы ихъ вотчины ближ-

дующемъ году у новогородскихъ церквей и монастырей еще разъ отобрано въ казну довольно значительное количество земель, именно—всѣ подгороднія пожни [1]). Но своеволіе боярщины (1538—1547) пошло совершенно въ другомъ направленіи: захватывая себѣ дворцовыя села и волости, бояре щедро раздавали ихъ и духовенству (монастырямъ и владыкамъ [2]). Въ это же смутное время, когда всѣ «старые обычаи поисшатались», ослабился или даже вовсе прекратился и государственный контроль надъ экономіей и дисциплиной въ монастыряхъ, установленный въ предыдущее правленіе.

нему ихъ роду не достались. И будете купили вотчины у дѣтей у боярскихъ или въ закладъ или въ закупъ взяли, или будутъ которые дѣти боярскіе вотчины свои подавали вамъ въ монастырь по душѣ до сей нашей грамоты, за годъ или за два, и ты бъ богомолецъ нашъ игуменъ Θеодосій съ братіею прислали выпись къ дьяку нашему къ Θеодору Мишурину, что естя до сей нашей грамоты за годъ или за два въ Глушицкій монастырь покупили вотчинъ у дѣтей у боярскихъ, или въ закладъ или въ закупъ или по душѣ взяли, и сколько въ которомъ естя городѣ у которыхъ у дѣтей у боярскихъ вотчинъ купили, или въ закладъ или въ закупъ или по душѣ взяли, и сколько въ которой вотчинѣ селъ и деревень и починковъ, и что въ нихъ дворовъ и людей и пашни въ одномъ полѣ, а въ двухъ потомужъ, и что сѣна и лѣсу и всякихъ угодей. А впредъ бы есте, *безъ нашего вѣдома*, одноличное вотчинъ не купили и въ закладъ и въ закупъ и по душѣ не имали ни у кого. А учнете безъ нашего вѣдома вотчины купити, или въ закладъ или въ закупъ или по душѣ имати, и мнѣ у васъ тѣ вотчины велѣти отписывати на себя" (Ист. Росс. іер. III, стр. 713, 714).

[1]) Въ новогородской лѣтописи подъ 1536 годомъ записано: „прислалъ государь в. князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи съ Москвы въ Великій Новгородъ своего сына боярскаго конюха Бунду, да подьячего Ивана, и повелѣ пожни у всѣхъ монастырей отписывати около всего града, и у церквей божіихъ во всемъ градѣ, и давати ихъ въ бразгу (?), что которая пожня стоитъ, тѣмъ же монастыремъ и церковникомъ. А се учинилося по оклеветанію нѣкоего лукава и безумна человѣка" (Пол, собр. лѣтоп. VI, стр. 299, 300). Сохранились и самыя писцовыя книги, о которыхъ здѣсь говорится. См. „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ москов. архивѣ мин. юстиціи", кн. 1. 1869 № 1736 (стр. 169).

[2]) Сказанія Курбскаго, изд. 3, стр. 159—Стоглавъ. стр- 431.

Безпорядки достигли здѣсь до вопіющихъ крайностей[1]). Съ тѣмъ вмѣстѣ нравственное недовольство современнымъ состояніемъ Церкви и духовенства стало высказываться всюду, гдѣ только читались сочиненія Вассіана и Максима. Послѣдній, получивъ нѣкоторую «ослабу» въ тверскомъ заточеніи, снова начинаетъ писать въ прежнемъ обличительномъ тонѣ. Продолжительное пребываніе въ Твери не могло не доставить ему случаевъ ближе познакомиться съ экономическимъ бытомъ нашего народа и яснѣе увидѣть «поты и труды» его на сильныхъ міра сего, въ ряду которыхъ первое мѣсто, послѣ государя, занимали святители и монахи. Этимъ опредѣлилось направленіе позднѣйшей литературной дѣятельности Максима, на сколько она касалась стараго вопроса о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ. Теперь многострадальный святогорецъ уже не нападаетъ прямо на русскіе монастыри за владѣніе селами, но возстаетъ противъ антиканоническаго употребленія церковныхъ богатствъ, укоряя самихъ архіереевъ въ равнодушіи и безучастности къ тяжкой, не рѣдко—бѣдственной долѣ народа. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно прекрасное слово, написанное Максимомъ въ тверскомъ заточеніи, по случаю пожара, истребившаго въ 1537 году тамошнюю каѳедральную церковь, епископскій дворъ со всею казною, множество другихъ церквей и почти весь городъ. Погорѣвшій тверской владыка Акакій представляется здѣсь говорящимъ предъ Господомъ Богомъ такія «слова печали и безумія»: «Ты самъ, Владыко, свидѣтель, что я никогда не имѣлъ нерадѣнія къ твоимъ божественнымъ пѣснопѣніямъ и прочей твоей боголѣпной службѣ; я непрестанно совершалъ Тебѣ духовные праздники, прославляя Тебя красногласными пѣніями боголѣпныхъ священниковъ, громкимъ звономъ

[1]) Это мы увидимъ изъ вопросовъ Ивана IV, предложенныхъ собору 1551 года.

благозвучныхъ колоколовъ и куреніемъ различныхъ благовоній; я великолѣпно украшалъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями твои честныя иконы и Пречистой твоей Матери. Но чѣмъ я думалъ Тебѣ благоугодить, тѣмъ, кажется, только болѣе прогнѣвилъ Тебя. Будучи по существу праведенъ и благъ, Ты никакъ не истребилъ бы всепожирающимъ огнемъ всю красоту и доброту (церковную), если бы мы сами не прогнѣвили твою безпредѣльную благость преступленіемъ твоихъ заповѣдей. Итакъ, молимъ Тебя, рабы твои, скажи намъ, въ чемъ мы согрѣшили, чтобы покаяніемъ, равнымъ согрѣшенію, мы могли умилостивить Тебя, праведнаго и страшнаго судію?» Отвѣтъ, вложенный Максимомъ въ уста Вседержителя, сильно оскорбилъ владыку Акакія. Ему сказано отъ лица Божія: «что вы, человѣки, клевещете на праведный судъ мой? Вмѣсто того, чтобы каяться предо Мною въ грѣхахъ своихъ, вы еще болѣе прогнѣвляете Меня звуками доброгласныхъ пѣсней и колоколовъ, драгоцѣннымъ украшеніемъ моихъ иконъ и куреніемъ Мнѣ различныхъ благовоній. Ваши приношенія были бы Мнѣ пріятны, еслибы вы приносили ихъ отъ своихъ законныхъ стяжаній и трудовъ праведныхъ. Если же вы приносите Мнѣ все это отъ неправеднаго и празднаго лихоимства, отъ грабежа чужихъ имѣній, то моя душа не только возненавидитъ такія приношенія, какъ смѣшанныя со слезами вдовъ и сиротъ и съ кровію нищихъ, но и вознегодуетъ на васъ, какъ на приносящихъ противное моей правдѣ и человѣколюбію, и потому-то Я или истребляю ваши богатства огнемъ, или предаю ихъ на расхищеніе скиѳамъ [1]... Какое Мнѣ отъ васъ угодное служеніе? Если Я у васъ на иконѣ ношу золотой вѣнецъ, за то въ жизни погибаю отъ голода и холода, тогда какъ вы сами объѣдаетесь, упи-

[1] Разумѣются, вѣроятно, частые и опустошительные набѣги крымцевъ.

ваетесь и въ свѣтлыя одежды одѣваетесь. Мое украшеніе, мой вѣнецъ златокованный есть призрѣніе и довольное пропитаніе сиротъ и вдовицъ, тогда какъ ихъ скудость въ необходимомъ — досада Мнѣ отъ васъ и крайнее безчестіе, хотя бы вы и безпрестанно гремѣли въ своихъ храмахъ доброгласными пѣснями. Какое Мнѣ наслажденіе отъ этихъ пѣсней, когда онѣ доходятъ до Меня вмѣстѣ съ рыданіями и стонами нищаго, вопіющаго, отъ сильнаго голода?... Я вамъ далъ въ священныхъ книгахъ спасительныя заповѣди, какъ благоугождать Мнѣ. А вы книгу моихъ словесъ (Евангеліе) украшаете, внутри и снаружи, серебромъ и золотомъ, а силу написанныхъ въ ней моихъ повелѣній не принимаете и не хотите исполнять.... Я грожу чрезъ пророка отмстить за страданія и воздыханія нищихъ (Псал. 11, 5), а вы, не боясь моего прещенія, не только ничего не удѣляете отъ мнимо-вашего богатства умирающимъ отъ голода, холода и крайней нужды, но беззаконно лишаете и того, что отдѣлено церквамъ моимъ *благовѣрными князьями* на прокормленіе бѣднымъ, сиротамъ и вдовицамъ: честные дары доблестныхъ и богатыхъ вельможъ вы расточаете на различныя наслажденія душъ вашихъ, на украшеніе своихъ одеждъ и на роскошныя пиршества» [1]).

Вѣроятно, въ самомъ началѣ самостоятельнаго правленія Ивана IV Максимъ послалъ къ нему, чрезъ Адашева, 27 «поучительныхъ главъ» о государственномъ управленіи. Здѣсь опять содержится жалоба на то, что «всѣ имущества, данныя благочестивыми царями и князьями святымъ божіимъ церквамъ, архіереи обращаютъ на свои излишнія потребы и житейскія устроенія: сами они живутъ въ полномъ довольствѣ, роскошно питаясь и обогащая своихъ сродниковъ, а нищіе Христовы, погибающіе отъ голода, наготы и бо-

---

[1]) Сочиненія Максима, т. II, стр. 260—276.

лѣзней, совершенно ими позабыты». Юному государю внушается обязанность «исправлять такіе священническіе недостатки, по примѣру великихъ царей Константина, Өеодосія и Юстиніана». Хотя вскользь, затронуто и монашество: «мы всю надежду спасенія — пишетъ святогорецъ — полагаемъ въ томъ, чтобы въ постные дни воздерживаться отъ мяса, рыбы и масла, но не перестаемъ обижать бѣдныхъ крестьянъ и разорять ихъ своимъ лихоимствомъ и сутяжничествомъ» [1]).

Вліяніе этихъ наставленій на молодую и впечатлительную душу Ивана IV несомнѣнно—тѣмъ болѣе, что въ числѣ друзей и почитателей Максима находились такія лица, какъ извѣстные временьщики, священникъ Сильвестръ и Адашевъ, которыхъ царь приблизилъ къ себѣ «на помощь душѣ своей» [2]). Знаменитая рѣчь, сказанная Иваномъ съ лобнаго мѣста, вопросы, предложенные имъ собору 1551 года, отчасти и позднѣйшія сочиненія царя-писателя глубоко запечатлѣны взглядами той литературной партіи, во главѣ которой стоялъ Максимъ Грекъ. Понятно, что эта партія, имѣя въ своихъ рядахъ самого государя, могла не только говорить и писать, но и *дѣйствовать*. Ея политическія стремленія, враждебныя матеріальнымъ интересамъ духовной іерархіи и монашества, открываются изъ позднѣйшей переписки царя съ княземъ Курбскимъ, горячимъ сторонникомъ Сильвестра и Адашева и ученикомъ Максима.

---

[1]) Сочиненія Максима, т. II, стр. 174. 175. 161. — О томъ, что эти „главы поучительныя“ написаны къ Ивану и переданы ему чрезъ Адашева, свидѣтельствуетъ самъ сочинитель въ посланіи къ послѣднему: „а тетратка, *въ ней же главы 27*, та мною списана мудро добрѣ *къ самому великому властелю*“ (тамъ же, стр. 383). Въ печатномъ (казанскомъ) изданіи число „главъ поучительныхъ“ не означено; но по рукописямъ — ихъ именно 27 (См. Опис. рукоп. синодальной библіотеки, отд. II, ч. 2, стр. 531).

[2]) Съ Сильвестромъ и Адашевымъ Максимъ находился въ дружеской перепискѣ. См. его сочиненія, т. II, стр. 379 и предыдущее примѣчаніе.

Отсюда видно, что тогдашніе любимцы и совѣтники государя старались умѣрять его щедрость къ монастырямъ, по которымъ онъ такъ часто ѣздилъ на богомолья [1]); въ замѣнъ того, требовали улучшенія экономическаго быта служилыхъ людей (дѣтей боярскихъ, къ которымъ принадлежалъ по рожденію и самъ Адашевъ), хотя бы для этого нужно было тронуть обширныя вотчины монастырей и владыкъ [2]). Послѣднее требованіе, вѣроятно, оправдывалось необходимостію оградить самое Москву отъ частыхъ и опустошительныхъ крымскихъ набѣговъ, противъ которыхъ нужно было имѣть наготовѣ и подъ рукою достаточное

---

[1]) Въ письмѣ къ Курбскому царь, теперь (въ 1564 г.) уже во многомъ измѣнившійся, жаловался на Сильвестра и Адашева, что они не дозволяли ему путешествовать по святымъ мѣстамъ и дѣлать „*приношенія* и обѣты ко святымъ о душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи, и о всѣмъ благомъ пребываніи своемъ, и о царицѣ своей, и о чадѣхъ своихъ" (Сказ. Курбскаго, изд. 3, стр. 167). Въ другомъ мѣстѣ дѣлается общая укоризна Сильвестровой партіи въ томъ, что они „злая совѣтовали царю на Церковь божію" (Тамъ же, стр. 175). Курбскій, литературный истолкователь политическихъ стремленій своей партіи, такъ объясняетъ мотивы, по которымъ она старалась противодѣйствовать царскимъ путешествіямъ на богомолья: „бо мнихи богатолюбные не зрятъ богоугоднаго, а ни совѣтуютъ по разуму духовному, но всячески со прилежаніемъ слухаютъ, что бы угодно было царю и властемъ, сіе рѣчь, *чѣмъ бы выманити имѣнія монастырямъ, или богатство многое*. (Тамъ же, стр. 36). Замѣчательно, что и лѣтописи также неодобрительно отзываются о частыхъ богомольяхъ царя, сопровождавшихся раздачею монастырямъ земель и угодій. Такъ въ Псковской лѣтописи подъ 1547 годомъ замѣчено, что царь былъ въ тамошнемъ печерскомъ монастырѣ и „деревень монастырю далъ много и исадами пожаловалъ многими, но отчины своей ни въ чемъ не управилъ" (Пол. собр. лѣтоп. IV, стр. 307).

[2]) Курбскій въ своихъ сочиненіяхъ часто ставитъ въ контрастъ съ громадными богатствами монастырей нищенскую бѣдность дѣтей боярскихъ. См. напримѣръ его посланіе къ какому-то Ивану, изданное мною въ Правос. Собесѣд. 1863. Авг., стр. 566, и Опис. Рум. Муз., стр. 244. Что въ этихъ контрастахъ высказываются не личные и позднѣйшіе взгляды самого Курбскаго, но виды цѣлой политической партіи, господствовавшей въ первые годы самостоятельнаго правленія Ивана IV, видно изъ фактовъ, далѣе изложенныхъ въ текстѣ.

количество хорошо вооруженнаго войска. Дѣйствительно, въ 1550 году, по боярскому приговору, роздано служилымъ людямъ (въ томъ числѣ Адашеву и Курбскому) громадное количество *оброчныхъ* и *черныхъ* земель въ московскомъ уѣздѣ [1]). Мы думаемъ, что теперь-то именно, предъ этою чрезвычайною затратою государственныхъ земель и, слѣдовательно, доходовъ на потребности военной службы, царь обращался къ митрополиту Макарію съ запросомъ на его домовыя, церковныя и монастырскія вотчины, которыхъ такъ много было вблизи отъ столицы. Митрополитъ отвѣчалъ обширнымъ посланіемъ, въ которомъ, повторивъ почти дословно доводы собора 1503 года «о неприкосновенности недвижимыхъ вещей, данныхъ Богови въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ», присоединяетъ отъ себя сильныя и краснорѣчивыя увѣщанія царю, да оставитъ онъ свое намѣреніе, какъ враждебное Богу, противное всѣмъ законамъ Церкви и опасное для самаго государства. Исходною точкою для этихъ увѣщаній служитъ ярлыкъ хана Узбека, данный митрополиту Петру. Опираясь на этотъ примѣръ благодѣтельныхъ отношеній къ Церкви даже невѣрныхъ и нечестивыхъ царей, митрополитъ взываетъ къ религіозному чувству православнаго государя: «кольми паче тебѣ подобаетъ, благочестивый и боговѣнчанный царю, свою царскую вѣру къ Богу показати и веліе тщаніе ко всѣмъ божіимъ церквамъ и монастырямъ,—не токмо недвижимая взимати, но и самому ти подобаетъ давати. Якожъ и вси святіи царскые твои прародители и родители подаваху Богови въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, сице и тебѣ царю подобаетъ творити царства ради небеснаго, сущу благочестиву и христолюбиву и велеумну царю, ... въ конецъ свѣдущему Христовъ законъ евангельскаго ученія и святыхъ отецъ за-

[1]) Древ. Росс. Вивліоѳ. изд. 2, ч. VIII, стр.1—34.—Временникъ Общ. Ист. и Древн. ч. 20, отд. III, стр. 41 и слѣд.

повѣди. И сего ради подобаетъ тебѣ, разсудивъ, смотрити и творити полезная и богоугодная... Блюди и храни свою царскую душу и свое христолюбивое царство отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ»... Затѣмъ, обращаясь къ своему іерархическому долгу—стоять за права и законы Церкви, Макарій говоритъ: «не могу таковая страшная держати или помыслити—отъ взложенныхъ Богови и Пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ вданныхъ недвижимыхъ вещей въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ изъ дому Пречистыя Богородици и великихъ чудотворцевъ таковая дати или продати; не буди того и до послѣдняго нашего издыханіа, и избави всѣхъ насъ, Всесильный Боже, и схрани насъ отъ таковаго законопреступленіа, и не попусти тому быти не токмо при насъ, но и по насъ, до скончаніа вѣка... Егда рукополагахся, сирѣчь поставляхся въ святительскій санъ, и тогда посреди священнаго сбора, въ святѣй, сборнѣй и апостольстѣй церкви, и предъ Богомъ и предъ всѣми небесными силами и предъ всѣми святыми, и предъ тобою благочестивымъ царемъ, и предъ всѣмъ синклитомъ и предъ всѣмъ народомъ кляхся: судбы и законы и оправданіе наше хранити, елика наша сила, и предъ цари за правду не стыдитись; аще и нужа будетъ ми отъ самаго царя, или отъ вельможъ его, что повелятъ ми говорити кромѣ божественныхъ правилъ, не послушати ми ихъ; но аще и смертью претятъ, то никакожъ ни послушати ихъ. И сего ради бояхся, глаголю ти, благочестивый царю, и молю твое царское величьство, останися, государь, и не створи такова начинаніи, егоже Богъ не повелѣваетъ вамъ, православнымъ царемъ, и намъ архіереомъ (святые отцы) священными правилы зѣло запретиша.... И того ради молимъ твое царское величьство и много со слезами челомъ бьемъ, чтобы еси, царь и государь князь великій Иванъ Васильевичь, всея Русіи самодержецъ, по тѣмъ божественнымъ прави-

ломъ у Пречистой Богородици и у великыхъ чудотворцевъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей. вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, не велѣлъ взяти» [1]).

Послѣ такого отвѣта, «благочестивому царю» оставалось только заняться другими сторонами вопроса о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ. Въ слѣдующемъ же (1551) году созванъ былъ соборъ для разсужденія «о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ», въ числѣ которыхъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ заняли вопросы о нравственныхъ и экономическихъ безпорядкахъ въ жизни вотчинно-мірскаго монашества, о соціальномъ назначеніи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, о мѣрахъ противъ дальнѣйшаго обогащенія церквей и монастырей вотчинами. И на этомъ соборѣ мы видимъ заволжскихъ пустынниковъ, изъ школы Нила сорскаго. Изъ нихъ извѣстенъ, впрочемъ, только одинъ — монахъ Корниліева монастыря Артемій, обратившій на себя особенное вниманіе государя и, по рекомендаціи Сильвестра, признанный достойнымъ высокаго игуменства въ Троицкой лаврѣ [2]). Во время соборныхъ засѣданій, царь интимно бесѣдовалъ съ этимъ «учительнымъ старцемъ» о современномъ состояніи монашества. Содержаніе этихъ бесѣдъ такъ передавалъ впослѣдствіи самъ Артемій въ письмѣ къ Грозному: «обо мнѣ разсказываютъ, что я говорилъ и писалъ тебѣ о необходи-

---

[1]) Отвѣтъ этотъ вполнѣ изданъ *Тихонравовымъ* въ „Лѣтописяхъ русс. литературы и древности", т. V, отд. III, стр. 126 и слѣд. Что царскій вопросъ касался только митрополичьихъ вотчинъ, видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: а) отвѣтъ дается отъ лица *одного митрополита*; б) митрополитъ говоритъ только о земляхъ „*Пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ*" (Петра, Алексѣя, Іоны), т. е Успенскаго собора. Въ вотчинахъ митрополіи находилось и нѣсколько монастырей, напримѣръ, подъ самой Москвою — Новинскій. Вотъ почему, въ заглавіи отвѣта, упоминаются и *монастырскія* „недвижимыя вещи".

[2]) А. Э. I, № 238. III, стр. 246.

мости отнять у монастырей села. Дѣйствительно, я писалъ тебѣ на соборѣ, извѣщая свой разумъ (т. е. высказывая свой личный взглядъ на дѣло), а не говорилъ имъ (членамъ собора) объ этомъ предметѣ, и тебѣ не совѣтую дѣлать что-либо подобное властію или принужденіемъ. Да между собою говорили мы (заволжскіе пустынники), какъ писано въ книгахъ о монашеской жизни.... Наше мудрованіе таково, что мы должны жить, какъ предписали святые отцы, по уставу Василія Великаго.... Другимъ же мы ничего не говорили, развѣ только между собою говоримъ, что намъ слѣдуетъ жить своимъ рукодѣліемъ и у мірянъ не просить. А что я говорилъ и писалъ тебѣ объ истинномъ и непрелестномъ пути заповѣдей Христовыхъ, о томъ, Господа ради, не ускори соблазниться.... Я виноватъ въ томъ, что неблаговременно говорилъ тебѣ иносказаніями. Именно, я оплошился нѣкогда притчею, которую сказалъ тебѣ: «если ты, земной царь, поручишь кому нибудь имѣніе съ тѣмъ, чтобы оно было передано извѣстнымъ лицамъ, а онъ отдастъ, кому самъ вздумаетъ, а не по твоему приказу: не станешь-ли ты бранить его?» На это ты воскликнулъ: «не только бранить, но и казнить хочу таковаго!» Отсюда я увидѣлъ твое разумѣніе въ томъ, что мы должны хранить заповѣди Господни, какъ Онъ повелѣлъ, а не какъ мы сами хотимъ или умышляемъ своими человѣческими помыслами»[1]).

Послушаемъ теперь оффиціальной бесѣды царя съ соборомъ. Обращая вниманіе духовныхъ властей на нравственные и экономическіе безпорядки въ жизни монашества, царь въ своихъ вопросахъ собору говорилъ: «въ мона-

---

[1]) Рукопись Рум. Муз. изъ собранія Ундольскаго № 494, л. 196. Срав. „Описаніе“ этихъ рукописей, сдѣланное самимъ собирателемъ. Москва. 1870, стр. 369. См. еще замѣтку объ Артеміи, напечатанную въ Вологод. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1868 г. № 15; прибав., стр. 387.

стыри постригаются не ради спасенія своей души, а для покоя тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать, и разъѣзжають по монастырскимъ селамъ въ свое удовольствіе («прохладу для»). Архимандриты и игумены докупаются своихъ мѣстъ, не знаютъ ни службы Божіей, ни братства, ни общей трапезы, а покоютъ себя въ кельи съ гостями, да родственниковъ своихъ помѣщаютъ въ монастыри и по селамъ, на всемъ монастырскомъ содержаніи, а старыхъ слугъ и вкладчиковъ выживаютъ вонъ, и тѣмъ опустошаютъ монастыри... Боголюбцы даютъ въ монастыри по душахъ своихъ и по родителяхъ на поминокъ вотчины и купли, да и сами (монахи) прикупаютъ себѣ села, а иныя угодья у меня припрашиваютъ,—и много уже поимали по всѣмъ монастырямъ! У нихъ же имѣются тарханныя, льготныя и несудимыя грамоты. Между тѣмъ, братіи нигдѣ не прибыло, а въ иныхъ монастыряхъ даже убыло; пища и питье братскія стали хуже, строенья никакого вновь не прибавилось, а старое опустѣло. Гдѣ тѣ прибыли и кто ими корыстуется?... Во всѣхъ монастыряхъ держатся хмѣльные напитки, и монахи предаются пьянству.... По кельямъ незазорно ходятъ жонки и дѣвки, а робята молодые живутъ тамъ невозбранно.... И такое безчиніе и совершенное нерадѣніе о Церкви Божіей и монастырскомъ строеніи—на комъ весь этотъ грѣхъ взыщется? И откуда мірскимъ душамъ получать пользу и отвращеніе отъ всякаго зла? Если тамъ (въ монастыряхъ) все дѣлается не по Богу, то какого добра ждать отъ насъ, мірской чади? И чрезъ кого намъ просить милости у Бога?» [1])

Эти вопросы даютъ видѣть, какъ туго прививалась къ нашимъ монастырямъ система строгаго общежитія, посредствомъ которой надѣялись уничтожить весь нравствен-

[1]) Стоглавъ, царскіе вопросы 8 (стр. 54), 15 (стр. 60) и 17 (стр. 61).

ный соблазнъ въ жизни вотчинно-мірскаго монашества и прекратить всѣ безпорядки въ монастырской экономіи. Опытъ предыдущаго смутнаго времени вполнѣ доказалъ, что безъ внѣшняго, государственнаго контроля надъ монастырями общежительные уставы легко могутъ оставаться только на бумагѣ. Мысль о необходимости возстановленія этого контроля видна и во всѣхъ соборныхъ отвѣтахъ на царскіе вопросы. Здѣсь почти вполнѣ приведенъ царскій же наказъ монастырямъ, предложенный на обсужденіе собора, вмѣстѣ съ вопросами [1]). По этому наказу, порядокъ и благочиніе въ монастыряхъ, а равно и завѣдываніе всѣми монастырскими доходами и казною, возложены на общую отвѣтственность настоятелей и соборныхъ старцевъ, которые о важнѣйшихъ дѣлахъ обязаны доносить самому царю [2]), а о другихъ «потребахъ и управахъ»—царскимъ чиновникамъ, «кому тѣ монастыри приказаны будутъ», и по докладу которыхъ царь «потому же велитъ чинить управу». Безчинникамъ и непослушнымъ наказъ грозитъ святительскимъ запрещеніемъ и царскимъ наказаніемъ. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же году дана «выпись» Андрею Берсеневу и Хозяину Тютчеву объ инокахъ, которые, «забывъ страхъ Божій и презрѣвъ священныя правила, и *царскую заповѣдь*, и соборное уложеніе, учнутъ по корчмамъ ходити, и въ піанство упиватись, и по дворомъ и по улицамъ скитатись піани, или учнутъ сквернословити, или матерны лаяти кому, на соблазнъ мірскымъ человѣкомъ, или піани учнутъ битись и дратись». Съ та-

[1]) Стоглавъ, гл. 49, стр. 236—240, начиная со словъ: „о томъ же отъ царскаго написанія".

[2]) Такъ знаменитое посланіе Грознаго въ Кирилловъ монастырь написано по донесенію монастырскихъ властей о безпорядкахъ, производимыхъ новопостриженными боярами (А. И. I, № 204 отр. 372, 373). Спустя нѣсколько времени (около 1582—1583 г.) игуменъ и братія того же монастыря жаловались царю на своевольства старца Александра (Тамъ же, № 212).

кихъ безчинниковъ велѣно брать «царскую заповѣдь, по земскому обычаю, какъ и съ прочихъ людей безчинниковъ и бражниковъ заповѣдь емлютъ, да отсылать тѣхъ чернецовъ въ монастыри, къ архимандритомъ и игуменомъ, и они ихъ смиряютъ по монастырскому чину» [1]). Нравственныя качества самихъ настоятелей соборъ предоставилъ предварительному испытанію государя, какъ было при Василіи Ивановичѣ [2]). Наконецъ, контроль за цѣлостію монастырской казны, какъ мы уже видѣли, возложенъ соборомъ на царскихъ дворецкихъ и дьяковъ, которые «приказываютъ монастыри, со всѣми ихъ имуществами, новымъ архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ съ соборными старцами, и усчитываютъ ихъ во всякомъ приходѣ и расходѣ» по описямъ, хранящимся въ самихъ монастыряхъ и въ царскомъ архивѣ [3]).

Принимая мѣры противъ безпорядковъ въ монастырской экономіи, царь имѣлъ въ виду, съ одной стороны, сократить прямые и косвенные государственные расходы на содержаніе монастырей, уже имѣвшихъ довольно вотчинъ, но не пероставшихъ докучать ему, царю, челобитьями о новыхъ земляхъ и льготахъ, съ другой — обратить монастырскіе доходы, своекорыстно расточаемые монахами, къ ихъ первоначальному, религіозно-общественному назначенію. Въ отвѣтъ на первую мысль царя, соборъ запретилъ архимандритамъ, игуменамъ и старцамъ монастырей, у ко-

---

[1]) А. И. I, № 154. II.

[2]) Стоглавъ, стр. 374: „избирати митрополиту и архіепископомъ и епископомъ коемуждо во своемъ предѣлѣ архимандритовъ и игуменовъ въ честныя монастыри, *по цареву слову и совѣту*... И избравъ посылаютъ ихъ къ благочестивому царю, *аще будетъ Богу угоденъ и царю*".

[3]) Тамъ же, стр. 235, 297, 298. Что это постановленіе исполнялось, видно изъ монастырскихъ описей того времени (А. И. I, № 158; А. Э. I, № 337). О храненіи описей въ царскомъ архивѣ см. въ описаніи послѣдняго, изданномъ въ А. Э. I, № 298, (ящикъ 196, стр. 350).

торыхъ, судя по числу братіи, земли достаточно, припрашивать лишнихъ земель и угодій, или новыхъ тарханныхъ, несудимыхъ и льготныхъ грамотъ, «развѣ великія нужа, и то съ великимъ упросомъ и боголюбнымъ моленіемъ» [1]. Такимъ образомъ предположеніе Судебника (ст. 43) объ отобраніи старыхъ тархановъ, по отношенію къ монастырямъ, такъ и осталось однимъ предположеніемъ.—Особенный государственный расходъ на содержаніе монастырей составляла руга. Въ малолѣтство Ивана IV, многіе монастыри и церкви, владѣвшіе селами и другими источниками доходовъ, успѣли обратить временную ругу, назначенную имъ при Василіи Ивановичѣ, въ постоянную (ежегодную), а иные вновь получили ружныя грамоты отъ бояръ. По указанію царя на это обстоятельство [2], соборъ опредѣлилъ: «обыскать, какъ было при покойномъ великомъ князѣ, и вмѣстѣ взять въ соображеніе существующіе способы содержанія церквей и монастырей, сдѣлавшихся ружными въ малолѣтство государя: если у нихъ есть села и другіе источники доходовъ, достаточные для ихъ существованія, то въ царской волѣ давать или не давать имъ ругу; если же бѣднымъ церквамъ и монастырямъ безъ той руги «прожити не мочно», то достойно и праведно благочестивому царю таковыя убогія мѣста пожаловать—устроить въ свое христолюбивое царство (т. е. принять, какъ ружныя, въ дворцовое вѣдомство [3]). Но видно, по обыску оказалось, что тѣ «убогія мѣста» могутъ существовать и безъ руги: ибо особымъ соборнымъ приговоромъ (11 Мая того же года) вопросъ этотъ разрѣшенъ въ точномъ смыслѣ распоряженій Василія Ивановича [4]). Наконецъ, сдѣлана бы-

---

[1]) Стоглавъ, стр. 343.

[2]) Тамъ же, стр. 71. 72.

[3]) Стр. 408—411.

[4]) Стр. 432.

ла весьма замѣчательная для того времени попытка къ уменьшенію числа самыхъ церквей и монастырей, не находившихъ себѣ средствъ содержанія. Вотъ что говорилъ объ этомъ царь собору: «старецъ въ лѣсу келью поставитъ или церковь срубитъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, а у меня земли и руги проситъ, и что соберетъ, то пропьетъ, а церковь-выставку, пробывъ въ ней съ годъ, покинетъ, жалуясь на притѣсненія архіерейскихъ десятильниковъ и недостатокъ земли и руги. Нужно объ этомъ поразсудить, чтобы не было такого соблазна, а святителямъ и намъ укоризны» [1]. Соборъ постановилъ: «всѣ такія пустыни сносить въ одну пустынь или въ общежительные монастыри, а церкви-выставки — къ старымъ церквамъ на погосты, чтобы тѣмъ и другимъ было чѣмъ прожити». На будущее же время строить новыя пустыни и церкви только «царскою властію и по благословенію мѣстнаго архіерея» [2]. Такъ въ первый разъ высказана мысль о необходимости принять мѣры противъ неудержимаго народнаго стремленія къ религіозному пустынножительству!

Что касается до цѣли Ивана IV—обратить церковныя и монастырскія богатства къ ихъ религіозно-общественному назначенію, то она видна изъ слѣдующихъ царскихъ вопросовъ: «церковную и монастырскую казну даютъ въ ростъ. А въ свв. правилахъ написано: «церковное богатство—нищихъ богатство и прочимъ на потребу» [3].—Монахи и монахини волочатся по міру, собирая милостыню, и не знаютъ, что такое монастырь: надо подумать, какъ ихъ прокормить и устроить въ монастыряхъ, чтобъ міру было не въ соблазнъ, а душамъ ихъ не въ погибель» [4].— «*Изъ*

---

[1]) Стоглавъ, стр. 63 — 64.

[2]) Стр. 372 — 373.

[3]) Стр. 61.

[4]) Стр. 56.

нашей казны дается годовая милостыня—хлѣбъ, соль, деньги и одежда по богодѣльнымъ избамъ во всѣхъ городахъ; подаютъ милостыню и христолюбцы. Но туда вкупаются у прикащиковъ здоровые мужики съ женами, а нищіе и увѣчные, состарѣвшіеся въ убожествѣ, терпятъ голодъ и холодъ, зной и наготу и всякую скорбь, не имѣя гдѣ головы приклонить: вездѣ ихъ гнушаются, и многіе изъ нихъ въ той крайней нуждѣ умираютъ безъ христіанскаго напутствованія... Что сдѣлать для нихъ православнымъ царямъ и *святителямъ* [1])?—Изъ ордъ привозятъ на выкупъ плѣнныхъ бояръ и боярынь и всякихъ людей, но ихъ никто не выкупаетъ; и такихъ полоняниковъ, мущинъ и женщинъ, опять увозятъ назадъ въ бусурманство... Нужно уложить, какъ выкупать ихъ, чтобы не отпускать назадъ къ невѣрнымъ» [2]).

Соборные отвѣты вполнѣ подтвердили справедливость вышеприведенныхъ жалобъ Максима Грека на крайнее оскудѣніе въ нашей іерархіи духа христіанской благотворительности. Только на первый вопросъ соборъ отвѣчалъ довольно близко къ мысли царя-вопрошателя, и то — не въ силу поцитованнаго въ вопросѣ правила о принадлежности церковнаго богатства бѣднымъ, а по соображеніямъ чисто-экономическаго свойства, какими нѣкогда руководился великій игуменъ-хозяинъ, Іосифъ волоцкій [3]). Именно, соборъ предписалъ владыкамъ и монастырямъ давать *своимъ крестьянамъ* заимообразно деньги и хлѣбъ безъ росту—«того для, чтобы за ними крестьяне жили, и села бы ихъ были не пусты» [4]). Затѣмъ, по вопросу о «нищепитательствѣ» монаховъ и монахинь, которыхъ «ни въ одномъ монастырѣ

---

[1]) Стоглавъ, стр. 58.

[2]) Тамъ же, стр. 56.

[3]) См. выше въ текстѣ, стр. 99.

[4]) Стоглавъ, стр. 344. 345.

не принимали безъ вклада», соборъ приговорилъ: «размѣстить ихъ по монастырямъ и давать на ихъ содержаніе вклады митрополиту, владыкамъ и *самому царю*, какъ ему, государю, Богъ извѣститъ» [1]). Вопросъ о призрѣніи мірянъ, «прокаженныхъ и увѣчныхъ, лежащихъ по улицамъ въ коробьяхъ или возимыхъ на тележкахъ и въ санкахъ», разрѣшенъ только съ административной стороны. «Да повелитъ благочестивый царь—отвѣчалъ соборъ—переписать всѣхъ такихъ каликъ и помѣстить ихъ въ богадѣльняхъ, съ тѣмъ чтобы они содержались здѣсь *царскою милостынею и приношеніями боголюбцевъ*. А для прекращенія злоупотребленій, допущенныхъ прежними прикащиками, поручить надзоръ за богадѣльнями добрымъ священникамъ, городскимъ людямъ и цѣловальникамъ» [2]). О финансовомъ участіи въ этомъ дѣлѣ владыкъ и монастырей соборъ не говоритъ ни слова—потому, вѣроятно, что вопросъ касался только *городскихъ* богадѣленъ, которыя, какъ и самые города, принадлежали государю и государству, а не монастырямъ и владыкамъ. Послѣдніе также строили и содержали богадѣльни, но—только въ своихъ вотчинахъ и для своихъ людей, да и это едва-ли было общимъ и неизмѣннымъ правиломъ [3]). Во всякомъ случаѣ царь, приводя въ своихъ

---

[1]) Стоглавъ, стр. 830 — 333.

[2]) Тамъ же, стр. 335. 336.

[3]) При *нѣкоторыхъ* монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ несомнѣнно были богадѣльни (Примѣры см. у *Неволина*: «о пространствѣ церковнаго суда въ Россіи", соч. т. VI, стр. 326. примѣч. 190, и у *Лешкова:* „Русскій народъ и государство", стр. 591). Но незначительность пожертвованій на это дѣло, приносимыхъ владыками и монастырями во времена собора, доказывается не только сочиненіями Вассіана Патрикѣева и Максима Грека, но и отзывами самихъ защитниковъ неприкосновенности церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ (напримѣръ м-та Даніила; см. выше, стр. 96). Сравнительно больше дѣлали приходскія церкви, на землѣ которыхъ обыкновенно ставились кельи для нищихъ, „питавшихся отъ церкви Божіей", или, какъ объясняется въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ, *отъ прихода*". Земля эта, бывъ отдана подъ жилье ремесленнымъ или торговымъ людямъ, могла бы приносить болѣе или менѣе значи-

вопросахъ каноническое изреченіе: «церковное богатство— нищихъ богатство», очевидно расчитывалъ на большее участіе архіереевъ и монашества къ дѣламъ общественной благотворительности.—Еще характеристичнѣе отвѣтъ о выкупѣ плѣнныхъ, который, по соборному приговору, долженъ былъ производиться изъ царской казны съ возмѣщеніемъ того, что будетъ израсходовано на этотъ предметъ, особою податью, которая поровну раскидывается на сохи по всѣмъ землямъ, чьи бы онѣ ни были: «ибо—говорилъ соборъ—тотъ выкупъ называется *общею милостынею*» [1]. Итакъ духовныя власти не изъявили желанія жертвовать что-либо лишнее, въ сравненіи съ послѣднимъ крестьяниномъ, на такое дѣло, для котораго Кормчая книга разрѣшала даже продавать священные сосуды [2]. Впрочемъ, соборный отвѣтъ не былъ для современниковъ соблазнительною новостію: посошный и обежный сборъ полоняничныхъ денегъ, подъ именемъ общей милостыни, уже былъ тогда въ употребленіи. Такъ въ 1535 году, въ малолѣтство государя, послано было изъ Москвы къ новогородскому архіепископу Макарію (теперь митрополиту и предсѣдателю собора) требованіе «быть вкупну» въ дѣлѣ искупленія плѣнныхъ, именно: собрать съ своихъ земель и съ монастырскихъ, по всей епархіи, 700 рублей *по обежному счету*» [3]. Однакожъ, соборный приговоръ встрѣтилъ возраженіе—со стороны бывшаго митрополита Іоасафа, который жилъ въ то время

тельный доходъ. Такимъ доходомъ, дѣйствительно, и пользовались *монастыри* и *архіерей*, дававшіе на своихъ городскихъ участкахъ мѣста для цѣлыхъ слободокъ (см. наприм. А. Э. І., № 252), что однакожъ было запрещено Судебникомъ (гл. 91) и особымъ соборнымъ приговоромъ 15 Сентября 1550 года (Стоглавъ, стр. 412. 413).

[1]) Стоглавъ, стр. 333—334.

[2]) См. напр. въ печ. Кормчей гл. 49; ч. 2, л. 35 об.

[3]) Пол. собр. лѣтоп. VI, стр. 293. 294.

на покоѣ въ Троицкой лаврѣ, и которому посланы были на разсмотрѣніе царскіе вопросы и соборные отвѣты. На опредѣленіе о выкупѣ плѣнныхъ Іоасафъ замѣтилъ: «брать бы тотъ выкупъ не съ сохъ, а изъ казны митрополита, архіепископовъ, владыкъ и со всѣхъ монастырей, какъ ты, государь, пожалуешь, на комъ что велишь взять. А *крестьянамъ, государь, и такъ много тягли въ твоихъ податяхъ.* Государь, покажи имъ милость, какъ тебѣ Богъ положитъ на сердце. При твоемъ отцѣ брали съ митрополита, съ архіепископовъ и владыкъ пошлину на смоленскаго владыку, ради его недостатковъ, и они о томъ не тужили. А *полоняники, государь, нужнѣе того»* [1]). Но этотъ протестъ остался безъ всякихъ послѣдствій. Сборъ полоняничныхъ денегъ въ XVI и XVII вѣкѣ производился согласно съ опредѣленіемъ стоглавнаго собора [2]).

Безучастность духовныхъ властей къ дѣламъ общественной благотворительности, уже сама по себѣ, оправдывала тѣ мѣры Ивана IV, которыми онъ, вскорѣ послѣ полученія изложенныхъ соборныхъ отвѣтовъ, частію отнималъ у архіереевъ и монастырей нѣкоторыя ихъ владѣнія, частію ограничивалъ для нихъ способы дальнѣйшаго обогащенія вотчинами. То и другое сдѣлано въ особомъ соборномъ засѣданіи 11 Мая 1551 года. Въ первомъ отношеніи постановлено:

1) Помѣстныя и черныя земли, которыя архіереи и монастыри отняли у дѣтей боярскихъ и крестьянъ за долги, или которыя неправильно записаны за ними писцами, возвратить, по розыску, прежнимъ владѣльцамъ, хотя бы вла-

---

¹) Стоглавъ, стр. 427. 428

²) Это видно изъ Уложенія 1649 года (гл. 8), въ которомъ порядокъ сбора полоняничныхъ денегъ, установленный стоглавнымъ соборомъ, является уже общимъ государственнымъ закономъ. Срав. *Котошихина* Сказаніе о Россіи при Алексѣѣ Михаиловичѣ, гл. VII, ст. 3.

дыки и монастыри уже поставили на такихъ земляхъ свои починки.

2) Села, волости, рыбныя ловли, угодья и оброчныя деревни, розданныя владыкамъ и монастырямъ боярами, въ малолѣтство государя, отобрать и закрѣпить за тѣми, кому они принадлежали при Василіи Ивановичѣ.

Во второмъ отношеніи Иванъ IV окончательно возвелъ въ общее правило частныя распоряженія своего дѣда о вотчинахъ служилаго класса [1]). Мы уже видѣли, что Иванъ III запретилъ потомкамъ прежнихъ удѣльныхъ князей, состоявшимъ на службѣ у московскихъ государей, а также служилымъ людямъ вновь присоединенныхъ къ Москвѣ областей, отчуждать свои вотчины въ неслужилыя руки и, въ частности, отдавать ихъ въ монастыри по душахъ [2]). Подтвердивъ эти старые указы, Иванъ IV упомянутымъ соборнымъ приговоромъ *вообще* запретилъ архіереямъ и монастырямъ какъ покупать, такъ и принимать по духовнымъ завѣщаніямъ *чьи бы то ни было вотчинныя земли*, безъ предварительнаго доклада о томъ и другомъ правительству [3]). За нарушеніе этого закона, купленная и отданная по душѣ вотчина безденежно отбиралась на государя. Впрочемъ, вторая часть соборнаго приговора, касающаяся от-

---

[1]) Первый опытъ такого обобщенія, какъ выше показано (стр. 102), сдѣланъ еще при Еленѣ Глинской.

[2]) Стр. 36. 37.

[3]) Въ казанскомъ изданіи Стоглава (стр. 433, 434) статьи этого соборнаго приговора, касающіяся отдачи вотчинъ въ монастыри по душахъ, перемѣшаны, такъ что трудно отличить *общій* законъ Ивана IV отъ указовъ его дѣда, обязательныхъ только для служебныхъ князей и жителей вновь присоединенныхъ къ Москвѣ областей и городовъ. По болѣе исправному списку, изданъ тотъ же соборный приговоръ въ А. Э. I, № 227. Здѣсь общій законъ изложенъ послѣ мѣстнаго и особеннаго и составляетъ предпослѣднюю статью, въ которой сказано: „а кто, безъ государева вѣдома, въ которой монастырь вотчину свою дасть по душѣ, и та вотчина у монастырей безденежно имати на государя".

дачи вотчинныхъ земель въ монастыри по душахъ, смягчена слѣдующими ограниченіями:

а) Вотчины служилыхъ людей, отданныя по душахъ до изданія настоящаго приговора, и впредь остаются за монастырями. Но это ограниченіе обратной силы закона не простиралось на тѣ вотчинныя земли, отдача которыхъ въ монастыри запрещена была еще Иваномъ III. Послѣднія положено было отобрать у духовныхъ владѣльцевъ и раздать дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья, впрочемъ—за извѣстное вознагражденіе монастырямъ изъ казны («смотря по мѣрѣ»).

б) Вотчины, отданныя по душахъ до настоящаго приговора *съ дозволенія государя*, а равно и тѣ, которыя имѣютъ быть впредь отдаваемы, подъ тѣмъ же условіемъ, уже не должны подлежать выкупу со стороны родственниковъ завѣщателя, кромѣ того случая, когда въ данной или духовной грамотѣ поименованы будутъ лица, имѣющія право на выкупъ, и означена будетъ самая цѣна, за какую они могутъ выкупить отданное монастырю имѣніе. Въ такомъ случаѣ родственники должны пользоваться своимъ правомъ, согласно съ распоряженіями завѣщателя и съ указами, изданными на этотъ предметъ Иваномъ III и Василіемъ Ивановичемъ.

Хотя ни въ одномъ изъ вопросовъ, предложенныхъ царемъ собору 1551 года, нѣтъ прямаго намека на необходимость обращенія въ казну «изстаринныхъ» церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ, тѣмъ не менѣе соборъ, имѣя конечно въ виду недавнія посягательства мірской власти на земли самой митрополіи, счелъ нужнымъ, въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ своихъ, повторить старыя доказательства неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Видимымъ поводомъ къ этой аргументаціи послужили два царскіе вопроса: о святительскихъ судахъ и о вотчинахъ, отдаваемыхъ въ монастыри по душахъ. Суды святительскіе, какъ

извѣстно, имѣли вообще финансовый характеръ и, въ частности, содержали въ себѣ вотчинный судъ надъ крестьянами, жившими на земляхъ владычныхъ [1]). А какъ царь въ своемъ вопросѣ яркими красками изобразилъ злоупотребленія архіерейскихъ судей (десятильниковъ, бояръ, тіуновъ и прикащиковъ [2]), то отцы собора легко могли увидѣть въ этомъ косвенное посягательство на цѣлость не только церковной юрисдикціи, но и церковной собственности, тѣмъ болѣе, что неприкосновенность той и другой не рѣдко утверждалась въ однихъ и тѣхъ же источникахъ церковнаго права, византійскихъ и русскихъ [3]).—Второй вопросъ, повидимому, направленъ былъ въ подрывъ самаго твердаго,—*религіознаго* основанія права собственности монастырей на ихъ поземельныя владѣнія. Мы уже видѣли, что монастыри, вопреки церковнымъ правиламъ и наказамъ духовныхъ и вкладныхъ грамотъ, позволяли себѣ продавать, промѣнивать, вообще отчуждать вотчины, данныя имъ на вѣчный поминокъ по душахъ [4]). Отсюда естественно происходило, что въ монастыряхъ мало по малу забывались самыя имена вкладчиковъ и поминовеніе ихъ прекращалось. На эти-то два обстоятельства, рѣзко противорѣчащія каноническому принципу «неподвижности» церковныхъ имуществъ, царь какъ бы мимоходомъ и безъ всякой задней мысли указалъ собору въ одномъ изъ своихъ вопросовъ: «села и имѣнія въ монастыри берутъ, а по душамъ вклад-

---

[1]) *Неволинъ*, о пространствѣ церков. суда въ Россіи (сочиненій т. VI стр. 377 и слѣд.); *Лохвицкій*, церковная администрація въ древней Россіи (Русс. Вѣст. 1857, № 2. стр 212 и слѣд.).

[2]) Стоглавъ стр. 53. 54.

[3]) Эти источники цѣликомъ помѣщены въ 60—65 главахъ Стоглава.— Вѣроятно, по поводу царскаго вопроса о святительскихъ судахъ, м-тъ Макарій въ томъ же году испросилъ несудимую грамоту на всѣ свои вотчины (*Горчаковъ*, о земельныхъ владѣніяхъ, прилож. стр. 34).

[4]) См. выше въ текстѣ стр. 26.

ичковъ и ихъ родителей памяти не совершаютъ и наказовъ ихъ не исполняютъ» [1]). Соборъ хорошо понялъ, какіе виды и цѣли *могли* скрываться за этимъ вопросомъ, и въ своемъ отвѣтѣ постановилъ:

1) Дознать имена вкладчиковъ, которые давали вотчины въ монастыри по душахъ, и написать ихъ въ монастырскіе синодики для вѣчнаго поминовенія.

2) Вотчинъ и селъ, данныхъ Богу въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, равно и другихъ монастырскихъ земель *впредь ни отдавать, ни продавать.* Такъ въ первый разъ высказано отъ лица нашей духовной іерархіи формальное запрещеніе монастырямъ отчуждать свою поземельную собственность [2]). Что этимъ запрещеніемъ соборъ именно хотѣлъ отнять у правительства и другихъ заинтересованныхъ лицъ самый благовидный поводъ къ притязаніямъ на вотчины, отданныя въ монастыри по душахъ, видно изъ дальнѣйшей ссылки на извѣстное правило пятаго вселенскаго собора, который «положилъ страшное запрещеніе не только на простыхъ людей, но и на самихъ *царей и вельможъ*, обидящихъ святыя божія церкви» (Стоглавъ, стр. 338—341).

---

[1]) Стоглавъ, стр. 60.

[2]) Недавно высказанъ оригинальный взглядъ, будто теорія неотчуждаемости церковныхъ имуществъ окончательно сложилась на Руси къ концу XV вѣка (*Горчаковъ*, о земельныхъ владѣніяхъ, стр. 163 и сл.). Въ смыслѣ каноническаго принципа она существовала и прежде, хотя, какъ мы видѣли, не могла воспрепятствовать образованію противоположнаго обычая, который въ первый разъ формально отмѣненъ соборомъ 1551 года. Но главная ошибка автора, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ отождествляетъ принципъ неотчуждаемости съ принципомъ *неотъемлемости* церковныхъ имуществъ. Послѣдній никогда не исчезалъ изъ сознанія духовенства и былъ настойчиво повторяемъ каждый разъ, когда право церковной собственности нарушалось *третьими лицами* (См. выше въ текстѣ, стр. 3—4). Только *въ этомъ смыслѣ* и понималась у насъ, до собора 1551 года, теорія юридической „неподвижности“ церковныхъ имуществъ (ср. стр. 26—27).

Такимъ образомъ на соборѣ 1551 года вопросъ о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ затронутъ былъ со всѣхъ сторонъ, но ни съ одной не разрѣшенъ окончательно, такъ чтобы не оставалось поводовъ къ старымъ жалобамъ, обличеніямъ, протестамъ. Во главѣ недовольныхъ соборными опредѣленіями, попрежнему, стояла партія заволжскихъ нестяжателей—съ ея неизмѣнною аскетическою проповѣдію о неприличіи монахамъ владѣть людьми и селами. Теперь эта партія, благодаря задушевному желанію самого государя возстановить въ монастыряхъ религіозный порядокъ и дисциплину, начинаетъ выдвигаться изъ глуши своихъ отдаленныхъ пустыней и занимать нѣкоторые важные церковно-іерархическіе посты. Мы уже видѣли на соборѣ одного пустынника—Артемія, успѣвшаго обратить на себя особенное вниманіе Ивана IV и тогда же назначеннаго на высокое игуменство въ Троицкой лаврѣ. Артемій, конечно, зналъ напередъ, что ждетъ его въ великомъ царскомъ «богомольи», гдѣ, по замѣчанію самого собора, невозможно было строгое соблюденіе правилъ общежитія: «занеже то мѣсто чудотворное, и гости безпрестанни день и нощь», и потому не прежде поѣхалъ на свое игуменство, какъ получивъ дозволеніе «покоить» у себя въ монастырѣ знаменитаго тверскаго заточника, Максима Грека. Но не смотря на нравственную помощь Максима, игуменъ-пустынникъ скоро почувствовалъ себя не на мѣстѣ: онъ снова удалился въ свою пустынь, «чтобы отъ Бога не погибнути душею, и Христовы заповѣди совершити, и евангельскія и апостольскія, и отъ своею руку питатися, пищею и одежею доволитися» [1]. Словомъ: съ Артеміемъ повторилось на троицкомъ игуменствѣ почти тоже самое, что испыталъ нѣкогда Паисій Ярославовъ: борьба съ «любостяжательными, издавна законопреступными мнихами» (какъ выра-

[1] А. Э. I, № 238, въ концѣ.

жается Курбскій) была и ему не по силамъ [1]). Другой пустынникъ, извѣстный просвѣтитель лопарей Θеодоритъ, поставленый, по рекомендаціи Артемія, въ игумены въ Спасо-Евθиміевъ суздальскій монастырь, нашелъ здѣсь такихъ же «необузданныхъ и своевольныхъ мниховъ», съ какими боролся его единомышленникъ въ Троицкой лаврѣ, и своею строгостію возстановилъ противъ себя не только всю братію, но и мѣстнаго епископа, котораго обличалъ также въ сребролюбіи и пьянствѣ [2]). Въ тоже время въ самихъ заволжскихъ пустыняхъ — въ этомъ духовномъ отечествѣ всѣхъ русскихъ нестяжателей — протестъ противъ мірскаго духа и быта церковной іерархіи и монашества сталъ выражаться въ рѣзкихъ вольнодумныхъ толкахъ, напоминающихъ старую ересь жидовствующихъ. Отсюда вынесли или, по крайней мѣрѣ, здѣсь осмыслили, обосновали и развили свое ученіе извѣстные религіозные вольнодумцы того времени — Матвей Башкинъ и Θеодосій Косой [3]). Усвоивъ себѣ идеи Нила сорскаго, они дали имъ слѣдующую *еретическую* редакцію: «духовныя власти на соборахъ все писали для себя, чтобы имъ владѣть всѣмъ — и *царскимъ* и святительскимъ» [4]). «Монашество есть изобрѣтеніе человѣческое, а монастырскіе уставы — выдумка корыстолюбивыхъ монаховъ, которые ввели у себя законъ, чтобы монастыри владѣли людьми и селами» [5]). Розыскъ еретиковъ, производившійся на соборахъ 1553 и 1554 года, открылъ настоящее

---

[1]) Сказанія Курбскаго, изд. 3, стр. 117.

[2]) Тамъ же стр. 116.

[3]) По свидѣтельству Никоновской лѣтописи (VII, 304), Башкинъ, при розыскѣ его ереси, показалъ на заволжскихъ старцевъ, «что они его злобы не хулили, а *утверждали* его въ томъ". А Θеодосій Косой самъ былъ постриженикомъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря — центра заволжскихъ пустыней.

[4]) Такъ училъ Башкинъ. См. А. И. I, № 161 А. Э. I. № 239.

[5]) Это — ученіе Θеодосія Косого. См. Зиновія „Истины показаніе". Казань. 1863, стр. 888.

гнѣздо ихъ въ заволжскихъ пустыняхъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась партія любостяжателей, чтобы привлечь на судъ, вмѣстѣ съ еретиками, и тѣхъ пустынниковъ, которыхъ мы уже видѣли на высокихъ игуменскихъ постахъ и которые сильны были своимъ вліяніемъ на государя. Бывшій Троицкій игуменъ Артемій оговоренъ, какъ «совѣтный» съ Бакшинымъ, а Ѳеодоритъ Спасо-Евѳиміевскій—какъ совѣтный съ Артеміемъ, и оба сосланы по монастырямъ «подъ строгое начало». Вздумалъ-было «поборать» по этихъ мнимыхъ еретикахъ одинъ изъ членовъ собора—рязанскій епископъ Кассіанъ, выходецъ изъ тѣхъ же заволжскихъ пустыней, но, по современному свидѣтельству, подвергся за это чудесной карѣ, которая заставила его отказаться отъ каѳедры [1]). Даже Максиму Греку, по его отношеніямъ къ Артемію, повидимому, грозила новая опасность. Отъ него потребовали письменнаго обличенія ереси Бакшина, что́ сильно встревожило многострадальнаго святогорца. Впрочемъ, самъ царь, принимавшій живое участіе въ богословскихъ спорахъ съ еретиками, не замедлилъ написать въ успокоеніе Максиму: «мы слышали, что ты оскорбляешься нашимъ требованіемъ и думаешь, будто мы равняемъ тебя съ Матвеемъ (Бакшинымъ); но не будь того, чтобы ставить вѣрнаго наряду съ невѣрнымъ [2]).

Вскорѣ послѣ соборнаго суда надъ еретиками, ученіе одного изъ нихъ, именно Ѳеодосія Косого, подверглось строгой литературной критикѣ со стороны ученика Максимова, отенскаго монаха Зиновія, который отчасти раздѣлилъ участь своего учителя, но не раздѣлялъ его мыслей о монастырскихъ вотчинахъ. Такъ какъ еретики, возставая противъ

---

[1]) А. Э. I, № 239 Сказанія Курбскаго, стр. 119. 120

[2]) Соборы на еретиковъ XVI вѣка въ Чтен. Общ. Ист. и Древ. 1847 № 3. А. И. I, № 161, стр. 298.

русскаго монашества за владѣніе людьми и селами, прямо ссылались на сочиненія инока-князя Вассіана и Максима Грека, авторитетъ которыхъ, какъ истинныхъ учителей вѣры и благочестія, предполагался безспорнымъ, [1]) то Зиновій счелъ нужнымъ направить свои возраженія не столько противъ идей Вассіана и Максима, сколько противъ ихъ личности. Онъ старается накинуть тѣнь на самый нравственный характеръ обоихъ проповѣдниковъ иноческой нестяжательности, обвиняетъ ихъ въ неискренности, въ лицемѣріи, въ несправедливомъ требованіи отъ другихъ того, чего они сами не соблюдали, словомъ—выводитъ всю ихъ полемику противъ вотчиннаго быта русскихъ монастырей изъ личныхъ, предосудительныхъ побужденій. Съ особенною силою нападаетъ Зиновій на своего учителя — за указаніе на примѣръ латинскихъ монаховъ, приведенный Максимомъ будто-бы только для того, чтобы больнѣе уколоть православное русское монашество, владѣющее селами. «Чѣмъ—спрашиваетъ онъ—наши монастыри грѣшнѣе латинскаго, если они принимаютъ подаяніе селами? Вся разница между тѣмъ и другими только въ томъ, что латинскіе монахи два раза въ недѣлю собираютъ по городу подаянія, а русскіе однажды въ годъ, именно лѣтомъ, выходятъ въ свои деревни, чтобы собрать съ крестьянъ плоды,

---

[3]) Не говоря уже о Максимѣ, къ которому самъ митрополитъ Макарій относился съ величайшимъ уваженіемъ, мы можемъ привести нѣсколько свидѣтельствъ, доказывающихъ, что и нашъ инокъ-князь находилъ почитателей не только между свѣтскими лицами (извѣстенъ отзывъ о немъ Курбскаго), но и между самими іерархами. Такъ одинъ изъ членовъ собора 1551 г. (по всей вѣроятности, Кассіанъ рязанскій) имѣлъ при себѣ, во время соборныхъ засѣданій, извѣстное „събраніе", помѣщенное Вассіаномъ въ свою Кормчую (*Тихонравовъ*, Лѣтоп. русс. литер. и древн. т, V. отд. III, стр. 140. Ср. настоящаго сочиненія стр. 74, прим. 1). Да и вся Кормчая, не смотря на строгій судъ объ ней митрополита Даніила, успѣла разойтись въ нѣсколькихъ спискахъ (См. выше, стр. 72, прим. 2).

и затѣмъ безмолвствуютъ въ монастырѣ, пребывая въ постѣ и молитвѣ, если только какая нужда не заставитъ ихъ выйти.... Явно, что Максимъ указалъ на примѣръ латинскаго монастыря только для того, чтобы укорить русское монашество. Ибо онъ могъ бы предложить русскимъ монастырямъ, въ образецъ для подражанія, египетскіе монастыри, прославившіеся чудесами, какъ небо звѣздами, (хотя и ихъ примѣръ не можетъ быть закономъ для нашихъ монастырей: ибо Египетъ страна полуденная и плодородная, а Русь — полуночная и суровая); но Максимъ не указалъ ни на Египетъ, ни на Св. гору, ни на Грецію, откуда русская Церковь и вѣру пріяла, а восхвалилъ, очевидно, только въ укоризну намъ, монастырь латинской страны и ереси, отъ которой всячески отвращается русская Церковь» [1]).

Эта укоризна представляется Зиновію тѣмъ болѣе несправедливою, что Максимъ и Вассіанъ, живя при дворѣ великаго князя, вовсе не знали быта русскихъ монастырей, владѣющихъ селами. «У меня слезы навертываются на глазахъ, пишетъ Зиновій, когда вспомню, какихъ монаховъ видалъ я въ тѣхъ монастыряхъ, которые Вассіанъ и Максимъ укоряютъ за деревни. Отъ тяжкихъ работъ у нихъ руки скорчились, кожа на рукахъ затвердѣла и потрескалась, лица изнурены, волосы растрепаны.... Сборщики податей безъ милости влачили ихъ и нещадно били. Руки и ноги у нихъ посинѣли и распухли; одни изъ нихъ хромали, другіе падали. Имѣнья у нихъ было столько же, сколько у нищихъ: одни имѣли пять или шесть серебряныхъ монетъ, другіе три или двѣ, а многіе не рѣдко не находили у себя и одной мѣдной монеты. Пища ихъ—хлѣбъ овсяный, невѣяный, или ржаной изъ толченыхъ колосьевъ, и при томъ сухой и безъ соли. Питье — вода, варево —

---

[1]) Истины показаніе, стр. 890—898.

капуста; только болѣе зажиточные имѣютъ изъ зелени свеклу и рѣпу; овощи ихъ — рябина и калина. А объ одеждѣ что и говорить? — Искропана и в.... посыпана» [1]).

Въ контрастъ съ этой картиной Зиновій такъ описываетъ жизнь самихъ проповѣдниковъ иноческой нестяжательности, при дворѣ великаго князя: «видалъ я и называющихъ себя нестяжателями, у которыхъ въ кошелькѣ было по 1000 серебряныхъ монетъ и больше, и которые ѣли хлѣбы пшеничные, чистые и мягкіе, икры бѣлыя и черныя, визиги бѣлужія и осетриныя, бѣлыхъ рыбицъ и паровыхъ рыбъ, ухи бѣлыя, черныя и красныя; овощи у нихъ были: смоквы, стапиды (изюмъ), рожки, сливы, вишни, дули, яблоки; а приправы: инбирь, перецъ, корица, шафранъ, гвоздика, мушкатъ, сахаръ. Одежды мягкія, теплыя и легкія». Здѣсь рѣчь идетъ о Максимѣ Грекѣ, который не названъ по имени, можетъ быть, потому, что въ это время (въ 1555 г.) былъ еще живъ, но на котораго ясно указываетъ Зиновій, переходя вслѣдъ за тѣмъ къ описанію другаго нестяжателя: «посмотримъ также—говоритъ онъ — *и* на инока-князя Вассіана и его законоположеніе. Вѣроятно, недовольный монастырями за деревни, онъ предпочелъ жить въ пустыни. Но потомъ, по волѣ великаго князя, онъ жилъ въ Симоновѣ монастырѣ и не хотѣлъ ѣсть симоновской пищи — ржанаго хлѣба, варева изъ капустныхъ листьевъ и свекольныхъ стеблей, каши, приправленной избойнымъ сокомъ или прокислымъ молокомъ, и не пилъ монастырскаго питья, очищающаго желудокъ. Такъ какъ монастырь получалъ все это съ деревень, то Вассіанъ и не употреблялъ монастырской пищи и питья. Онъ ѣлъ кушанья, приносимыя ему со стола великокняжескаго: хлѣбы пшеничные чистые и крупичатые, и другія яства

[1]) Тамъ же, стр. 898, сл

съ разнообразными приправами, словомъ — все, что приносится къ столу великаго князя изъ рыбъ, масла, молока и яицъ. Итакъ, благоговѣйный инокъ-князь Вассіанъ отличался въ пищѣ отъ братіи Симонова монастыря, который (какъ я слышалъ) имѣетъ двѣ тысячи вытей, но не отличался въ пищѣ отъ великаго князя, имѣющаго тысячи тысячь вытей. А пилъ этотъ нестяжатель романею, бастръ, мушкатель, ренское бѣлое вино» [1]).

Изъ этого контраста Зиновій выводитъ то заключеніе, что Вассіанъ и Максимъ, какъ не знавшіе ни въ чемъ нужды, не имѣли права быть законодателями для русскаго монашества, которое, не смотря на владѣніе селами, все-таки терпѣло несравненно болѣе нуждъ и лишеній, чѣмъ сами проповѣдники нестяжательности. Но въ жару своей полемики Зиновій забываетъ, что Вассіанъ и Максимъ не по своей волѣ жили вблизи великаго князя и кормились отъ стола его, и что они не промѣняли своихъ убѣжденій на великокняжескія блюда и милости. Особенно несправедливы намеки Зиновія на неискренность аскетической проповѣди его учителя: удобства жизни на содержаніи русскаго государя не настолько прельщали Максима, чтобы онъ могъ забыть мѣсто своихъ монашескихъ подвиговъ — Св. гору, куда просился онъ, находясь еще въ милости у великаго князя [2]). Къ этому же времени относится и начало полемики Максимовой противъ «любоимѣннаго» русскаго монашества [3]). Но Зиновій, забывъ свою собственную аргумен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 899—901.

[2]) Максимъ просилъ отпуска на Аѳонъ уже по окончаніи перевода Толковой Псалтыри, а это было на другой годъ по пріѣздѣ къ намъ святогорца (Москвитянинъ 1842. № 11, стр. 47. 48).

[3]) Такъ, напримѣръ, сочиненія Максима: „разговоръ любостяжателя съ нестяжателемъ“ и „бесѣда ума къ душѣ о лихоимствѣ“, гдѣ преимущественно содержится полемика противъ монастырскихъ вотчинъ, написаны

тацію о неприличіи людямъ, живущимъ на щедромъ содержаніи великаго князя, предписывать законы монахамъ, получающимъ скудное содержаніе съ монастырскихъ вотчинъ, нарѣшается утверждать, будто Максимъ началъ укорять наши монастыри за владѣніе селами — въ досадѣ на свое заточеніе [1]. Не кстати и насмѣшливое упоминаніе о 1000 серебряныхъ монетъ въ кошелькѣ у «нѣкоторыхъ нестяжателей»: то была милостыня, которую Максимъ, въ надеждѣ возвращенія своего на Аѳонъ, собиралъ для тамошнихъ обителей. Да и въ отзывахъ о Вассіанѣ авторъ увлекся своею ироніей до противорѣчій и нелѣпостей. Допустимъ, что инокъ-князь промѣнялъ симоновскую братскую трапезу на блюда, приносимыя съ великокняжескаго стола, вовсе не изъ ненависти къ монастырю за владѣніе селами, а по старой привычкѣ поѣсть въ сыть и въ сласть. Но какой смыслъ имѣетъ та же самая иронія въ отношеніи къ переходу Вассіана изъ Кириллова монастыря, богатаго вотчинами, въ суровую Нилову пустынь, гдѣ требовалось кормиться своими трудами и только въ случаѣ крайней нужды дозволялось принимать подаянія отъ христолюбцевъ? Наконецъ, въ самомъ контрастѣ между жизнію проповѣдниковъ нестяжательности и бытомъ монастырей, владѣющихъ вотчинами, есть нѣкоторыя преувеличенія: картина крайней бѣдности землевладѣльческаго монашества, хотя бы и взятая Зиновіемъ съ дѣйствительности, обнимаетъ далеко не всѣ монастыри, осуждаемые Вассіаномъ и Максимомъ за владѣніе селами. Напримѣръ, въ Троицкой лаврѣ и Кирилловымъ монастырѣ монахи жили и кормились

имъ еще до 1525 г., т. е. до ссылки его въ Іосифовъ монастырь. (Тамъ же, стр. 53, примѣч. 25).

[1] Истины показаніе, стр. 909.

едва-ли хуже того, какъ, по описанію Зиновія, жили и кормились наши нестяжатели при дворѣ великаго князя [1]).

Политическое значеніе партіи нестяжателей поколебалось еще прежде церковнаго суда надъ ними на соборахъ 1553 и 1554 гг. Недаромъ, по дѣлу Бакшина и Артемія, какой нибудь малограмотный дьякъ (Висковатый) успѣлъ привлечь къ отвѣту и всемогущаго Сильвестра, какъ «совѣтнаго» еретикамъ [2]). Не за долго предъ тѣмъ, въ крити-

---

[1]) См. уставы о трапезахъ этихъ монастырей, написанные въ 1590 году (Доп. къ А. И. I. № 135). Отсюда видно (по справедливому замѣчанію *Милютина*, стр. 378, примѣч. 738), какъ разнообразна была въ то время монастырская кухня и какъ далеко уклонился отъ первоначальной простоты образъ жизни монаховъ. На обѣдахъ и ужинахъ иноковъ подавались, между прочимъ, слѣдующія кушанья и напитки: хлѣбы бѣлые, ржаные и пшеничные, колачи, щи капустные, ботвинья, борщъ, уха, лапша молочная, лапша съ перцемъ, каша овсяная, гречневая, съ головизнами, тертая, съ сокомъ, молочная, куличи, блинчатые пироги, пироги съ макомъ и рыбою, съ яйцами и сыромъ, съ морковью, горохомъ и рѣпою, сиги, лещи, караси, лососина, сельди, щука подъ чеснокомъ, судаки, осетрина свѣжепросольная, яичница, яйца, икра, кисель съ молокомъ, кисель съ медомъ, ягоды, изюмъ, сухари, орѣхи, оладьи, блины съ медомъ и пр., квасъ (въ приготовленіи котораго монахи были великіе мастера, и который, какъ видно изъ Стоглава, подраздѣлялся на нѣсколько сортовъ: старый, черствый, выкислый, житный, медвяный и пр.), медъ, пиво сыченое, вино. — Соборъ 1551 года, запретившій держать въ монастыряхъ хмѣльные напитки („пьянственное питіе“), дозволилъ монахамъ употреблять во славу Божію „фряжскія вина“ особенно тамъ, гдѣ были постриженики изъ бояръ (Стоглавъ, стр. 256—258). По справедливому замѣчанію преосвящ. *Филарета* черниговскаго (Ист. Русс. Церкви, III, стр. 232), вышеприведенные уставы о монастырскихъ трапезахъ обнаруживаютъ и тѣмъ ослабленіе прежней строгости въ богатыхъ обителяхъ, что дозволяютъ монахамъ ѣсть рыбу и икру даже на первой недѣлѣ Великаго поста. Какъ обыкновенны были въ монастыряхъ подобныя отступленія отъ общаго церковнаго устава, видно изъ „Обиходника“ волоколамской обители, въ которомъ высказано общее замѣчаніе: „въ Великій пость.. въ трапезѣ рыбы не представляти гостемъ, и питіа піанственнаго не держати, да не имутъ глаголати, *что въ Іосифовѣ монастырѣ и въ постѣ рыбу ядятъ*“ (Опис. рукоп. моск. синод. библіот. Отд. III, ч. I. стр. 400).

[2]) А. Э. 1, № 238. III.

ческую минуту, когда больной царь близокъ былъ къ смерти, Сильвестръ съ Адашевымъ оказались на сторонѣ бояръ, не хотѣвшихъ присягнуть наслѣднику престола, младенцу Димитрію [1]). Царь, неожиданно вставшій съ одра болѣзни, конечно, не могъ простить этого ни боярамъ, ни тѣмъ менѣе—своимъ любимцамъ. Вообще Сильвестръ и его партія не обнаружили такого пониманія высшихъ государственныхъ интересовъ, какое требовалось политическими преданіями Москвы и личнымъ характеромъ государя. Царь хотѣлъ неограниченнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго самодержавія, сущность котораго онъ впослѣдствіи опредѣлялъ такъ: «жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя» [2]). Сильвестръ, напротивъ, считалъ себя обязаннымъ сдерживать проявленія самодержавной воли, руководящейся такими безусловными правилами, и отстаивалъ интересы бояръ, какъ ближайшихъ и необходимыхъ царскихъ совѣтниковъ. Все это повело къ тому, что царь, видимо охладѣлъ къ «помощнику души своей» и, задавшись цѣлію—сломить своеволіе боярщины, сталъ искать, для этой борьбы, иной нравственной опоры. Опытъ недавняго времени прямо указывалъ, гдѣ всего легче найти людей, наиболѣе преданныхъ безусловному принципу московскаго самодержавія,—и вотъ, едва оправившись отъ болѣзни, царь, не смотря на сопротивленіе Сильвестра и его партіи, ѣдетъ на богомолье по монастырямъ и въ одномъ изъ нихъ (Пѣсношскомъ) имѣетъ свиданіе съ другомъ и совѣтникомъ своего отца, бывшимъ коломенскимъ владыкою «осифляниномъ» Вассіаномъ Топорковымъ, который совершенно въ духѣ своей партіи и политики Василія Ивановича далъ его сыну совѣтъ: управлять вполнѣ самодержавно, рѣшать все по своему

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. VI, изд. 2. стр. 189 и сл.

[2]) Сказанія Курбскаго, изд. 3, стр. 156.

крайнему разумѣнію и совѣтниковъ не слушать [1]). Изъ кельи Топоркова, изъ бесѣдъ съ другимъ «любоимѣннымъ» монашествомъ «осифлянскаго» закала, Иванъ IV вынесъ въ своей душѣ тѣ сѣмена, изъ которыхъ не замедлилъ развиться нравственный характеръ царя *Грознаго*, царя *въ монашеской рясѣ*, игумена своей опричины. Вѣроятно, въ самомъ началѣ этого грознаго царствованія появилась чрезвычайно замѣчательная апокрифическая бесѣда Сергія и Германа, валамскихъ чудотворцевъ, написанная, очевидно, въ заволжскихъ (новогородскихъ) пустыняхъ какимъ нибудь постриженикомъ изъ бояръ [2]). Главное содержаніе этой бесѣды

---

[1]) Тамъ же, стр. 37. 38 (Исторія Іоанна); срав. 212 (посланіе къ царю).

[2]) Она издана проф. *Бодянскимъ* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. 1859. № 3, подъ заглавіемъ: „Разсужденіе инока-князя Вассіана Патрикѣева о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами". Почтенный издатель не представилъ доказательствъ, почему онъ далъ этой бесѣдѣ такое заглавіе, т. е. почему приписалъ ее Вассіану Патрикѣеву. Это было замѣчено мною еще въ 1863 году, при изданіи въ „Прав. Собесѣдникѣ" несомнѣнно *подлинныхъ* сочиненій инока-князя. Я высказалъ тогда сомнѣніе въ принадлежности изданнаго г. Бодянскимъ памятника Вассіану Патрикѣеву, имѣя при этомъ въ виду то обстоятельство, что „Вассіанъ велъ свою полемику противъ монастырскихъ вотчинъ отъ своего собственнаго лица и писалъ довольно логически, языкомъ правильнымъ, книжнымъ, тогда какъ мнимая бесѣда Сергія и Германа отличается безпорядочнымъ изложеніемъ мыслей и „простою, неученою рѣчью" (Сентяб. кн. стр. 96. 97). Но въ недавнее время К. Н. *Невоструевъ* призналъ эти сомнѣнія „напрасными" и даже противорѣчащими одному изъ моихъ же замѣчаній, въ которомъ я, приводя (Окт. кн. стр. 208) одно мѣсто бесѣды, прямо указывающее на *Нила* сорскаго и Вассіана, тѣмъ самымъ будто-бы приписалъ ее Вассіану (Разборъ книги *Хрущова* о сочиненіяхъ Іосифа Санина, стр. 64). Въ поцитованномъ примѣчаніи, дѣйствительно, сказано, что Вассіанъ и *ученики* его, въ интересахъ своей полемики противъ монастырскихъ вотчинъ, заподозрѣвали въ подлогѣ нѣкоторыя сказанія о древнихъ чудотворцахъ, и въ доказательство сдѣлана ссылка на одно мѣсто, содержащееся въ мнимой бесѣдѣ Сергія и Германа. Но тутъ есть только усвоеніе Вассіану *мысли*, высказанной въ „бесѣдѣ", а не усвоеніе *самой бесѣды*. Мысль принадлежала цѣлой школѣ, и въ этомъ смыслѣ мы, пожалуй, готовы, вмѣстѣ съ г. *Невоструевымъ*, приписать бесѣду не только Вассіану, но и самому Нилу сорскому. Иное дѣло вопросъ: кто въ данномъ случаѣ былъ *выразителемъ*

составляетъ рѣзкая полемика противъ монастырскихъ вотчинъ; но здѣсь старый вопросъ разрѣшается съ новой, оригинальной точки зрѣнія, указанной современными обстоятельствами. Мнимые Сергій и Германъ являются жаркими защитниками интересовъ служилаго класса и строгими обличителями неразумной «простоты» русскихъ царей, раздающихъ лучшія земли монастырямъ и раздѣляющихъ свою власть съ монахами, а не съ князьями и боярами. Эта ос-

мысли, кто вложилъ ее въ уста валамскихъ чудотворцевъ? Что это не былъ Вассіанъ Патрикѣевъ, видно изъ самаго поверхностнаго сравненія подлинныхъ его сочиненій съ занимающимъ насъ литературнымъ памятникомъ. Нашъ почтенный критикъ, въ доказательство противоположнаго взгляда, ссылается на нѣкоторыя мѣста „бесѣды", въ которыхъ находятся выраженія, будто бы прямо указывающія на Вассіана, когда-то бывшаго на воинскомъ и дипломатическомъ поприщѣ, каковы: *статьи, вооруженные полки, улусы.* Но эти-то именно выраженія всего сильнѣе и говорятъ противъ принадлежности „бесѣды" Вассіану Патрикѣеву, такъ какъ ни одно изъ нихъ не встрѣчается въ его подлинныхъ сочиненіяхъ. Другая остроумная догадка г. *Невоструева*, будто подъ именемъ „двухъ чернецовъ" Сергія и Германа нельзя не узнать Вассіана съ своимъ учителемъ Ниломъ сорскимъ (тамъ же, стр. 65), можетъ быть и вѣроятна, но вовсе недостаточна для обоснованія мысли о Вассіанѣ, какъ авторѣ бесѣды. Если онъ на столько дорожилъ авторитетомъ валамскихъ чудотворцевъ (тогда еще не причисленныхъ къ лику святыхъ), что рѣшился вложить въ уста ихъ свою и Нила сорскаго полемику противъ монастырскихъ вотчинъ: то въ сочиненіяхъ, написанныхъ имъ прямо отъ своего лица, онъ, конечно, не преминулъ бы упомянуть о Сергіи и Германѣ на ряду съ другими русскими чудотворцами, которыхъ называлъ *поимянно* (см. выше, стр. 68). Наконецъ, въ содержаніи „бесѣды" есть явные признаки позднѣйшаго пера и времени. Здѣсь а) указываются тѣ же самые общественные и церковные недостатки, о которыхъ говоритъ и Стоглавъ (именно: ношеніе шлыковъ и другихъ одеждъ, свойственныхъ иновѣрцамъ, стриженіе бороды и усовъ, безчинное пѣніе въ церквахъ); б) русскіе государи постоянно называются *царями* — не только въ литературномъ стилѣ самой бесѣды, но и въ оффиціальной формулѣ челобитной, которою она оканчивается („царь-государь, смилуйся пожалуй"!); в) общая точка зрѣнія и отдѣльныя мысли бесѣды, изложенныя нами въ текстѣ, какъ нельзя болѣе приличествуютъ эпохѣ опалъ и казней, которыми началась вторая половина царствованія Грознаго.

новная мысль «бесѣды» довольно искусно пріурочивается къ возвышеннымъ понятіямъ самого Ивана IV о политическомъ значеніи самодержавія. «Цари въ своихъ титулахъ пишутся *самодержцами*—такъ начинаютъ свою бесѣду мнимо-валамскіе чудотворцы, — но это названіе не прилично царямъ, которые держатъ Богомъ данное имъ царство и управляютъ міромъ не сами собою и не со своими пріятелями — князьями и боярами, но раздѣляютъ власть и *бесѣдуютъ* съ непогребенными мертвецами (т. е. монахами). Такому царю лучше оставить свой степень и жезлъ, снять съ себя царскій вѣнецъ и не имѣть царскаго имени на себѣ и царскаго престола подъ собою, нежели — отвращать иноковъ, мірскими суетами, отъ душевнаго спасенія. Это не есть царская милость къ инокамъ, но душевный вредъ и вѣчная погибель для нихъ, если цари даютъ имъ, *какъ воинамъ* (служилымъ людямъ), *княжеское* и *боярское* жалованье, т. е. волости съ крестьянами». Благодаря такой царской простотѣ, «въ наши послѣднія времена многіе хотятъ быть въ инокахъ и наряжаются въ этотъ образъ, какъ женихи на свадьбу,— не для смиренномудрія и душевной пользы, а для славы и величества: ибо настало для иноковъ завидное время, на пагубу душъ ихъ». Какъ духовная іерархія на соборахъ 1553 и 1554 гг. признала ученіе нестяжателей ересью, такъ и мнимые авторы бесѣды «спроста» объявляютъ: «это, возлюбленные братья, отъ діавола выдумана *новая ересь* противъ новой благодати, чтобы инокамъ владѣть волостями съ крестьянами, судить міръ, давать крестьянъ на поруки, посылать по нихъ приставовъ, собирать изъ міру, какъ царямъ и прочимъ властителямъ, всякіе царскіе доходы и слезить міръ, въ обителяхъ быть пьянству и сластолюбію, держать инокамъ особую отъ мірянъ, лучшую, такъ называемую *братскую* пищу и питье, собирать себѣ въ собину (частную собственность) всякія сокровища и залучать за монастыри,

въ обиду крестьянамъ, лучшія земли и угодья». Всѣ эти «неподобныя статьи» предлагается замѣтить «готовою урочною милостынею» (ругою) и «особыми отъ мірянъ промышленными улусами, чѣмъ бы имъ, инокамъ, сытымъ быть, а не питаться мірскими слезами и воздыханьями».

Бесѣда оканчивается слѣдующимъ челобитьемъ царю отъ лица самого неизвѣстнаго автора: «воззрите, о чемъ писали преподобные Сергій и Германъ, а велѣли про таковое дѣло извѣщать, для управы міра сего. Безъ твоей царской добродѣтели къ Богу, не одолѣть и не попрать враговъ и всякихъ безчинниковъ, *не исправить въ радости воинства своего* и не соединить въ одно существо всего міра (русскаго). Царь-государь, смилуйся пожалуй, воздвигни и дозри!» [1])

Царь-государь, конечно, нисколько не былъ теперь расположенъ дѣлиться своею властію съ боярами, или жаловать ихъ на счетъ монашества. Но онъ все-таки не опускалъ изъ виду тѣхъ государственныхъ задачь, которыя связаны были съ вопросомъ о монастырскихъ вотчинахъ. Грозный царь грозенъ былъ и друзьямъ своимъ — монахамъ. Кому не извѣстно знаменитое сатирическое посланіе Гроз-

---

[1]) Въ изданіи проф. *Бодянскаго* нѣтъ этой челобитной, равно какъ и оглавленія бесѣды, въ которомъ она прямо усвояется Сергію и Герману, именно: „Мѣсяца сентября въ 11 день перенесеніе мощей преподобныхъ отецъ нашихъ Сергія и Германа, начальниковъ и игуменовъ валамскаго монастыря, *новыхъ* чюдотворцевъ, изъ Великаго Новагорода въ Корельской уѣздъ, въ обитель Всемилостиваго Спаса, на островѣ Валамѣ, на езерѣ Невѣ. Написанъ бысть образъ ихъ, Сергія и Германа, по благословенію иже во святыхъ отца нашего Іоанна архіепископа Великаго Новаграда, новаго чюдотворца“ и пр. Мы пользовались этимъ литературнымъ памятникомъ XVI вѣка по двумъ рукописнымъ сборникамъ бывшей Соловецкой библіотеки, № 923. 205. Ср. мою статью, подъ заглавіемъ: „земское (народное и общественное) направленіе русской литературы въ XVI вѣкѣ“, помѣщенную въ „Правосл. Собесѣд.“ за 1863 г. Мартъ, стр. 300—306.

наго въ Кирилловъ монастырь? Еще прежде (въ 1557 г.), отвѣчая на просьбу казанскаго архіепископа Гурія о пожалованіи земель для учреждаемаго тамъ монастыря, царь писалъ, между прочимъ: «только помни ты то, что есмя почасту реклъ, когда ты былъ игуменомъ, еже недобро монастыри богатити чрезъ потребу, и велики отчины давати; они бо симъ болѣе пустуютъ, пьянствуютъ и лѣнятся, а праздность на всяко зло влечетъ. А коли убоги, то болѣе трудятся, како бы достати хлѣбъ и одежду, а другое въ голову ему не пойдетъ»[1]. Оставаясь вѣрнымъ этому взгляду, Иванъ IV и теперь долженъ былъ не только умѣрять щедрость своихъ собственныхъ пожалованій монастырямъ, уже имѣющимъ вотчины, но и настаивать на мѣрахъ, принятыхъ на соборѣ 1551 года съ цѣлію преградить всѣ другіе пути къ переходу земель въ монастырскую собственность. То и другое требовалось еще постоянно возраставшимъ государственнымъ запросомъ на земли, какъ на единственный источникъ содержанія служилаго класса, съ избыткомъ наполняемаго, вмѣсто «выбывавшихъ» бояръ, людьми изъ нисшихъ слоевъ общества[2]. По всѣмъ этимъ причинамъ, Иванъ IV и послѣ соборнаго приговора 11 Мая 1551 года не переставалъ болѣе и болѣе стѣснять духовныхъ землевладѣльцевъ въ способахъ пріобрѣтенія новыхъ вотчинъ.

Кажется, вскорѣ послѣ упомянутаго соборнаго приговора изданъ указъ о вотчинахъ и купляхъ служилыхъ

---

[1]) Продолж. Древ. Росс. Вивліоѳ. ч. V, стр. 244.

[2]) Около 1565 года двое опальныхъ и бѣглыхъ бояръ — Тимоѳей Тетеринъ и Маркъ Сырагозинъ писали изъ Литвы къ царскому намѣстнику въ Дерптѣ: „есть у великаго князя новые вѣрники, дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ емлютъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ". Сказанія Курбскаго, прим. 220, стр. 341.

людей — бездѣтныхъ. Такимъ лицамъ предоставлено право отчуждать и, въ частности, отдавать въ монастыри по душѣ только до *половины* своихъ вотчинъ; но купли какъ *личную*, а не родовую собственность, вольно было всякому и продавать, и закладывать, и отдавать по душѣ [1]).

Въ 1557 году подтвержденъ и точнѣе опредѣленъ принятый на соборѣ 1551 года порядокъ выкупа вотчичами родовыхъ земель (вотчинъ), отдаваемыхъ въ монастыри по душахъ. Именно, законнымъ наслѣдникамъ завѣщателя дано право оспаривать назначенную въ завѣщанiи выкупную цѣну, если она казалась имъ слишкомъ высокою и если самая духовная не была еще подписана и запечатана. По иску, начатому при этомъ послѣднемъ условiи, дозволялось давать истцамъ «мѣрщиковъ» и выкупать вотчины у монастырей «по мѣрѣ, чего онѣ стоютъ» [2]).

Въ 1562 году подтвержденъ, съ нѣкоторыми важными дополненiями, старинный указъ, запрещавшiй служебнымъ князьямъ и жителямъ недавно присоединенныхъ къ Москвѣ городовъ (именно: Твери, Торжка, Ярославля, Рязани, Бѣлаозера и Романова) отчуждать свои вотчины и, въ частности, отдавать ихъ въ монастыри по душахъ [3]). Съ тѣмъ вмѣстѣ высказано, въ видѣ общаго правила, что вотчины бездѣтныхъ служебныхъ князей, отбираются на государя. Всѣ личныя распоряженiя такихъ вотчинниковъ, противныя изложенному правилу, признаны недѣйствительными. Въ частности опредѣлено: если бездѣтный служилый князь въ духовной грамотѣ напи-

[1]) Этотъ указъ приписанъ, безъ даты, къ 85 статьѣ Судебника въ одномъ (Голицинскомъ) спискѣ. См. А. И. I, стр. 246, прим. 25. Мы относимъ его ко времени, близкому къ изданiю соборнаго приговора 11 мая 1551 года, на томъ основанiи, что въ позднѣйшихъ указахъ о томъ же предметѣ (напримѣръ въ указѣ 1562 года, изложенномъ далѣе въ текстѣ) не видно уже права бездѣтныхъ вотчинниковъ свободно распоряжаться половиною своихъ вотчинъ.

[2]) А. И. I, № 154. VI.

[3]) Срав. выше стр. 37.

шетъ «душу свою съ тое вотчины строити», то исполненіе этого пункта относить или на движимое имущество завѣщателя («изъ животовъ»), или, за неимѣніемъ таковаго, на счетъ царской казны («розсудя по вотчинѣ»), или, наконецъ, на обязанность родственниковъ, которыхъ «пожалуетъ государь тою вотчиною». Тѣмъ же правиламъ подчинены и другіе вотчинники—бояре и дѣти боярскіе, съ тою только разницею, что устроеніе душъ ихъ прямо отнесено на счетъ царской казны [1]).

Подтвердивъ еще разъ, въ общихъ чертахъ, тоже самое «старое государево уложеніе», соборъ духовенства и бояръ 9 Октября 1573 года приговорилъ новую и болѣе рѣшительную мѣру: «впредь въ большіе монастыри, у которыхъ земель много, не отказывать вотчинъ; если же кто завѣщаетъ такому монастырю свою вотчинную землю, то ее въ Помѣстной Избѣ не записывать за монастыремъ, а отдать роду и племени — служилымъ людямъ, чтобъ въ службѣ убытка не было, и земля бы изъ службы не выходила». Но бѣднымъ, малоземельнымъ монастырямъ и теперь еще оставлено право пріобрѣтать вотчины отказами на поминокъ души, впрочемъ — не иначе, какъ по боярскому приговору и съ доклада государю. Вотчины, закрѣпленныя такимъ образомъ за монастырями, впредь уже не должны были подлежать выкупу со стороны родственниковъ завѣщателя [2]).

Итогомъ всѣхъ мѣропріятій Ивана IV и вмѣстѣ послѣднимъ законодательнымъ словомъ древней, допетровской Руси по вопросу о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ былъ соборный приговоръ 15 Января 1580 года [3]).

---

[1]) А. И. I, № 154. XVIII.

[2]) Тамъ же, XIX.

[3]) Подлинный текстъ этого соборнаго приговора изданъ въ Собраніи Госуд. Грам. и Догов. (т. I, № 200) и въ Продолж. Древ. Росс. Вивліоѳ.

Этимъ приговоромъ окончательно отняты у архіереевъ и монастырей всѣ способы къ увеличенію своихъ вотчинъ, кромѣ одного—пожалованія, которое, впрочемъ, обѣщано только монастырямъ «убогимъ», малоземельнымъ и безземельнымъ. Побужденія къ столь рѣшительной мѣрѣ подробно изъяснены самимъ соборомъ или, вѣрнѣе сказать, самимъ царемъ, созвавшимъ духовныхъ властей по поводу критическихъ обстоятельствъ, въ какихъ находилось тогда государство. Собору поставлено на видъ бѣдственное положеніе страны, изнуренной продолжительными и, большею частію, неудачными войнами почти со всѣми сосѣдями; исчислены жертвы, понесенныя для защиты отечества государемъ и всѣми сословіями, кромѣ неслужилаго и мало-тяглаго духовенства, которое сравнительно ничего не теряло, напротивъ—пользовалось своимъ вліяніемъ и богатствомъ, чтобы увеличивать свои владѣнія «не токмо по благословнѣй винѣ, но и съ ухищреніемъ и тяжею»; указана несообразность такихъ отношеній ни съ пользою для самой Церкви,— такъ какъ всѣ архіерейскіе и монастырскіе доходы «въ пустошь изнуряются, ради пьянственнаго, непотребнаго и слабаго житія» духовныхъ землевладѣльцевъ, — ни съ нуждами государства, которое, вслѣдствіе чрезвычайнаго накопленія поземельныхъ богатствъ въ рукахъ духовенства, не находило болѣе средствъ для содержанія воинскаго чина, терпѣвшаго «оскудѣніе веліе». По этимъ причинамъ или, выражаясь словами соборнаго приговора, для того, «да церкви Божія и священныя мѣста безъ мятежа пребудутъ, а во-

---

(ч. VII, № 216); позднѣйшій списокъ, съ неправильною датою (1581 г.)— въ I томѣ А. Э. № 308.— Ученые, пользующіеся послѣднимъ изданіемъ, болѣе распространеннымъ, не всегда обращаютъ вниманіе на хронологическую поправку издателей, помѣщенную въ концѣ тома, и относятъ соборъ къ 1581 году (См. напримѣръ у *Милютина*, о недвижимыхъ имуществахъ духовенства, стр. 413; у *Горчакова*, о земельныхъ владѣніяхъ, стр. 165 и др.).

инскій чинъ на брань противу враговъ креста Христова ополчается крѣпце», соборъ—

1) Торжественно провозгласилъ неприкосновенность наличныхъ владѣній Церкви, какъ изстариныхъ и безспорныхъ, такъ и тѣхъ, которыя, до дня изданія настоящаго приговора, вновь пріобрѣтены церквами и монастырями по завѣщаніямъ на поминокъ по душахъ. «Сице устроихомъ (такъ выразилъ соборъ это опредѣленіе): да елико есть земель и земляныхъ угодей, еже есть села и деревни, и пожни и сѣножати, что до сего *даная* и *возложеная Богови* въ митрополіи, и въ епископіяхъ, и по монастыремъ, да ничтоже претворяется, и изъ митрополіи, и изъ епископій, и изъ монастырей не исходитъ. И *вотчины* (т. е. земли, отданныя церквамъ и монастырямъ частными собственниками) ни которымъ судомъ, ни тяжею у митрополита, и у владыкъ, и у монастырей не отъемлютъ и не выкупаютъ; хотя которое мѣсто и не утвержено крѣпостьми, и того у монастыря не выкупити, и впредь съ монастыри о вотчинахъ не тягатися». Только о *княженецкихъ* вотчинахъ, которыя «прежь сего даваны» по душахъ, сдѣлана оговорка, что въ нихъ «воленъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцовъ пожалуетъ».

2) Окончательно и безусловно запретилъ архіереямъ и монастырямъ покупать и брать въ закладъ или по душахъ вотчины служилыхъ людей, вообще—увеличивать свои владѣнія какимъ-бы то ни было способомъ («никоторыми дѣлы»). Всѣ такія пріобрѣтенія впредь положено отбирать на государя безденежно. Только относительно отказовъ на поминокъ по душахъ сдѣлано исключеніе—въ томъ смыслѣ, что вотчинники имѣютъ право завѣщевать въ монастыри, вмѣсто вотчинъ, равную ихъ стоимости денежную сумму, которая выплачивается наслѣдниками завѣщателя, будутъ-ли то его родственники, или сама казна. — Но бѣднымъ мо-

настырямъ и теперь еще дозволено просить государя о снабженіи ихъ землею: «и государь, съ митрополитомъ соборнѣ и съ бояры поговоря, устроитъ тотъ монастырь землею, какъ будетъ пригоже, какъ ему мочно прожити».

3) Приговорилъ отобрать на государя всѣ вотчины, которыя, до 15 Января 1580 года, были *куплены* или *взяты въ закладъ* архіереями и монастырями у служилыхъ людей: «а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ», т. е. возвратитъ покупщикамъ и вѣрителямъ ихъ деньги, или нѣтъ.

Говоря о соборѣ 1580 года, мы не можемъ пройти молчаніемъ разсказъ англичанина Горсея, который былъ приближеннымъ человѣкомъ у Ивана IV, въ послѣдніе годы его царствованія, и котораго Карамзинъ признаетъ за достовѣрнѣйшаго свидѣтеля придворныхъ событій этого времени[1]). По словамъ Горсея, царь, задумавъ бѣжать въ Англію и не находя для этого достаточныхъ средствъ въ своей казнѣ, истощенной продолжительными войнами, потребовалъ отъ духовныхъ властей чрезвычайныхъ пожертвованій на государственныя нужды. Соборъ, созванный для разсужденія по этому дѣлу, приготовилъ-было отвѣтъ отрицательный. Узнавъ о такомъ рѣшеніи чрезъ своихъ шпіоновъ, царь позвалъ къ себѣ епископовъ и игуменовъ, которые сильнѣе другихъ возражали противъ его требованія, и произнесъ предъ ними грозную рѣчь, въ которой говорилъ, между прочимъ: «мы извѣщены о вашихъ совѣщаніяхъ и о томъ, на что вы рѣшились.... Мои слова о бѣдствіяхъ государства и о нуждахъ народа, о печальномъ исходѣ многихъ дѣлъ, не возбудили въ васъ сожалѣнія и не смягчили васъ. Что же мы воздадимъ вамъ за это? Дворянство и народъ вопіетъ къ намъ съ своими жалобами,

---

[1]) И. Г. Р. IX, примѣч. 754.

что вы, для подержанія своей власти, присвоили себѣ всѣ богатства страны, торгуете всякаго рода товарами, налагаете и берете мыта со всѣхъ проѣзжихъ, пользуетесь привилегіями, не платите нашему престолу ни пошлинъ, ни военныхъ издержекъ. Вы застращали робкую совѣсть благороднѣйшаго, лучшаго и полезнѣйшаго класса нашихъ подданныхъ и захватили себѣ въ собственность *третью часть*, какъ оказывается, городовъ, посадовъ, и деревень нашего государства.... Вы покупаете и продаете души нашего народа, ведете жизнь самую дурную, утопаете въ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ, дозволяете себѣ ужаснѣйшіе грѣхи: вымогательство, взяточничество и непомѣрные росты.... Много мы должны отвѣчать предъ Богомъ за то, что многихъ, болѣе достойныхъ, попустили умереть вмѣсто васъ: Богъ да проститъ мнѣ пристрастіе къ вамъ!... Я часто вынуждаемъ былъ вашими пороками возстановлять права тысячей моего бѣднаго дворянства, отъ предковъ котораго перешла къ вамъ большая часть имѣній и доходовъ, которые по всей справедливости должны принадлежать имъ: ибо они жертвовали своею жизнію и трудомъ за вашу безопасность и за ваше обогащеніе. Весь мой нѣкогда зажиточный народъ обѣднѣлъ чрезъ ваши грабежи и дьяволскіе обманы, тогда какъ вы должны бы были возстановлять и поддерживать цвѣтущее состояніе земства.... Ваши доходы далеко превышаютъ то, что обыкновенно вы можете истратить, даже при вашемъ роскошномъ и расточительномъ образѣ жизни. Такъ какъ мое дворянство и служилые люди чрезъ все это находятся въ упадкѣ и наша казна истощена, то мы, по тайному вдохновенію святыхъ душъ чудотворцевъ, которымъ вы служите и обязаны своимъ многочисленными богатствами, которыя лежатъ у васъ и не употребляются на духовныя нужды,—именемъ ихъ и всѣхъ святопочившихъ вкладчиковъ и благодѣтелей вашихъ, заклинаемъ

васъ, чтобы вы въ назначенный день доставили мнѣ вѣрнѣйшій и точнѣйшій инвентарь всѣхъ сокровищъ и доходовъ, получаемыхъ каждою вашею обителью отъ того, что за нею числится во владѣніи».

Пока епископы, продолжаетъ Горсей, искали средствъ, какъ бы отвратить опасность, царь устроилъ травлю архіереевъ и монаховъ медвѣдями, которая побудила соборъ поспѣшить составленіемъ и подачею требуемаго инвентаря. Въ докладѣ, приложенномъ къ этому документу, сказано было, что всѣ исчисленныя здѣсь богатства составляютъ достояніе каждаго святаго или основателя обители, порученныя распоряженію ихъ преемниковъ на вѣчныя времена, для содержанія основанныхъ ими церквей и обителей, въ памятъ всѣмъ вѣкамъ, и что святыя души угодниковъ Божіихъ не потерпятъ произвола или нарушенія того, что завѣщано ими съ этою цѣлію. Въ противномъ случаѣ, не благоугодно-ли будетъ царю дать подлинное свидѣтельство, для заявленія о случившемся грядущему потомству. Дѣло кончилось, по словамъ Горсея, тѣмъ, что царь вытребовалъ у духовенства громадную сумму денегъ (300,000 ф. стер.) и, кромѣ того, взялъ на себя множество округовъ, посадовъ, деревень, земель и другихъ недвижимостей, подъ предлогомъ болѣе достойнаго распоряженія ими [1]).

Не смотря на явную путаницу событій въ этомъ разсказѣ [2]), мы не сомнѣваемся видѣть въ немъ — именно раз-

---

[1]) Мы пользовались „Запискою" Горсея о Россіи въ русскомъ переводѣ, напечатанномъ въ „Библіотекѣ для чтенія" за 1865 годъ (№ 4—6), съ предисловіемъ и примѣчаніями г. Костомарова.

[2]) Именно, въ этомъ разсказѣ соединены событія, раздѣленныя, по крайней мѣрѣ, 5-тилѣтнимъ промежуткомъ. Такъ, примѣры казни архіереевъ и монаховъ медвѣдями въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаются только подъ 1575 годомъ. Съ другой стороны, Горсей относитъ ко времени собора о церковныхъ имуществахъ пятый бракъ царя (съ дочерью Ѳедора Нагова), что дѣйствительно было въ 1580 году.

сказъ, и очень правдоподобный, о соборѣ 1580 года. Вопервыхъ, грозная рѣчь царя, хотя бы и украшенная словоохотливымъ иноземцемъ, слышна отчасти въ самомъ соборномъ приговорѣ, который, какъ мы видѣли, довольно рѣзко выражается о нравственной жизни духовныхъ землевладѣльцевъ и вообще описываетъ современныя обстоятельства, и причины созванія собора совершенно также, какъ и царь у Горсея. Другая черта разсказа, именно та, что царь потребовалъ отъ архіереевъ и монастырскихъ властей точный и подробный инвентарь ихъ доходовъ, съ цѣлію обратить излишнее на военныя издержки, подтверждается нѣкоторыми (вѣроятно, черновыми) списками соборнаго опредѣленія, которые вносились потомъ въ число дополнительныхъ указовъ къ Судебнику. Такъ въ сводномъ Судебникѣ, по изданію Максимовича, соборный приговоръ 15 Января 1580 года начинается слѣдующею статьею: «вопервыхъ, да исчислятся вся освященныхъ архіепископовъ и епископовъ и монастырей оброки и уравняются по чину коегождо: архіепископомъ всѣмъ поровну, владыкамъ межь собою поровну, также старцамъ и старицамъ всюду, по числу ихъ, поровну, елико на пропитаніе и одежды довольно, да не оскудѣваютъ ни въ чемъ, ни избыточествуютъ въ пьянствѣ и непотребствахъ, еже Богу мерзко. А елико избытка въ пустошь (изнуряется), оная взяти на воинскій чинъ, борющійся съ нечестивыми по царскому суду»[1]. Этотъ пунктъ не внесенъ въ подлинный актъ соборнаго приговора потому, конечно, что онъ былъ не болѣе, какъ проэктомъ новой законодательной мѣры, для осуществленія которой требовались слишкомъ сложныя и трудныя для того времени предварительныя работы[2].

---

[1]) *Максимовичъ*, Указатель Росс. Законовъ, ч. I, стр. 103.

[2]) Всего труднѣе было составить точные инвентари архіерейскихъ доходовъ, которые получались не только съ вотчинъ, но также съ судныхъ и административныхъ дѣлъ. Впрочемъ, начало этой работы, кажется, уже те-

Далѣе, свидѣтельство Горсея о докладѣ, который приложенъ былъ къ инвентарю архіерейскихъ и монастырскихъ доходовъ, заслуживаетъ вѣроятія и само по себѣ (ибо содержаніе доклада передается въ такихъ типическихъ выраженіяхъ, въ которыхъ нельзя не видѣть довольно точнаго перевода русскаго подлинника [1]), и по сравненію съ первымъ пунктомъ подлинной соборной грамоты, гдѣ, какъ мы видѣли, содержится постановленіе о неотъемлемости наличныхъ церковныхъ имуществъ. Наконецъ, извѣстіе объ отобраніи на царя значительнаго количества земель архіерейскихъ и монастырскихъ прямо оправдывается распоряженіемъ собора о вотчинахъ, купленныхъ или взятыхъ въ закладъ духовенствомъ до 1580 года.

Съ исторической точки зрѣнія, соборный приговоръ 15 Января 1580 года важенъ не только въ смыслѣ закона, точно опредѣляющаго будущую судьбу церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ (ихъ неубавляемость и неприбавляемость), но и какъ административная мѣра, вызванная частыми нарушеніями прежнихъ законовъ, запрещавшихъ духовенству увеличивать свои владѣнія. Мы видимъ отсюда, что монастыри и послѣ соборнаго опредѣленія 1573 года продолжали пріобрѣтать себѣ земли и отказами по душахъ, и куплею, и принятіемъ ихъ въ закладъ. *Косвенные* поводы къ такимъ противузаконнымъ пріобрѣтеніямъ весьма часто подавалъ самъ же законодатель. Мы говоримъ объ извѣстныхъ опалахъ и казняхъ, которыми наполнена вторая половина царствованія Грознаго (1564—1584) и которыя въ двоякомъ отношеніи благопріятствовали увеличенію мона-

---

перь было сдѣлано; по крайней мѣрѣ, въ царскомъ архивѣ того времени имѣлась выпись митрополичьихъ пошлинъ и доходовъ отъ подписи церковныхъ грамотъ (А. Э. 1, № 289, стр. 350).

[1]) Самъ Горсей, изложивъ содержаніе доклада, замѣчаетъ: „я сколько могъ, *перевелъ буквально этотъ подлинникъ*". Библіот. д. чт. № 5, стр. 46.

стырскихъ вотчинъ. Вопервыхъ, многіе изъ опальныхъ бояръ волею, а чаще неволею, постригались въ монашество; предъ вступленіемъ въ монастырь, они обязаны были, по общему обычаю, внести за себя приличный вкладъ, т. е. извѣстную часть своихъ вотчинъ. Царь тѣмъ менѣе могъ препятствовать вносу такихъ вкладовъ, что въ противномъ случаѣ политическіе постриженики составили бы для монастырей и монаховъ тяжкое бремя, способное внести духъ крамолы въ самыя «государевы богомолья». Да и стоило-ли царю жалѣть происходящей отсюда убыли служилыхъ земель, когда вмѣстѣ съ нею убывало число самихъ бояръ-крамольниковъ [1]) и когда остальная (и, безъ сомнѣнія, большая) часть ихъ вотчинъ отбиралась въ дворцовое вѣдомство? — Вовторыхъ, страхъ опалъ и казней побуждалъ вотчинниковъ вступать съ различныя тайныя сдѣлки съ монастырями, чтобы на черный день сохранить что нибудь себѣ или своимъ семействамъ. Всего чаще совершалась, кажется, купля-продажа, подъ видомъ отказа по душахъ, предварительнаго вклада на постриженіе, займа подъ залогъ вотчинъ на потребности службы и т. п. Входя въ такія противузаконныя сдѣлки, монастыри, конечно, рисковали потерять и деньги и вотчину; но рискъ этотъ былъ не великъ, такъ какъ изъ частныхъ лицъ болѣе находилось охотниковъ продавать, нежели покупать вотчины; слѣдовательно, за недостаткомъ

---

[1]) Объ этихъ невольныхъ постриженикахъ Курбскій дѣлаетъ интересное общее замѣчаніе: „егда на нѣкоихъ разгнѣвается (царь), тогда ихъ силою въ мнихи стрижетъ и съ женами и съ малыми дѣтками, и въ вѣчное предаетъ заточеніе въ монастыряхъ твердыхъ и въ темныхъ кельяхъ, чиняще святыя мѣста твердынями адскими, *согласующимъ ему и потакающимъ преокаяннымъ нѣкоторымъ и лукавымъ мнихомъ* (Сказанія, стр. 340, прим. 214) Послѣднія слова показываютъ, что монахи находили выгоднымъ имѣть въ числѣ братства знатныхъ, хотя бы и невольныхъ, постриженниковъ. На эти выгоды намекаетъ и самъ царь въ своемъ извѣстномъ посланіи въ Кирилловъ монастырь, приписывая обѣдненіе нѣкоторыхъ обителей тому, что въ нихъ, вслѣдствіе упадка дисциплины и благочестія, *никто не постригается*.

конкуренціи, монастыри могли пріобрѣтать богатые земельные участки по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Съ другой стороны, «царскія богомолья» всегда могли расчитывать на царское пожалованіе, т. е. на укрѣпленіе правъ своихъ жалованною грамотою. Все это нужно имѣть въ виду, чтобы правильно понимать историческій смыслъ соборнаго приговора 15 Января 1580 года и вообще не преувеличивать *дѣйствительнаго* значенія законодательныхъ мѣръ Ивана IV по вопросу о монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ. Онъ не только не спасъ Россіи отъ обращенія въ монастырскую собственность, какъ утверждаютъ нѣкоторые [1]), но едвали не болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ содѣйствовалъ чрезвычайному обогащенію монастырей землями. Поставивъ вотчины на одну линію съ помѣстьями, обусловивъ всѣ частныя права на тѣ и другія обязанностями службы, держа служилыхъ людей въ постоянномъ страхѣ за свои земли и головы, Грозный на столько умалилъ выгоды частнаго землевладѣнія, что вотчинники безъ особеннаго сожалѣнія поступались духовенству своими родовыми имуществами, расчитывая по крайней мѣрѣ, въ случаѣ опалы и казни, обезпечить себѣ вѣчное церковное поминовеніе. Да и самъ царь, потерявшій теперь равновѣсіе духа, поминутно переходившій отъ лютыхъ казней къ усерднымъ молитвамъ и щедрымъ подаяніямъ за упокой казненныхъ, не рѣдко дѣйствовалъ вопреки своимъ собственнымъ запрещеніямъ отдавать вотчинныя земли по душахъ. Такъ въ 1575 году онъ далъ по душѣ князя Ивана Бѣльскаго два села Кириллову монастырю (богатѣйшему послѣ Сергіева) и одно — суздальскому архіерейскому дому [2]). Общій результатъ всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ наглядно представ-

[1]) Напримѣръ, *Лохвицкій* въ поцитованномъ сочиненіи о церковной администраціи въ древней Россіи.

[2]) А. Ю., № 126. А. И. I № 200. Срав. № 182.

ляется въ писцовыхъ книгахъ, составленныхъ вскорѣ послѣ смерти Грознаго. Такъ изъ отрывка московской приправочной книги 1586 года [1]) видно, что въ Горетовомъ стану,—вблизи самой столицы, гдѣ особенно были дороги служилыя земли,—состояло за церквами и монастырями гораздо болѣе земель, нежели за другими частными владѣльцами и даже за самимъ государемъ [2]); видно также, что многія изъ этихъ земель *вновь* перешли къ духовнымъ владѣльцамъ отъ свѣтскихъ [3]).

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о мѣрахъ, принятыхъ Иваномъ IV, во вторую половину своего царствованія, относительмо *существующихъ*, *наличныхъ* церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ,—тѣхъ, которыя въ юридическомъ смыслѣ признавались безспорными, а въ каноническомъ—неотъемлемыми и неотчуждаемыми. Тутъ вся задача для правительства ограничивалась только вопросомъ о правильномъ и цѣлесообразномъ употребленіи архіерейскихъ и монастырскихъ доходовъ. Мысль объ ихъ излишествѣ, въ сравненіи съ дѣйствительными потребностями собственниковъ (архіерейскихъ домовъ и монастырей), и о необходимости обратить излишнее на общецерковныя и государственныя нужды,—эта мысль, выраженная еще въ царскихъ во-

---

[1]) Онъ изданъ *Бѣляевымъ* во Времен. Общ. Ист. и Древ. Росс. кн. XIII, отд. II, стр. 147—166, съ краткимъ, но дѣльнымъ предисловіемъ, которымъ мы отчасти воспользовались въ нашемъ текстѣ.

[2]) Именно, въ монастырскомъ и церковномъ владѣніи находилось 9422 четверти пахатной земли; въ вотчинномъ и помѣстномъ — только 5780; въ государевомъ — 8649 См. предисл. Бѣляева, стр. VI—VIII).

[3]) На это указываютъ отмѣтки въ книгѣ о прежнихъ владѣльцахъ, напримѣръ: „Воскресенскаго монастыря, что было прежде за княземъ Никитою Федоровымъ Прозоровскимъ въ вотчинѣ, сельцо Короваева (стр. 151).—Троицы Сергѣева монастыря Федоровскія вотчины Иванова сына Хабарова (всего 2866 чети, стр. 155).—Новодѣвича монастыря, большаго Повольскаго, что была прежь того князь Васильевская вотчина, княжь Андреева сына Молотцкаго“ (стр. 152).

просахъ собору 1551 года, не покидала Ивана IV во все время его продолжительнаго правленія. Такъ въ 1555 году, по случаю открытія казанской епархіи, положено было отнести (временно) содержаніе тамошняго архіерейскаго дома и свіяжскаго монастыря на счетъ другихъ архіереевъ и всѣхъ вообще монастырей [1]), съ которыхъ, дѣйствительно, взималась на этотъ предметъ опредѣленная посошная подать, пока дѣла новоучрежденной каѳедры не устроились обыкновеннымъ царскимъ пожалованіемъ [2]). Завоеваніе Казани послужило поводомъ къ наложенію на монастыри и другой церковной повинности - содержать новокрещенныхъ татаръ, до ихъ утвержденія въ христіанской вѣрѣ [3]). Что же касается до государственнаго тягла духовныхъ

---

[1]) Никон. лѣтоп. VII, стр. 231: „уложилъ... царь... владыкѣ и всѣмъ церквамъ обѣщанное Богу изъ всѣхъ доходовъ казанской земли десятое, а *сперва* митрополитъ и всѣ владыки и монастыри пособствуютъ казанскому владыкѣ деньгами и хлѣбомъ".

[2]) Такъ въ новогородской лѣтописи уже подъ 1555 годомъ замѣчено о сборѣ денегъ съ тамошнихъ монастырей на казанскаго владыку (Карамзинъ, VIII, прим. 587). Изъ платежной Кириллова монастыря за 1558 годъ видно, что подати въ пользу новой каѳедры взималось съ монастырей по два рубля съ сохи, такъ что Кирилловъ заплатилъ въ означенномъ году съ 23 безъ четверти сохъ 45 рублей съ полтиною, да прибавки, по случаю тогдашней дороговизны хлѣба, 16 рублей 5 алтынъ съ деньгою (А. Ю. № 209). Вѣроятно, изъ этого сбора съ архіереевъ и монастырей и составлялась сумма царскаго жалованія въ 865 рублей, которая ежегодно выдавалась архіепископу Гурію (А. Э. I, № 202, стр. 264). Когда сборъ этотъ прекратился, неизвѣстно. Изъ вышеприведенной платежной Кириллова монастыря видно, что въ 1558 году онъ еще продолжался, хотя казанская каѳедра, уже съ перваго года своего существованія, стала получать жалованныя грамоты на земли и угодья (См. А. И. I, № 262).

[3]) Уже въ наказѣ первому казанскому архіепископу Гурію предписано: лучшихъ новокрещенныхъ татаръ держать въ епископіи, поучать ихъ закону христіанскому и *покоить*, а другихъ раздавать для крещенья по монастырямъ (А. Э. I, № 241, стр. 259). О новокрещенныхъ татарахъ, содержавшихся въ новогородскихъ монастыряхъ, говорятъ и лѣтописи (Пол. собр. лѣтоп, III, стр. 157, подъ 1555 годомъ) и царскія грамоты (Доп. къ А. И.

землевладѣльцевъ, то оно, при Иванѣ IV, расло въ такой же мѣрѣ, въ какой отнимались у нихъ прежнія разнообразныя льготы [1]). Особенно увеличилась военная повинность духовенства, которая отбывалась имъ, вмѣсто личной службы, денежною и натуральною податью [2]), поставкою даточныхъ людей [3]), испомѣщеніемъ на своихъ земляхъ бояръ и дѣтей боярскихъ [4]). Не разъ прибѣгалъ Грозный и къ чрезвычайнымъ, насильственнымъ мѣрамъ обогащенія казны на счетъ духовныхъ землевладѣльцевъ. Особенно сильно пострадало въ этомъ отношеніи новогородское духовенство, постоянно подозрѣваемое царемъ въ измѣнѣ. Такъ въ 1570 году, во время извѣстнаго новогородскаго погрома, Иванъ предалъ тамошнія церкви и мо-

I, № 97). Въ указѣ 1559 года упоминаются также „новокрещенные, которые живутъ по монастырямъ“ (Дополн. къ Судебнику № XIII).

[1]) См. объ этомъ въ сочиненіи *Милютина* „о недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи“, стр. 384—389.

[2]) А. Э. I, № 205.—Доп. къ А. И. I, № 107 и др.

[3]) Такъ въ 1571 году велѣно по всѣмъ новогородскимъ монастырямъ ставить слугъ монастырскихъ на службу, „съ лошадьми и пансыри и со всѣмъ запасомъ“, и отправлять въ Москву. Пол. собр. лѣтоп. III, стр. 168.

[4]) Эта повинность преимущественно лежала на архіереяхъ, въ штатѣ которыхъ, какъ извѣстно, находились цѣлые боярскіе роды, болѣе и болѣе привлекаемые теперь на государственную службу. Замѣчательное общее свидѣтельство объ нихъ находится у Курбскаго: „тамъ есть, въ той землѣ, обычай: на церковной землѣ мнози мужіе благородные свѣтлыхъ родовъ имѣнія маютъ, во время мирное архіепископомъ служатъ, а егда брань належитъ отъ супостатовъ окрестныхъ, тогда и въ войску христіанскомъ бываютъ которые не хиротонисанны.“ Сказ., стр. 106. Въ частности, о софійскихъ боярскихъ дѣтяхъ, испомѣщаемыхъ новогородскими архіепископами, см. А. И. I, № 183. 185. 285. Что это испомѣщеніе совершалось преимущественно въ интересахъ государевой службы, видно изъ помѣстной грамоты, данной въ 1573 году архіепископомъ Леонидомъ. Здѣсь сказано, что помѣстье, принадлежавшее прежде боярскому сыну Прокофью Епишкову, отдается теперь его братьямъ, на томъ основаніи, что брата ихъ Прокофья убили *на государевой службѣ*, и въ его мѣсто *служити государьская служба* Девятому Епишкову“ (№ 185).

настыри на разграбленіе, кромѣ того, велѣлъ «править» на архіепископѣ и монастыряхъ громадную контрибуцію и отобрать у нихъ всѣ жалованныя (крѣпостныя и льготныя) грамоты на вотчины [1]). Результатомъ этой послѣдней мѣры было отобраніе на государя значительнаго количества архіепископскихъ и монастырскихъ земель, какъ видно изъ писцовыхъ новогородскихъ книгъ 1581—1583 года [2]). Нѣчто подобное новогородскому погрому потерпѣла отъ Грознаго

[1]) Пол. собр. лѣтоп. III, стр. 164: „лѣта 7079, Октября 13, повезли изъ Новогорода къ Москвѣ казну, которую правилъ Константинъ Поливановъ, да Угримъ Васильевъ Безопишевъ, на монастыряхъ, 13 тысящь." — Тамъ же стр. 163: „мѣсяца Августа въ 30, въ среду, взялъ государь по монастыремъ грамоты къ себѣ, къ Москвѣ, жалованныя по всѣмъ; и пришла грамота по всѣмъ монастыремъ съ Москвы, по грамоты, въ Великій Новгородъ, мѣсяца Августа въ 29 день."

[2]) Эти писцовыя книги изданы въ сокращеніи *Неволинымъ* (о пятинахъ и погостахъ, приложенія № III, IV, VI, IX, XII) и *Бѣляевымъ* (Времен. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1850, кн. VI, отд. II). Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ описанія каждой пятины: 1) *Вотьской* (1582 г.): „въ Кречневскомъ погостѣ села и деревни, что были за архіепископомъ и за монастырями, а послѣ приписаны къ селу (дворцовому) Королеву. Всего 9 деревень, а въ нихъ по старымъ писцовымъ книгамъ 17 обежь съ полуобжею (Времен. стр. 28). 2) *Обонежской* (1583): „въ Кожельскомъ погостѣ деревни, что были Аркажа монастыря, а послѣ... отписаны на государя и розданы въ помѣстья дѣтямъ боярскимъ нѣмецкихъ городовъ." Въ томъ же погостѣ — 24 деревни пустыхъ, что были Аркажа монастыря *новоотписныя* (Тамъ же, стр. 69 71. Срав. А. И. 1, № 222). Въ Рожественскомъ погостѣ на Олонцѣ села и деревни и пустоши и селища и займища царя и в. князя дворцовые, что прежь сего отписаны у новогородскаго архіепископа Пимина (*Неволинъ*, прилож., стр. 153). 3) *Шелонской* (1582 — 82): „погостъ Вшелской царя и в. князя, что былъ прежь того владычная волость" (тамъ же, стр. 81). Погостъ Любынской, что была царя и в. князя новоприписная волость, что была прежь того Юрьева монастыря, а нынѣ роздана по государевѣ грамотѣ новымъ помѣщикомъ нѣмецкихъ городовъ (стр. 91). 4) *Деревской* (1581—82): „въ Нарѣцкомъ погостѣ юрьевскій помѣщикъ — на землѣ бывшей Воскресенскаго монастыря изъ Гончарскаго конца (стр. 255). 5) *Бѣжецкой* (1582—83): „въ Никольскомъ погостѣ на Вышнемъ Волочкѣ царевы и в. князя пожни, что были владычни" (стр. 321) и др.

и вся русская Церковь. Именно, въ 1575 году, поставивъ извѣстнаго касимовскаго царевича Саинъ-Булата, во св. крещеніи Симеона Бекбулатовича, царемъ надъ земщиной, Иванъ, по свидѣтельству Флетчера и Горсея, внушилъ ему отобрать у архіереевъ и монастырей всѣ крѣпостныя и льготныя грамоты, для переписки ихъ на свое царское (т. е. Симеоново) имя. Затѣмъ, какъ бы снисходя на жалобы духовенства, привилегіи котораго при новомъ царѣ потеряли всю свою силу, старый царь чрезъ годъ опять принялъ управленіе въ свои руки и возвратилъ грамоты по принадлежности, но не преминулъ взять съ архіереевъ и монастырей, за эту милость, огромную сумму денегъ и, сверхъ того, оставилъ за собою столько земель, сколько ему было угодно [1]. Имѣя въ виду, съ одной стороны, общее политическое значеніе такой чрезвычайной мѣры, какъ поставленіе особаго царя надъ земщиной [2], съ другой — старый обычай подтвержденія жалованныхъ грамотъ при каждомъ новомъ царствованіи, наконецъ—примѣръ временной отмѣны всѣхъ тархановъ духовенства соборнымъ приговоромъ 20 Іюля 1584 года, состоявшимся вскорѣ по смерти Грознаго [3], мы признаемъ разсказъ названныхъ иностранцевъ вполнѣ правдоподобнымъ.

---

[1]) La Russie en XVI, siècle par Fletcher, trad. par Bouset 1864 p. 126. 127 — Горсей, Записка о Московіи въ Библіот. для чтенія 1865, № 4 стр. 48.

[2]) О назначеніи Симеона царемъ земщины и о сведеніи его чрезъ годъ на Тверь говорятъ и наши лѣтописи. См. *Вельяминова — Зернова* о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ ч. II, стр. 24. 25.

[3]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. I, № 202.

V.

Общій обзоръ препятствій, съ которыми должны были бороться московскіе государи XVI вѣка, стремившіеся ограничить вотчинныя права духовенства

Соборнымъ приговоромъ 15 Января 1580 года оканчивается первый періодъ историческаго развитія у насъ идеи секуляризаціи церковныхъ и монастырскихъ имѣній. Трудный вопросъ, занимавшій московское правительство въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія, разрѣшенъ былъ на столько, насколько того требовали вопіющія государственныя потребности. Но конечная цѣль стремленій Ивана III и его соименнаго внука оказалась, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, совершенно недостижимою. На пути къ ней лежали такія препятствія, которыхъ не могла одолѣть ни холодная расчетливость одного государя, ни страстная энергія другаго. Въ чемъ же заключались эти препятствія?

Излагая въ предыдущихъ (II — IV) главахъ исторію нашего вопроса въ правленіе трехъ московскихъ государей XVI вѣка, мы видѣли, что *при каждомъ изъ нихъ* не благопріятно обусловливало дѣйствительный успѣхъ идеи, уже достаточно сознанной и правительствомъ и передовыми людьми въ обществѣ. Но кромѣ этихъ особенныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ условій, существовали еще общія и постоянныя, обзоромъ которыхъ мы и закончимъ первую часть нашего очерка.

Идея секуляризаціи въ XVI вѣкѣ — это было новое вино въ старыхъ мѣхахъ. Ея сила, такъ сказать, испарялась, улетучивалась въ общемъ складѣ народной мысли и

жизни, который все еще болѣе благопріятствовалъ дальнѣйшему обогащенію Церкви, нежели — самымъ благовиднымъ притязаніямъ на ея собственность.

Какъ въ частной, такъ и въ государственной жизни нашихъ предковъ XVI вѣка господствовало, въ качествѣ высшаго опредѣляющаго начала, то убѣжденіе, что благотворительное усердіе къ церквамъ и монастырямъ, выражающееся въ обычныхъ приношеніяхъ къ нимъ тѣхъ или другихъ имуществъ, есть вѣрнѣйшій залогъ всякаго блага, общественнаго и частнаго. Такимъ образомъ, высшіе принципы внутренней московской политики вполнѣ совпадали съ тѣми воззрѣніями духовенства, въ силу которыхъ церкви и монастыри искони обогащались вотчинами. Такъ смотрѣли на свои отношенія къ Церкви и тѣ государи, которые стремились ограничить или даже вовсе уничтожить вотчинныя права іерархіи и монашества. Особенно типична въ этомъ отношеніи дѣятельность Ивана IV. Указывая собору 1551 года на вредныя послѣдствія для нравственности монаховъ, происходящія отъ излишняго обогащенія монастырей вотчинами, царь въ то же время говорилъ духовному собранію: «а язъ долженъ вашу всякую тяготу понести *по разсужденію* и бречи во всякихъ скорбѣхъ, елико ми Богъ поможетъ» [1]). Но *разсужденіе* того времени было очень просто; оно съ замѣчательною опредѣленностію высказалось уже въ извѣстныхъ намъ словахъ Іосифа волоцкаго, одного изъ главныхъ защитниковъ права монастырей пріобрѣтать и держать вотчины: «недаромъ, писалъ онъ, церкви и монастыри называются *богомольями*: Бога молитъ игуменъ съ братію за государя, за бояръ и за всѣхъ христіанъ, за что и принимаетъ отъ нихъ милостыню» [2]).

---

[1]) Стоглавъ, стр. 240.

[2]) См. выше, стр. 55. 56.

Теократическій смыслъ того времени видѣлъ въ приношеніяхъ церквамъ и монастырямъ непосредственныя приношенія самому Богу и его святымъ угодникамъ. Въ силу этого взгляда, различіе между богатыми и бѣдными монастырями, установленное въ *законахъ* Ивана IV, не всегда соблюдалось *на практикѣ пожалованій.* Если бѣднымъ монастырямъ правительство не отказывало въ правѣ пріобрѣтать поземельную собственность, «чтобъ имъ было чѣмъ прожити»: то богатые и знатные продолжали пользоваться милостями государей — благодаря *всеобщему благоговѣнію* къ именамъ ихъ основателей, великихъ чудотворцевъ. Это были первенствующія «царскія богомолья», на которыхъ лежала своего рода государственная служба. Права и обязанности этой службы превосходно характеризуются въ извѣстныхъ *богомольныхъ* грамотахъ, которыя обыкновенно разсылались по знатнѣйшимъ монастырямъ во времена общественныхъ бѣдствій и радостей, и при которыхъ всякій разъ прилагалась болѣе или менѣе щедрая «государьская милостыня», для раздачи по рукамъ богомольцевъ (братіи и нищихъ) [1]). Замѣчательна въ высшей степени одна изъ такихъ грамотъ, посланная Грознымъ уже съ одра предсмертной болѣзни въ Кирилловъ монастырь (въ Мартѣ 1584 года). Припоминая, вѣроятно, свое знаменитое обличительное посланіе въ ту же обитель (около 1578 г.), царь смиренно пишетъ теперь игумену и братіи: «что есмы на васъ, по грѣхомъ, покручинилися, и вы бъ насъ въ томъ во всемъ простили, а за насъ бы естя Создателю и Пречистой Богородицѣ и великому Чюдотворцу Кирилу молитву прилежную сотворили, чтобъ Господь Богъ и Пречистая Богородица и великій Чюдотворецъ Кирилъ, *вашими святыми молитвами*, грѣховъ свобожденіе даро-

---

[1]) А. Э. I, № 267, 297, 306, 311. А. И. I, № 214. Дополн. I, № 129. 221

валъ, и отъ смертные нынѣшніе болѣзни мене бъ свободилъ; а язъ вамъ, богомольцомъ своимъ, челомъ бью» [1]). Рѣзкій контрастъ въ тонѣ того и другаго посланія характеризуетъ и самую дѣятельность Ивана IV въ отношеніи къ монастырямъ и монашеству: съ одной стороны онъ помышляетъ объ уменьшеніи поземельныхъ богатствъ своихъ богомолій и богомольцевъ, съ другой—раздаетъ имъ щедрую милостыню не только деньгами, но и вотчинами [2]). Тоже должно сказать и о всѣхъ московскихъ государяхъ отъ Ивана III до Петра Великаго. Мысль о необходимости для блага самого государства жаловать Церкви недвижимыя имущества такъ глубоко коренилась въ политическихъ возрѣніяхъ XVI и XVII вѣка, что ее заносили даже въ государственные акты первостепенной важности. Такъ въ договорныхъ пунктахъ московскихъ бояръ съ польскимъ правительствомъ о возведеніи на русскій престолъ королевича Владислава, въ числѣ главныхъ условій, по настоянію духовенства, поставлено было слѣдующее: «а что дано церквамъ Божіимъ и въ монастыри вотчинъ и угодій... и того данья всѣхъ прежнихъ государей московскихъ и боярскихъ., и всякихъ людей данья у церквей Божіихъ и монастырей не отнимати.... *и, милости ради великаго Бога, къ церквамъ и монастырямъ всякаго наданья прибавливати»* [3]). Отсюда открывается, между прочимъ, какъ смотрѣло ду-

[1]) А. И. I, № 214. Чрезъ нѣсколько дней отправлена въ Кирилловъ монастырь другая такая же грамота. Допол. I, № 120.

[2]) О денежной милостынѣ говорятъ всѣ вообще богомольныя грамоты. Она раздавалась также во время царскихъ поѣздокъ по монастырямъ на богомолье. Такъ въ Обиходникѣ Іосифова волоколамскаго монастыря замѣчено: „милостыни государь жалуетъ, какъ ему Богъ извѣститъ, иногда 100 рублевъ, иногда 200, 300, 400, иногда 600“ (Опис. синод. библіот. Отд. III, ч. 1, стр. 506). Жалованныя грамоты, данныя Грознымъ монастырямъ на вотчины, указаны будутъ ниже.

[3]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. II, стр. 242. 343.

ховенство на соборный приговоръ 15 Января 1580 года, отнимавшій у него всѣ способы дальнѣйшаго пріобрѣтенія поземельныхъ владѣній: оно видѣло въ немъ несправедливое и опасное для государства ограниченіе имущественныхъ правъ Церкви и, конечно, подтверждало свой взглядъ указаніемъ на бѣдствія смутнаго времени...

Что касается до общественной среды, то здѣсь еще слабѣе была оппозиція установившимся взглядамъ и обычаямъ, которые служили главнымъ источникомъ обогащенія церквей и монастырей поземельною собственностью. Особенно крѣпко держался обычай отказывать вотчины по душахъ. Ученіе стригольниковъ и нестяжателей XVI вѣка не успѣло пустить глубокихъ корней въ общественное сознаніе. Во всякомъ случаѣ, оно встрѣчено было противоположнымъ ученіемъ духовной іерархіи, которое какъ нельзя болѣе отвѣчало простымъ религіознымъ понятіямъ того времени. Мы уже имѣли случай упомянуть о предисловіи къ монастырскому синодику, написанному въ концѣ XV вѣка въ доказательство душеспасительности приношеній церквамъ и монастырямъ на вѣчный поминокъ. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ этого предисловія, которыя, надобно думать, съ особенною силою дѣйствовали на религіозное чувство современниковъ. Совѣтуя каждому православному христіанину самому лично и заблаговременно заботиться объ устроеніи своей души посредствомъ отказа, дающаго право на запись въ монастырскій синодикъ, а не поручать это великое дѣло другимъ, хотя бы и очень близкимъ къ себѣ лицамъ, неизвѣстный авторъ говоритъ: «горе тѣмъ, которые не радятъ о своихъ душахъ: грабятъ, насильствуютъ, обидятъ, лихоимствуютъ, а церквамъ Божіимъ ничего не даютъ, и, отходя сего свѣта, приказываютъ устроивать свою душу такимъ же злымъ людяхъ, грабителямъ и немилостивымъ, которые, обрадовавшись такому

богатству, начинаютъ раздумывать: «зачѣмъ онъ самъ, другъ мой, не роздалъ при своей жизни, а зналъ, откуда что взялъ — отъ правды или неправды? Я же не знаю, какъ и кому раздать». Среди этихъ размышленій подходитъ къ нему бѣсъ корыстолюбія и внушаетъ: «добрый человѣкъ! то далъ тебѣ Богъ за твои добрыя дѣла: владѣй, пей, ѣшь и корми дѣтей, себѣ наслѣдниковъ, а они послѣ тебя раздадутъ». Такъ онъ, худоумный человѣкъ, прельщенный бѣсомъ, и беретъ себѣ все то имущество; потомъ, поживши много лѣтъ въ безмѣрномъ объяденіи и пьянствѣ и отходя сего свѣта, приказываетъ женѣ и дѣтямъ, чтобы послѣ его смерти щедро раздавали церквамъ и нищимъ неправедно присвоенное имущество». Жена (какъ мы уже видѣли) не исполнила послѣдней воли мужа, и такимъ образомъ всѣ, начиная отъ перваго завѣщателя, пошли въ адъ. Иная судьба ждетъ за гробомъ — тѣхъ, которые «добрѣ устроиваютъ свою душу», т. е. назначаютъ вѣрныхъ душеприкащиковъ или, что̀ еще лучше, сами непосредственно отказываютъ церквамъ и монастырямъ извѣстное имущество, за которое они записываются, по смерти, въ синодикъ, для вѣчнаго поминанія. „И когда священники по этому синодику, помянутъ надъ просвирою имена усопшихъ, говоря: «помяни, Господи, души рабовъ твоихъ и рабынь имярекъ, давшихъ милостыню сей святой церкви и вписавшихся въ синодикъ сего святаго храма»: то Ангелъ Господень, услышавъ эти слова, съ радостію отходитъ на небо и вписываетъ тѣ имена въ вѣчныхъ обителяхъ, въ книгахъ животныхъ, въ немерцающемъ свѣтѣ, гдѣ радости нѣтъ конца». Доказавъ такимъ образомъ душеспасительность записи въ церковный помянникъ, авторъ воздаетъ ему такую похвалу: «эта спасительная книга полезнѣе всѣхъ божественныхъ писаній. Ибо божественное писаніе пользуетъ только живыхъ, а синодикъ приноситъ пользу и душамъ,

умершихъ. Кромѣ того, божественное писаніе говоритъ и учитъ только о духовной пользѣ, но мало говоритъ о тѣлесномъ покоѣ. А ради спасительнаго синодика бываетъ не только избавленіе отъ вѣчныхъ мукъ и наслажденіе безконечными благами въ будущемъ вѣкѣ, но и въ настоящей жизни — сооруженіе и украшеніе божественныхъ церквей, а также и все церковное довольство, священникамъ, діаконамъ и всей братіи тѣлесной покой, пища и питье, одежда и обувь и весь келейный обиходъ, наконецъ, отсюда же — *села и вертограды, рѣки и озёра, пажити и монастырскій скотъ»* [1]). Да, синодикъ имѣлъ тогда для каждаго монастыря громадное экономическое значеніе. Запись въ такъ называемый *годовой* и *вѣчный* синодикъ, по которому ежегодно совершалось особенное поминованіе умершихъ, въ дни ихъ памяти, съ пѣніемъ заупокойныхъ литургій, съ раздачею милостыни и поставленіемъ «кормовъ» на братію и нищихъ, требовала предварительной ряды съ монастыремъ и, во всякомъ случаѣ, стоила не дешево. «Въ поминанье не пишутъ безъ ряды, отвѣчалъ Іосифъ волоцкій на претензію одной княгини, требовавшей такого поминовенія своихъ покойниковъ, на какое она, по цѣнѣ своего вклада, не имѣла права: «а кому въ поминанье писатися, и они рядятся или навсякъ годъ давати деньги или хлѣбъ, или *село по душѣ дадутъ*, и его напишютъ въ годовое поминанье» [2]). Всѣ люди

[1]) См. выше, стр. 19, примѣч. 1.

[2]) Это посланіе издано *Хрущовымъ* въ изслѣдованіи о сочиненіяхъ Іосифа Санина, стр. 255—260. Интересныя подробности о монастырскомъ поминовеніи содержатся въ Обиходникѣ Іосифова монастыря: „кто похочетъ себѣ учинити вѣчную память, и родителемъ своимъ, всему роду своему, и корму на братію быти на всякъ годъ, доколѣ и монастырь Пречистые стоитъ, дастъ 100 рублевъ, или 200, или 300, или 400, или 500, или село или деревень противъ того цѣною. И за 100 рублевъ написати его въ повседневной списокъ и въ сенаники вѣчные книги, да и родъ его въ сенаникъ напишутъ въ книгу, да на всякъ годъ учинятъ по немъ на братію кормъ, и въ кормо-

состоятельные, конечно, желали быть записанными въ годовой синодикъ и всего чаще платили за то монастырю — вотчинами, такъ какъ это было и удобнѣе, по сравнительной дешевизнѣ земель и дороговизнѣ денегъ, и сообразнѣе съ цѣлію самаго вклада на *вѣчный* поминокъ души, «докудова и міръ стоитъ». Какъ трудно было правительству въ настоящемъ случаѣ итти противъ господствующихъ понятій и воззрѣній своего времени, видно изъ того, что отдача земель по душахъ запрещена была *послѣ всѣхъ другихъ способовъ* пріобрѣтенія монастырями вотчинъ (именно соборнымъ приговоромъ 1573 года), да и въ этомъ запрещеніи выражалась оппозиція не *самому обычаю* дѣлать отказы по душахъ, а только — такимъ отказамъ, предметомъ которыхъ были *земли*. Вотчинникамъ, какъ мы видѣли, всегда оставлялось право устроивать свою душу *съ вотчины*, т. е. назначать на этотъ предметъ извѣстную часть вотчинной земли съ тѣмъ, чтобы *цѣна* ея уплачена была монастырю наслѣдниками или, въ извѣстныхъ случаяхъ, казною. Наконецъ, мы уже выше замѣтили, что и сами государи (именно Грозный) отдавали вотчинныя земли по душахъ въ то время, когда запрещали это самимъ вотчинникамъ [1]).

выя книги и въ списокъ напишутъ, А кто дастъ 200 рублевъ, и за то учинятъ два корма; а кто 300, ино три кормы большіе и три души имянъ ихъ въ повседневномъ спискѣ. А кто дастъ 50 рублевъ, и того написати въ повседневный списокъ и въ сенаницы до вѣка.“ (Опис. рукоп синод. библіот. отд. III, ч. I, стр. 397).

[1]) См. наприм. вкладныя грамоты того же государя—по душѣ князя Юрья Васильевича Новинскому монастырю 1554—5 г. (Акты Калачова I, № 50. V), по братѣ князѣ Юрьѣ Васильевичѣ Спасо-Евѳиміеву суздальскому монастырю 1572 г. (Опис. Рум. Муз., стр. 92), и послушную грамоту крестьянамъ села Правдина, отданнаго въ томъ же году и тому же монастырю по душѣ князя Бѣльскаго (А. И. I, № 182). Денежные вклады Грознаго иногда стоили хорошихъ вотчинъ. Такъ онъ далъ Сергіеву монастырю по сынѣ своемъ царевичѣ Іоаннѣ 5500 рублей (Опис. Сергіевой лавры. 1857, стр. 88).

Если не легко было государямъ и частнымъ лицамъ отрѣшиться отъ обычая *давать* въ монастыри, то понятно, что еще труднѣе было *отнимать* у нихъ то, чѣмъ они уже владѣли. За это Церковь грозила анаѳемою, которая, какъ мы видѣли, со временъ Ивана III, дѣйствительно изрекалась, въ качествѣ предупредительной мѣры, на всѣхъ начальствующихъ, обидящихъ святыя Божія церкви и монастыри [1]). Въ то же время защитники церковной собственности указывали на примѣры страшныхъ сверхъестественныхъ казней, какимъ подвергались всѣ святотатцы [2]). Страхъ, внушаемый подобными примѣрами, тѣмъ сроднѣе былъ душѣ древняго русскаго человѣка, что большая часть недвижимыхъ имуществъ принадлежала церквамъ и монастырямъ по вкладнымъ и духовнымъ грамотамъ, въ которыхъ завѣщатели обыкновенно призывали грозный судъ Божій на всѣхъ, кто посягнулъ бы на цѣлость имущества, даннаго «въ искупленіе души, въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, на память послѣднему роду». Не рѣдко, для болѣе торжественнаго выраженія мысли о неотъемлемости и неотчуждаемости вклада, самая вкладная грамота полагалась въ раку того святаго, храму котораго отказывалось извѣстное имущество [3]). Отсюда посягательство на церковныя и монастырскія вотчины представлялось вдвойнѣ преступнымъ: оно оскорбляло Бога, на служеніе Которому совершались отказы и вклады, и вмѣстѣ разрушало въ самомъ основаніи душеспасительную экономію благочестивыхъ откащиковъ и вкладчиковъ. Кто отнималъ у монастыря имущество, данное по душѣ, тотъ отнималъ у этой души надежду на вѣчное спасеніе. Эту мысль съ особенною силою и убѣдительностію для со-

---

[1]) См. выше, стр. 51.

[2]) Выше, стр. 55 — 59.

[3]) Акты, относящіеся до юрид. быта древ. Россіи, изд. Калачовымъ, т. I, № 63. XVIII и XIX.

временнаго правительства и общества высказалъ въ 1467 году митрополитъ Филиппъ въ посланіи къ новогородскому архіепископу и вѣчу. «Нынѣ, сынове, писалъ онъ, слышахъ, что которые людіе православніи, отходя сего свѣта, помогали собѣ и своимъ душамъ, и писали свои грамоты духовныи, а подавали своя села и своя имѣнія въ соборную церковь, дому Святой Софіи, Божіи Мудрости, и по всѣмъ святымъ церквамъ и по монастыремъ, на очищеніе своимъ грѣхомъ и на поминокъ единородныхъ и безсмертныхъ душъ своихъ и всего роду своего, еже есть во искупленіе долгу, и во изрученіе грознаго и неизбѣжнаго онаго мѣста мучимаго, идѣже онъ богатый и немилостивый стражетъ; и того ради отписывали и давали своя имѣнія по святымъ церквамъ, яко да молитвы о нихъ творятъ многи во святыхъ Божіихъ церквахъ, въ приношеніи святыа безкровныа жертвы, отпущенья ради и прощенья многыхъ согрѣшеній.... И того ради, сыну, писахъ тобѣ, Іонѣ архіепископу, что де твои дѣти, нѣкоторіи посадницы и тысяцкіи, да и отъ Новогородцевъ мнози вставляютъ нѣкая тщетная словеса, мудрствующе собѣ плотская, а не духовная, да хотятъ грубость чинити святѣй Божіей Церкви и грабити святыа церкви и монастыри». Именно: «имъ-же си кто стяжаніемъ бѣдную свою душю хотячи искупити отъ вѣчнаго онаго мученія, да отдалъ свое любострастное имѣніе и села святымъ Божіимъ церквамъ и монастыремъ, измоленіа ради отъ вѣчныхъ мукъ и помяновеніа своеа душа и своего роду,— и дѣти твои нѣкоторіи Новогородци тѣхъ имѣніа церковныя и села данаа хотятъ имати собѣ, а приказъ и духовныя грамоты ихъ рудятъ, а церкви Божіа грабячи, да сами тѣмъ хотятъ ся корыстовати» [1]). Хорошо сознавая всю силу этого аргумента, защитники неприкосновенности цер-

[1]) А. И. I, № 82.

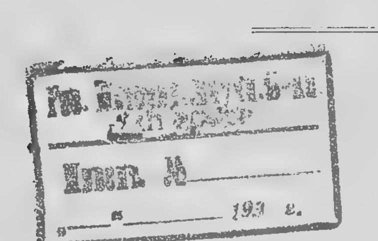
ковныхъ и монастырскихъ вотчинъ обыкновенно говорили о недвижимыхъ церковныхъ имуществахъ, какъ о «данныхъ Богови въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, на память послѣднему роду» [1]), хотя, конечно, не всѣ поземельныя владѣнія Церкви пріобрѣтены ею отказами по душахъ. И опытъ постоянно оправдывалъ увѣренность въ неодолимой силѣ такой аргументаціи. Предъ нею отступали не только справедливыя притязанія политики, но безспорныя требованія права. Такъ Иванъ IV, опредѣливъ на соборѣ 1580 года отобрать въ казну всѣ земли, которыя, вопреки существующимъ законамъ, пріобрѣтены были монастырями куплею или закладомъ, не рѣшился тронуть тѣхъ вотчинъ, которыя, также противузаконно, отданы были въ монастыри по душахъ.

---

[1]) Такъ формулировано уже извѣстное (подложное) правило пятаго вселенскаго собора „на обидящихъ церкви.“ Въ томъ же смыслѣ говорилъ о неприкосновенности церковныхъ имуществъ м-тъ Фотій въ своей духовной грамотѣ 1431 г. (Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, стр. 21), и м-тъ Макарій въ отвѣтѣ Ивану IV (см. выше, стр. 109 — 111).

Изъ записокъ Императорскаго Новороссійскаго Университета.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Инвент. №
193 г.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:				Нужно читать:
Страница		*строка*		
10		17	начнуть . .	начнутъ
20	въ примѣчаніи		Помыслыша . .	Помыслиша
27		13—14	принадлежещихъ .	принадлежащихъ
53		3	аз	за
61		14—5	христіянскія . .	христіанскія
90		16	Миксима . .	Максима
102	въ оглавленіи	4	Попытки . .	Попытка
—	»	7	Башкина . .	Бакшина
—	»	11	валаамскихъ . .	валамскихъ

